

2019
N 3 (49)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

18+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт
МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Law Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Омская академия МВД России

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ГУЧОК А.Е.,
доктор юридических наук, доцент,
Высшая аттестационная комиссия
Республики Беларусь

GUCHOK A.E.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
The Higher Attestation Commission
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЗИГМУНТ О.А.,
PhD,
Университет Фехта
(Германия)

SIEGMUNT O.A.,
PhD,
Vechta University
(Germany)

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Kuban State University

КЛЕАНДРОВ М.И.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
член-корреспондент РАН,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

KLEANDROV M.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, honoured lawyer
of the Russian Federation, honoured worker
of science of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

КОЗАЧЕНКО И.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Уральский государственный
юридический университет

KOZACHENKO I.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Ural State Law University

ЛАВРОВ В.П.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Академия управления МВД России

LAVROV V.P.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Togliatti State University

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
International Police Association;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.

Подписано в печать 23.09.2019. Дата выхода в свет 27.09.2019.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 16,0. Уч.-изд. л. 15,0.

Тираж 300 экз. Заказ N 063. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ЧУКЛОВА Е.В. Место института процессуальной
ответственности в системе права 6

БАВСУН М.В., БУЛАТОВ Б.Б.,
НИКОЛАЕВ К.Д., СИДОРОВА И.В. О проблемах
подготовки научно-педагогических кадров
в образовательных организациях МВД России 16

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ФЕДОТОВА Ю.Г. Административно-
правовая защита прав и законных интересов
военнослужащих и иных граждан, участвующих
в обеспечении обороны и безопасности
государства 24

Раздел 3. Административная деликтология

ХАМЕТДИНОВА Г.Ф. Ответственность родителей
за безнадзорность детей
в информационном пространстве 36

Раздел 4. Уголовный закон

МОРОЗОВ В.И., ГАЛКИН В.В. Характеристика
темпорального признака юридического
критерия невменяемости 44

РЕПЬЕВА А.М., ЕРМАКОВА О.В.
Принудительные меры воспитательного
воздействия: проблемы правоприменения
и перспективы совершенствования 55

КОРНЕЕВ С.А. Меры уголовно-правового
воздействия, не связанные с уголовной
ответственностью 64

Раздел 5. Пенитенциарная система

ПЕТРОВ В.В. Учреждения, исполняющие
изоляция от общества: вопросы терминологии 73

Раздел 6. Правоохранительная политика

ЕМЕЛЬЯНОВ В.М. Проблемы определения
непосредственного объекта
при квалификации отдельных видов
административных правонарушений 80

Section 1. Methodology of law enforcement activities

CHUKLOVA E.V. Place of the institution
of procedural responsibility
in the legal system 6

BAVSUN M.V., BULATOV B.B.,
NIKOLAEV K.D., SIDOROVA I.V.
On the problems of training
of scientific and pedagogical staff
in the educational institutions of the
Ministry of Internal Affairs of Russia 16

Section 2. Human rights protection

FEDOTOVA Yu.G. Administrative and legal
protection of the rights and legitimate
interests of military servants and other
citizens involved in ensuring the defense
and security of the state 24

Section 3. Administrative delictology

KHAMETDINOVA G.F. Responsibility
of parents for the children's
unsupervised Internet use 36

Section 4. Criminal Law

MOROZOV V.I., GALKIN V.V.
Characteristics of the temporal element
of the legal criterion of insanity 44

REPEVA A.M., ERMAKOVA O.V.
Compulsory educational measures:
problems of law enforcement
and prospects for improvement 55

KORNEEV S.A. The criminal law measures
not related to criminal liability 64

Section 5. Penitentiary system

PETROV V.V. Institutions executing
isolation from society: terminology issues 73

Section 6. Law enforcement policy

EMELYANOV V.M. Problems
of determining the direct object
of the offence when qualifying certain
types of administrative offences 80

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение	Section 7. Criminal procedural review
МИШИН В.В. Содержание и отличительные признаки согласительных процедур в российском уголовном судопроизводстве	MISHIN V.V. The content and distinctive features of conciliation procedures in the Russian criminal proceedings
Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики	Section 8. Improving law enforcement practice
НАЗЫРОВА Н.А. Вопросы расследования преступлений, предусмотренных статьей 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации	NAZYROVA N.A. The issues concerning the investigation of the crimes provided by article 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation
Раздел 9. Компаративистика и зарубежный опыт	Section 9. Comparative studies and foreign experience
ДЕСЯТОВА О.В. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран	DESYATOVA O.V. The institution of causing harm during apprehending the person who committed a crime in the legislation of the Russian Federation and foreign countries
Раздел 10. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей	Section 10. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view
ГЕРБЕКОВ И.И. Полиграф как техническое средство профилактики коррупционных правонарушений	GERBEKOV I.I. Polygraph as a technical means of preventing corruption offences
ЧЕРНЯКОВА А.В. Актуальные аспекты уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий	CHERNYAKOVA A.V. Actual aspects of the criminal liability for thefts committed with the use of information and communication technologies
Раздел 11. Обзоры, рецензии, критика	Section 11. Reviews, reviews, criticism
ЛАПШИН В.Ф. Отзыв на диссертацию З.Ф. Зайнуллиной «Уголовно-правовое противодействие контрабанде наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий»	LAPSHIN V.F. Review of the thesis by Z.F. Zaynullina "Criminal law counteraction to smuggling of cash, monetary instruments, alcoholic beverages and tobacco products"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

<p>ЧУКЛОВА Е.В., кандидат юридических наук, доцент, elenachuklova@mail.ru Кафедра предпринимательского и трудового права; Тольяттинский государственный университет, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14</p>	<p>CHUKLOVA E.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, elenachuklova@mail.ru Chair of entrepreneurial and labor law; Tolyatti State University, Belorusskaya St. 14, Tolyatti, 445020, Russian Federation</p>
---	--

МЕСТО ИНСТИТУТА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВА*

Аннотация. Цель исследования – определение правовой природы института процессуальной ответственности, изучение соотношения норм процессуальной ответственности с иными нормами, институтами, отраслями и общностями. Доказано, что институт процессуальной ответственности – это институт публичного права. Он имеет межотраслевой характер, поскольку участники процесса, к которым возможно применение мер процессуальной ответственности, могут иметь как частные, так и публичные интересы, защищаемые, соответственно, мерами ответственности как частных, так и публичных отраслей права. Автором статьи анализируется соотношение норм материального права, которые направлены на охрану процессуальных отношений, характеризуется их взаимодействие с классической процессуальной ответственностью. В рамках исследования раскрыты координационные, субординационные и генетические связи института процессуальной ответственности с иными элементами системы права. Институт процессуальной ответственности имеет сложные координационные связи с материальными отраслями права, выражающиеся в использовании общих терминов, понятий, категорий. Связи субординации проявляются в наличии иерархии между мерами процессуальной ответственности внутри одного нормативного правового акта, а также между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов ответственности. Генетические связи раскрывают общее происхождение структурных образований, входящих в институт процессуальной ответственности.

Ключевые слова: процессуальная ответственность; система права; институт процессуальной ответственности; публичное право; частное право.

PLACE OF THE INSTITUTION OF PROCEDURAL RESPONSIBILITY IN THE LEGAL SYSTEM**

Annotation. The purpose of the study is to determine the legal nature of the institution of procedural responsibility, to study the correlation of the norms of procedural responsibility with other norms, institutions, branches and communities. It is proved that the institution of procedural responsibility is the institution of public law. This institution is of interdisciplinary nature, since the participants in the process, who can be subjects to applying the measures of procedural responsibility, may have both private and public interests, which are protected, respectively, by measures of responsibility of both private and public branches of law. The author of the article analyzes the correlation of the norms of substantive law, which are aimed at the protection of procedural relations, and characterizes their interaction with the classical procedural responsibility. The coordination, subordination and genetic relations of the institution of procedural responsibility with other elements of the legal system are revealed in the research. The institution of procedural responsibility has complex coordination relationships with the substantive branches of law, expressed in the use of common terms, concepts, and categories.

* Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект N 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

** The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-011-00103 A “Legal Responsibility in the Russian Legal System: the Concept of Interaction, Interconnection and Elimination of Contradictions with Other Elements of the Legal System”.

Interconnections of subordination are manifested by the hierarchy between the measures of procedural responsibility within one normative legal act, as well as between the measures of responsibility enshrined in the norms of other institutions of responsibility. Genetic relationships reveal the common origin of the structural elements that are part of the institution of procedural responsibility.

Keywords: procedural responsibility; legal system; institution of procedural responsibility; public law; private law.

Одним из важнейших элементов правовой материи является категория «система права», которая выражает связь и единство правовых норм, их внутренних взаимозависимостей [1, с. 147]. Система права представляет собой модель организации нормативной составляющей правовой системы, это внутреннее строение права, в котором юридическая ответственность занимает важное место. На сегодняшний день имеются исследования юридической ответственности с позиций ее связей с правовой системой, системой права и системой правового регулирования [2]. Так, И.А. Кузьмин, исследуя системные характеристики модели юридической ответственности во взаимосвязи с правовой системой, системой права и системой правового регулирования, предлагает дифференцированный методологический подход к пониманию юридической ответственности как правового явления в составе правовой системы, как нормативного правообразования в составе системы права, а также как правового средства в составе системы правового регулирования [2]. Исследованию макроуровня юридической ответственности посвящены работы Д.А. Липинского, в которых отмечается необходимость изучения института юридической ответственности как полиструктурного образования во взаимосвязи с элементами системы права [3, с. 25].

В указанных работах юридическая ответственность представляется системной категорией права, взаимодействующей с иными правовыми явлениями, но они лишь частично затрагивают категорию процессуальной ответственности. Так, в исследовании И.А. Кузьмина упоминаются процессуальные нормы, являющиеся средством, регламентирующим реализацию юридической ответственности, — «процедурный» элемент системы норм юридической ответственности [2, с. 71], а Д.А. Липинским материальная и процессуальная ответственность характеризуются как парные категории. В настоящей же статье институт процессуальной ответственности рассма-

тривается в соотношении с системой права, исследуется его взаимодействие с частным и публичным правом, взаимосвязи с иными элементами системы права.

Правовой институт является составляющей системы права, его нормы упорядочивают узкую группу типичных общественных отношений. Институт юридической ответственности называют сложным по структуре и межотраслевым [2, с. 53; 4, с. 10]. Так, по мнению Б.Т. Базылева, институт юридической ответственности является комплексным по содержанию, своеобразным по структуре, охранительным по назначению, функциональным институтом, регулирующим деликтные отношения методом наказания [5, с. 47]. Основная задача института юридической ответственности — служить для всей системы права защитным механизмом [6, с. 29]. Институт юридической ответственности можно определить как «сложный, межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения» [7, с. 43].

В свою очередь, институт процессуальной ответственности представляет собой «сложный, межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт процессуального права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на процесс правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских и административных дел; защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предпринимателей, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, а в случае нарушения — регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта процессуального правонарушения» [7,

с. 43]. Считаем возможным использование указанных определений в рамках настоящего исследования.

Система права и система процессуальной ответственности. Рассматривая системные взаимосвязи института процессуальной ответственности, следует остановиться на его соотношении с системой права. Однако в силу того, что они взаимодействуют как часть и целое, данное соотношение весьма условно. Факторы, обуславливающие близость рассматриваемых категорий, находят проявление в следующем.

Во-первых, единство элементов системы права и системы юридической ответственности [8, с. 28]. Норма права является первичным элементом системы права, следующее звено — институт права, статусом которого обладает и нормативная основа процессуальной ответственности. Кроме того, свое отражение в системе права находит порядок реализации процессуальной ответственности.

Во-вторых, институт процессуальной ответственности имеет те же, что и система права, источники возникновения и закрепления. В различных сферах жизни общества происходят процессы, в результате которых появляются новые виды общественных отношений, а также не известные ранее виды общественно опасных деяний. Источником возникновения института процессуальной ответственности являются общественные отношения, требующие правового регулирования.

В-третьих, институт процессуальной ответственности имеет цели, схожие с целями системы права. В нашем случае это упорядочение юрисдикционного процесса, обеспечение его нормального течения посредством развития динамики процессуальных отношений, а при их нарушении — обеспечение регулирования возникших из факта процессуального правонарушения правоотношений.

В-четвертых, полиструктурность системы права и института процессуальной ответственности. Так, обособление публичного и частного права, материального и процессуального права, отраслей права, институтов и норм отражает полиструктурность системы права [3, с. 28]. Процессуальная ответственность — сложно-функциональный системный институт права.

Система процессуальной ответственности на макроуровне подразделяется на негативную и позитивную процессуальную ответственность. Позитивная ответственность как макроуровень института процессуальной ответственности характеризуется соответствующей нормативной основой, закрепленной, в частности, в международных договорах. Так, ст. 18 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси* возлагает на трибунал обязанность «строго ограничивать судебное разбирательство быстрым рассмотрением вопросов, принимать меры для предотвращения любых выступлений, которые могут вызвать неоправдываемую задержку процесса, принимать меры во всех случаях неподчинения требованиям суда, налагать надлежащие взыскания, в том числе лишать любого подсудимого или его защитника права присутствовать на заседаниях».

Исследуя институциональное образование в виде позитивной ответственности, Д.А. Липинский указывает, что она либо находит нормативное закрепление в качестве принципа, либо на ее наличие указывается в преамбуле нормативного правового акта. Позитивная процессуальная ответственность в системе процессуальной ответственности выступает в качестве одной из ее подсистем и регулирует поведение участников процессуальных правоотношений. На макроуровне позитивная процессуальная ответственность выражается в системе норм, закрепляющих процессуальную ответственность [3, с. 31-33].

Процессуальная ответственность как система включает в себя элементы, в качестве которых выступают отдельные виды процессуальной ответственности, каждый из них состоит из совокупности норм, предусматривающих ответственность за соблюдение и нарушение закрепленных в этих нормах предписаний.

* Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в г. Лондоне 8 авг. 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 165-172; Действующее международное право. Т. 3. М.: Моск. независимый ин-т междунар. права, 1997. С. 763-770.

Систему процессуальной ответственности можно условно выразить в виде следующей схемы: процессуальная ответственность в целом (как система) — позитивная и негативная процессуальная ответственность (как подсистемы) — виды процессуальной ответственности (как элементы системы) — норма, предусматривающая процессуальную ответственность (как первичный элемент). В свою очередь, процессуальная ответственность является частью системы юридической ответственности, единство которой обеспечивается предметом, методом, едиными принципами правового регулирования. Процессуальная ответственность как часть системы отличается целенаправленным воздействием на общественные отношения наряду с другими видами юридической ответственности.

Место института процессуальной ответственности в системе права. В-первых, институт процессуальной ответственности есть институт публичного права. В основе деления права на частное и публичное лежат следующие критерии: субъективный интерес, функции, цели и метод правового регулирования. Указанные критерии не позволяют отнести процессуальное право, институтом которого является институт процессуальной ответственности, к публичному или частному. С одной стороны, отличительной чертой процессуальных отношений является их властный характер, определяющий полномочия суда по отношению к другим участникам процесса. С другой стороны, основным принципом судопроизводства является принцип диспозитивности, который проявляется, в частности, в наделении участников широкими правами, и, как следствие, суд совершает процессуальные акты с учетом прав лиц, участвующих в деле. Практически каждая отрасль права имеет в своем арсенале нормы, относящиеся как к частному, так и к публичному праву.

Г.А. Прокопович использует термин «методы социальной регламентации». Данные методы имеют определенную связь с механизмом правового регулирования. По ее мнению, наиболее характерными аспектами взаимодействия публичного и частного права являются: использование норм универсального характера,

использование понятий из одной сферы правового регулирования в актах другой, применение института защиты, характерного для одной сферы, в процессе реализации норм из другой сферы. Кроме этого, отмечается, что в большинстве процессуальных норм заложены возможности корреляции с нормами других отраслей права [9, с. 21]. Главным отличием является то, что в основе разграничения частного и публичного права лежат разные интересы — отдельной личности или государства.

В свою очередь, считаем, что деление права на частное и публичное весьма условно, а исследование взаимосвязей института процессуальной ответственности с частным и публичным правом направлено на обеспечение системного и целостного правового регулирования общественных отношений, поскольку указанные взаимосвязи обеспечивают процесс реализации норм различной отраслевой принадлежности. Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что институт процессуальной ответственности является институтом публичного права, но отнесение процессуальной ответственности к публично-правовой не представляется возможным, поскольку часть санкций применяется не в публичных, а в частных интересах (например, взыскание компенсации за потерю времени). Кроме того, часть санкций имеет восстановительный характер, причина их распространения заложена в назначении юрисдикционного процесса, его задачах и функциях.

Во-вторых, процессуальная ответственность в узком смысле состоит из норм процессуального права, но она направлена на обеспечение реализации норм материального права, в том числе на исполнение ранее невыполненной обязанности. Сложность структуры института процессуальной ответственности, полиморфизм связей между его элементами определяются разнообразием норм, входящих в его структуру. Институт процессуальной ответственности тесно связан с другими институтами процессуального права, что обеспечивает процесс регулирования процессуальных правоотношений. Наиболее интенсивное взаимодействие осуществляется с институтами процессуальных штрафов, доказательств, судебного разбирательства. Особенным образом

институт процессуальной ответственности взаимодействует с нормами материального права, выступая процессуально-правовым компонентом в сфере восстановления субъективных прав и защиты интересов.

Классическое взаимодействие материального и процессуального права можно описать следующим образом. Материальное право отвечает на вопрос «Что?», очерчивая круг прав и обязанностей участников общественных отношений, а процессуальное право отвечает на вопрос «Как?», то есть устанавливает процедуру, механизм защиты и реализации этих прав и обязанностей, в том числе в принудительном порядке. Процессуальное право в каком-то смысле обслуживает отрасли материального права, и в этом активное участие принимают его институты, в том числе институт процессуальной ответственности. Тем не менее во взаимодействии института процессуальной ответственности с нормами материального права все не так просто, поскольку указанный институт объединяет в себе как материальные, так и процессуальные нормы.

На наш взгляд, сложность исследования института процессуальной ответственности заключается в неоднозначности понимания юридического процесса. Процесс можно определить как процессуальную деятельность в юридическом смысле, то есть в качестве юрисдикционной деятельности, взяв за основу осуществление правоохранительной функции. Процесс в этом случае отождествляется с осуществлением правосудия по конституционным, гражданским, уголовным и административным делам либо под процессом следует понимать совокупность всех действий, совершаемых участниками общественных отношений с целью реализации прав и обязанностей, закрепленных материальными правовыми нормами. Считаем, что процессуальная ответственность — институт процессуального права, обладающий межотраслевой природой, цель которого — обеспечение нормального хода юрисдикционного процесса. Защита последнего обеспечивается нормами не только института процессуальной ответственности, но и иных охранительных институтов: институтов мер защиты и мер процессуальной безопасности, институтами уголовной, ад-

министративной и дисциплинарной ответственности.

Целью каждого вида юрисдикционного процесса является разрешение юридических дел посредством вынесения решений, обеспечивающих функционирование всей системы права. Неисполнение требований процессуальных норм приводит к незаконности и необоснованности процессуальных актов, что, в свою очередь, влечет нарушение или неисполнение норм других отраслей права. Нарушения, влекущие применение норм процессуальной ответственности, искажают не только принятые процессуальные акты, но и содержание всего юрисдикционного процесса [10, с. 30].

Реализация защиты прав, свобод и законных интересов, возникающих из публичных правоотношений, реализация защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений, и уголовное судопроизводство осуществляются в рамках определенной процессуальной формы, в границах которой применяются нормы как частного, так и публичного права. В конечном итоге целью деятельности суда является установление истинных фактов по делу и применение к ним норм материального права. Институт процессуальной ответственности, имея непосредственное отношение к реализации принципа состязательности, способствует установлению истины. При разрешении гражданских, административных, уголовных дел реализуется закрепленное Конституцией Российской Федерации право на судебную защиту. Право на справедливое судебное разбирательство относится к основным правам и свободам, а кроме того, находит отражение в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6)*.

* Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) (с изм. от 13 мая 2004 г.) (вместе с Протоколом [N 1] (Подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16 сент. 1963 г.), Протоколом N 7 (Подписан в г. Страсбурге 22 нояб. 1984 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Институт процессуальной ответственности оказывает воздействие на процесс правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских, административных, уголовных дел, поскольку стимулирует должное и необходимое поведение участников, проявляющееся в деятельности по реализации обязанностей в точном соответствии с моделью поведения, указанной в диспозиции правовой нормы, посредством применения к нарушителям мер процессуальной ответственности. Меры процессуальной ответственности направлены на обеспечение возможности реализации модели составительского процесса и надлежащее исполнение участниками процессуальных обязанностей, но в то же время подобные меры отражают одну важную тенденцию: сотрудничество суда и иных участников в достижении результата судебного разбирательства и разделение ответственности за этот результат [11, с. 72]. Институт процессуальной ответственности имеет межотраслевой характер, поскольку участники процесса, к которым возможно применение ее мер, могут иметь как частные, так и публичные интересы, защищаемые, в свою очередь, мерами ответственности как частных, так и публичных отраслей права.

Кроме того, в основе институционального образования процессуальной ответственности лежат как материальные, так и процессуальные по своей правовой природе нормы. Нормы, отвечающие на вопрос «Что следует сделать для их осуществления?» и закрепляющие процессуальную ответственность, являются материальными, а нормы, отвечающие на вопрос «Как следует осуществить материальные предписания?», закрепляющие порядок ее реализации, процедуру осуществления прав и обязанностей, имеют процессуально-правовую сущность. В основе института процессуальной ответственности лежат нормы, закрепляющие меры процессуальной ответственности, применение которых следует за нарушение запретов, в них также закрепляются порядок и условия освобождения от наказания. Норма процессуальной ответственности в силу общеправовой направленности на поддержание баланса между частными и публичными интересами, как правило, обеспечивает

иной интерес, не тот, который реализуется в регулируемом ею правоотношении.

Генетические, координационные и субординационные связи межотраслевого института процессуальной ответственности. Понимание процессуальной ответственности в качестве правового института требует рассмотрения координационных, субординационных и генетических связей.

Юридический процесс является системой, призванной выполнять заданные функции и решать определенный круг задач. Его участники и выполняемые ими задачи и действия находятся в постоянной взаимозависимости и взаимосвязи. Для обеспечения синхронности их действий и взаимодействия используются координационные связи различных правовых институтов. Координационные связи института процессуальной ответственности с иными правовыми институтами обеспечивают взаимодействие участников юридического процесса в интересах выполнения стоящих перед ним задач. Координационные связи предполагают обеспечение согласованности между действиями участников процесса. Только слаженное и эффективное взаимодействие позволяет говорить о хорошей координации. Являясь частью системы права, институт процессуальной ответственности имеет сложные координационные связи с материальными отраслями права. Координационные связи института процессуальной ответственности проявляются в том, что в целях упорядочения юрисдикционного процесса в нормах процессуального и материального права закреплены одинаковые обязанности, а за процессуальные правонарушения предусмотрены различные виды юридической ответственности.

Координационные связи проявляются также и в том, что все институты юридической ответственности, включая процессуальную ответственность, используют схожие правовые механизмы, для всех действуют одинаковые правила квалификации правонарушений, порядок правоприменения. Норма института процессуальной ответственности является частью механизма правового регулирования, основная цель которого — упорядочение состояния юрисдикционного процесса. Фор-

мой проявления координационных связей института процессуальной ответственности и уголовной ответственности является их взаимодействие по линии борьбы с некоторыми видами правонарушений. В действующем законодательстве присутствуют составы процессуальных правонарушений, за которые предусмотрены меры как процессуальной, так и уголовной или административной ответственности. При использовании унифицированных составов правонарушений, общих терминов и понятий осуществляется уравновешенное динамическое развитие процессуальных правоотношений. В их конструкции проявляется основной принцип российской юрисдикции: принцип экономии принудительных средств, суть которого заключается в том, что уголовная ответственность за процессуальные правонарушения возможна только после наложения мер процессуальной и административной ответственности. Таким образом, процессуальное правонарушение и административное правонарушение являются предпосылками и необходимыми звеньями цепи однородных правонарушений, ведущих к уголовной ответственности.

Например, за процессуальное правонарушение, выражающееся в проявлении неуважения к суду, могут быть применены меры процессуальной, административной или уголовной ответственности. В соответствии с ч. 5 ст. 119 АПК РФ арбитражный суд вправе наложить судебный штраф на лиц, участвующих в деле, и иных присутствующих в зале судебного заседания лиц за проявленное ими неуважение к арбитражному суду*. Неуважение к суду, выражающееся в оскорблении судьи, влечет уголовную ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 297 УК РФ. В свою очередь, ответственность за оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, установлена ст. 5.61 КоАП РФ. Следовательно, норма ч. 2 ст. 297 УК РФ, регламентирующая ответственность за оскорбление судьи или иного лица, участвующего в отправление правосудия, является специ-

альной нормой** по отношению к ст. 5.61 КоАП РФ, которая устанавливает, что оскорбление состоит в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме.

В то же время имеется кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, которым оправдательный приговор областного суда с участием присяжных заседателей по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 297 УК РФ, оставлен без изменения.

Как следует из материалов дела, во время рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке, после оглашения председательствующим судьей решения об удалении подсудимого из зала судебного заседания в связи с нарушением им порядка в судебном заседании, он в присутствии участников судебного заседания и сотрудников конвойной службы высказал в адрес председательствующего судьи оскорбительные и неприличные слова, но при этом не конкретизировалось, в чем выразились допущенные подсудимым нарушения порядка судебного заседания***. Из указанного можно сделать вывод о том, что, если бы подсудимому вменили нарушение порядка в судебном заседании, следствием чего стало его удаление из зала суда (мера процессуальной ответственности), то обоснованным было бы и привлечение к уголовной ответственности.

Между процессуальной и дисциплинарной ответственностью имеются координационные связи в ситуациях, когда в силу особого процессуального статуса к некоторым участникам процесса, например судьям, не применяются меры процес-

** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозжухина Николая Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 297 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 окт. 2008 г. N 488-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 янв. 2013 г. N 71-О12-18СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

* Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 дек. 2017 г. N Ф06-2775/2013 по делу N А57-17332/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суальной ответственности. Тем не менее нарушения норм процессуального законодательства, допущенные судьей, могут быть существенными, грубыми и систематическими, а их причина может крыться в недобросовестном отношении судьи к своим должностным обязанностям и нормам судейской этики*. Как следствие, такие нарушения влекут применение мер дисциплинарной ответственности.

Связи субординации института процессуальной ответственности проявляются в наличии иерархии между мерами процессуальной ответственности как внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов, а также мерами ответственности и мерами защиты. Например, меры процессуальной ответственности в виде предупреждения, удаления из зала судебного заседания применяются после устного замечания председательствующего в судебном заседании (ч. 6 ст. 144 КАС РФ), а однократное нарушение обязательства о явке само по себе не влечет применение привода, но может послужить основанием для наложения судебного штрафа.

Связи субординации между институтом процессуальной ответственности и иными институтами ответственности проявляются на уровне оснований применения санкций. В зависимости от степени тяжести процессуального правонарушения применяются, соответственно, меры административной, уголовной или процессуальной ответственности. В процессуальном законодательстве присутствуют примеры формулирования субординационных связей посредством метода исключений. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 122 КАС РФ суд вправе наложить судебный штраф на лиц, участвующих в деле, и иных присутствующих в зале судебного заседания лиц за проявленное ими неуважение к суду. Аналогичная норма содержится в ст. 119 АПК РФ. Судебный штраф за неуважение к суду налагается, если совершенные действия не влекут за собой уголовную ответственность.

* Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 нояб. 2018 г. N 81-АПГ18-19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Под неуважением к суду в контексте нормы ст. 122 КАС РФ понимается, например, использование в тексте поданного в суд процессуального документа неприличных выражений, не оскорбляющих участников судебного разбирательства, лиц, содействующих осуществлению правосудия, суд (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2017 г. N 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел»**). В то же время в п. 7 данного постановления указано, что основаниями для лишения слова являются такие совершенные в ходе выступления участника судебного разбирательства действия (бездействие), как допущение грубых выражений или оскорбительных высказываний либо призывы к осуществлению действий, преследуемых в соответствии с законом (п. 2 ст. 118 КАС РФ). Порядок применения указанных норм: за неуважение к суду без оскорбительных выражений налагается штраф, при наличии оскорбления или призывов к совершению запрещенных законом действий лицо удаляется из зала суда и к нему могут быть применены меры уголовной ответственности.

Однако в судебной практике имеются решения, в которых за оскорбление, умаление авторитета судебной власти налагается судебный штраф. Например, Арбитражный суд Московского округа указал, что уничижительные суждения о профессиональных и личных качествах судьи, содержащиеся в заявлении об отводе судьи, по сути, делают отвод завуалированным способом оскорбления судьи, то есть проявлением неуважения к арбитражному суду, что влечет ответственность по ч. 5 ст. 119 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации***.

Генетические связи раскрывают общее происхождение структурных образований, входящих в институт процессуальной

** О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2017 г. N 21 // Рос. газ. 2017. 20 июня. N 132.

*** Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 окт. 2018 г. N Ф05-15643/2018 по делу N А40-13789/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ответственности, выражающееся в том, что нормы процессуальной ответственности по своей юридической природе близки к административным или гражданско-правовым. Так, процессуальная ответственность существует в двух формах – имущественной и неимущественной. Мерами имущественной процессуальной ответственности являются судебные штрафы; выплата компенсации за фактическую потерю времени; отнесение судебных расходов на счет лица, злоупотребляющего своими процессуальными правами; взыскание издержек, связанных с рассмотрением дела, с лица, которое подавало заявление в целях необоснованного ограничения или лишения дееспособности гражданина; взыскание судебных расходов с заявителя при заведомо ложном заявлении, денежное взыскание, обращение залога в доход государства.

К мерам неимущественной процессуальной ответственности можно отнести: предупреждение о недопустимости нарушения порядка в судебном заседании, удаление из зала судебного заседания. Использование мер имущественной ответственности подчеркивает глубокую генетическую связь с гражданско-правовой ответственностью, но не умаляет отраслевую специфику процессуальной ответственности.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Институт процессуальной ответственности является частью системы права, и факторы, обуславливающие близость рассматриваемых категорий, находят проявление в следующем: во-первых, в единстве элементов системы права и системы юридической ответственности; во-вторых, в единстве источников возникновения и закрепления; в-третьих, в единстве целей и задач; в-четвертых, в полиструктурности системы права и института процессуальной ответственности.

2. Институт процессуальной ответственности является институтом публичного права, но отнесение процессуальной ответственности к публично-правовой не представляется возможным, поскольку, во-первых, часть санкций может применяться не в публичных, а в частных интересах (например, взыскание компенсации за потерю времени), а во-вторых, часть

санкций имеет восстановительный характер, причина их распространения заложена в назначении юрисдикционного процесса, его задачах и функциях.

3. Процессуальная ответственность направлена на обеспечение реализации норм материального права, в том числе на исполнение не выполненной ранее обязанности. Процессуальное право в каком-то смысле обслуживает отрасли материального права, и активное участие в этом принимают его институты, в том числе институт процессуальной ответственности. Тем не менее при взаимодействии института процессуальной ответственности с нормами материального права все не так просто. В основе институционального образования процессуальной ответственности лежат как материальные, так и процессуальные по своей правовой природе нормы.

Нормы, отвечающие на вопрос о том, что следует сделать для их осуществления и закрепляющие процессуальную ответственность, являются материальными, а нормы, отвечающие на вопрос о том, как следует осуществить материальные предписания, и закрепляющие порядок ее реализации, процедуру осуществления прав и обязанностей, имеют процессуально-правовую сущность.

4. Являясь частью системы права, институт процессуальной ответственности имеет сложные координационные связи с материальными отраслями права, выражающиеся в использовании унифицированных составов правонарушений, использовании общих терминов и понятий, в процессе реализации которых происходит уравновешенное динамическое развитие процессуальных правоотношений.

5. Субординационные связи института процессуальной ответственности проявляются в наличии иерархии между мерами процессуальной ответственности как внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов, а также мерами ответственности и мерами защиты. Кроме того, проявление субординации находит выражение на уровне применения санкций. Генетические связи раскрывают общее происхождение структурных образований, входящих в институт процессуальной ответственности.

Список литературы

1. Уксусова Е.Е. Взаимосвязи гражданского процессуального права с правом материальным: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 3. С. 143-153.
2. Кузьмин И.А. Системная модель юридической ответственности: монография Иркутск: Иркутский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Иркут, 2018. 186 с.
3. Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. N 1. С. 25-44.
4. Улетова Г.Д. К дискуссии о методе правового регулирования: традиции и новые тенденции // Современное право. 2017. N 12. С. 5-13.
5. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 120 с.
6. Цюрина Н.В. Юридическая ответственность как институт права // Сибирский юридический вестник. 2013. N 1. С. 29-34.
7. Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как институт права // Вестник гражданского процесса. 2016. N 4. С. 33-51.
8. Кузьмин И.А. Система права и система юридической ответственности: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 163 с.
9. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. 62 с.
10. Шагиева Р.В. Процессуально-правовые нормы и особенности их структуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2013. N 3. С. 26-34.
11. Филатова М.А. О заимствованиях процессуальных институтов в современном российском праве (на примере процессуальных санкций) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. N 12. С. 71-81.

References

1. Uksusova E.E. Vzaimosvyazi grazhdanskogo processual'nogo prava s pravom material'nym: problemy teorii i praktiki [The relationship of civil procedural law with material law: problems of theory and practice]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual problems of Russian law, 2017, no. 3, pp. 143-153.
2. Kuz'min I.A. Sistemnaya model' yuridicheskoy otvetstvennosti [Systemic model of legal responsibility]. Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Irkut Publ., 2018. 186 p.
3. Lipinskiy D.A. Makrouroven' instituta yuridicheskoy otvetstvennosti [Macro level of the Institute of Legal Responsibility]. Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, no. 1, pp. 25-44.
4. Uletova G.D. K diskussii o metode pravovogo regulirovaniya: traditsii i novye tendentsii [To the discussion of the method of legal regulation: traditions and new trends]. Sovremennoe parvo – Modern Law, 2017, no. 12, pp. 5-13.
5. Bazylev B.T. Yuridicheskaya otvetstvennost' [Legal liability]. Krasnoyarsk, Publishing House of Krasnoyarsk University, 1985. 120 p.
6. Tsyurina N.V. Yuridicheskaya otvetstvennost' kak institut prava [Legal responsibility as an institution of law]. Sibirskiy yuridicheskiy vestnik – Siberian Law Journal, 2013, no. 1, pp. 29-34.
7. Lipinskiy D.A., Chuklova E.V. Processual'naya otvetstvennost' kak institut prava [Procedural responsibility as an institution of law]. Vestnik grazhdanskogo protsesssa – Bulletin of civil process, 2016, no. 4, pp. 33-51.
8. Kuz'min I.A. Sistema prava i sistema yuridicheskoy otvetstvennosti [The system of law and the system of legal responsibility]. Irkutsk, ISU Publishing House, 2018. 163 p.
9. Prokopovich G.A. Teoreticheskaya model' yuridicheskoy otvetstvennosti v publichnom i chastnom prave. Avtoref. Dokt. Diss. [The theoretical model of legal responsibility in public and private law. Autoabstract Doct. Diss.]. St. Petersburg, 2010. 62 p.
10. Shagieva R.V. Processual'no-pravovye normy i osobennosti ih struktury [Procedural legal norms and features of their structure]. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Jurisprudence, 2013, no. 3, pp. 26-34.
11. Filatova M.A. O zaimstvovaniyah protsessual'nyh institutov v sovremennom rossiyskom prave (na primere protsessual'nyh sanktsiy) [On the borrowing of procedural institutions in modern Russian law (on the example of procedural sanctions)]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2015, no. 12, pp. 71-81.

- БАВСУН М.В.,
доктор юридических наук, профессор,
kafedramvd@mail.ru
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск,
ул. Комарова, 7
- BAVSUN M.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
kafedramvd@mail.ru
Omsk Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Komarova St. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation
- БУЛАТОВ Б.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
dissovetoma@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск,
ул. Комарова, 7
- BULATOV B.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
dissovetoma@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Omsk Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Komarova St. 7,
Omsk, 644092,
Russian Federation
- НИКОЛАЕВ К.Д.,
кандидат юридических наук, доцент,
dissovetoma@mail.ru
Кафедра уголовного права;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск,
ул. Комарова, 7
- NIKOLAEV K.D.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
dissovetoma@mail.ru
Chair of criminal law;
Omsk Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Komarova St. 7, Omsk, 644092,
Russian Federation
- СИДОРОВА И.В.,
кандидат юридических наук,
sidorova.81@mail.ru
Адъюнктура;
Омская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
644092, г. Омск,
ул. Комарова, 7
- SIDOROVA I.V.,
Candidate of Legal Sciences,
sidorova.81@mail.ru
Postgraduate courses;
Omsk Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Komarova St. 7,
Omsk, 644092,
Russian Federation

О ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и спорные вопросы деятельности в системе подготовки кадров в образовательных организациях МВД России. Подвергается анализу ведомственное нормативно-правовое регулирование в этой сфере. Авторы поддерживают мнение о том, что целью адъюнктской (аспирантской) подготовки должна быть защита кандидатской диссертации. Отстаивается целесообразность сохранения докторантуры как наиболее важного ресурса для подготовки докторов юридических наук. Исследуются критерии оценки результативности научной деятельности членов диссертационных советов. Выводы и предложения, сформулированные в статье, могут быть использованы при совершенствовании ведомственной

нормативно-правовой регламентации подготовки адъюнктов, аспирантов и докторантов, повышении эффективности организации учебного и научного процесса в адъюнктуре и докторантуре, подготовке более качественных диссертационных исследований, при решении вопросов соответствия результативности научной деятельности членов диссертационных советов целевым индикаторам, содержащимся в Плане мероприятий (дорожной карте) по оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Ключевые слова: научно-педагогические кадры; адъюнктура; аспирантура; докторантура; диссертация; диссертационный совет; целевые индикаторы.

ON THE PROBLEMS OF TRAINING OF SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL STAFF IN THE EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Annotation. The problems and controversial issues concerning the system of staff training in the educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are discussed in the article. The departmental normative legal regulation in this area is analyzed. The authors support the view that defending the PhD dissertation (candidate dissertation) should be the objective of the postgraduate training. The expediency of maintaining the doctoral studies as the most important resource for training of Doctors of Legal Sciences is substantiated. The criteria for evaluating the effectiveness of scientific activity of members of dissertation councils are examined. The conclusions and proposals formulated in the article can be used to improve the departmental normative legal regulation of postgraduate and doctoral training, as well as the efficiency of the educational and scientific process at the postgraduate courses and doctoral studies. They can also be used to improve the quality of planning and conducting the dissertation research and to solve the issues concerning the compliance of the effectiveness of scientific activities of the members of dissertation councils with the target indicators contained in the Action Plan (roadmap) for optimizing the network of the dissertation councils for the defense of dissertations for the degree of Candidate of Science, as well as for the degree of Doctor of Science.

Keywords: scientific and pedagogical staff; postgraduate courses; doctoral studies; thesis; dissertation board; target indicators.

Подготовка научно-педагогических кадров в образовательных и научных организациях МВД России осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»*, Федеральным законом от 23 августа 1996 г. N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»** и др.

Особенности данного направления деятельности определяет ведомственное нормативно-правовое регулирование. 24 апреля 2019 г. приказом МВД России N 272

* Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. N 273-ФЗ: ред. от 1 мая 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 53 (ч. I). Ст. 7598; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон от 23 авг. 1996 г. N 127-ФЗ: ред. от 26 июля 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 35. Ст. 4137; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

«О внесении изменений в нормативные правовые акты МВД России» были внесены изменения в Инструкцию по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденную приказом МВД России от 26 сентября 2016 г. N 890, и в приказ МВД России от 18 марта 2013 г. N 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации». Эти изменения касаются вопросов планирования в научных и образовательных организациях МВД России. Утверждена новая редакция Типового положения по приемке результатов научно-исследовательских работ, подготовленных образовательными организациями системы МВД России, ЭКЦ МВД России, Руководства по осуществлению научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации (приказ МВД России от 1 апреля 2016 г. N 155). К данному руководству прилагается Типовое положение о группе

экспертов образовательной (научной) организации системы МВД России и форма экспертного заключения.

Перечисленные и другие изменения направлены на дальнейшее совершенствование порядка организации научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации.

Каждый вуз МВД России, в том числе и Омская академия МВД России (далее – академия), занимается воспроизводством научно-педагогических кадров. Их подготовка осуществляется преимущественно через адъюнктуру. Особенностью является то, что в ней обучаются и аспиранты из числа сотрудников правоохранительных органов иностранных государств. Гарантом успешного решения этой задачи является функционирование на базе академии диссертационных советов: Д 203.010.01 по научным специальностям 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право и 12.00.09 – Уголовный процесс; ДС 203.006.01 по научной специальности 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность, а также объединенного диссертационного совета, созданного на базе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Алтайского государственного университета и Омской академии МВД России Д 999.008.03 по научным специальностям 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право и 12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Специалистами справедливо отмечается сложность защиты диссертации адъюнктами (аспирантами) образовательных и научно-исследовательских организаций, в которых отсутствуют диссертационные советы [1, с. 20].

Научным сообществом позитивно оценивается концентрация подготовки аспирантов в ведущих вузах страны, что соответствует мировому опыту [2, с. 16]. Следуя этой тенденции, целесообразно, по нашему мнению, поддержать предложение о подготовке кандидатов наук в головных вузах правоохранительной систе-

мы, в том числе МВД России, в которых имеются диссертационные советы [1, с. 11].

Кроме того, в академии издается два рецензируемых журнала: «Психопедагогика в правоохранительных органах» и «Научный вестник Омской академии МВД России», которые входят в перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России. Таким образом, адъюнкты (аспиранты) имеют возможность защищать диссертации по всем специальностям подготовки научно-педагогических кадров в академии.

До вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обучение в адъюнктуре относилось к послевузовскому образованию. При переходе на новые федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (далее – ФГОС ВО) адъюнктура стала третьей ступенью высшего образования, которая реализует программу подготовки научно-педагогических кадров.

В настоящее время образовательная деятельность в адъюнктуре академии ведется по программам подготовки научно-педагогических кадров по направлениям подготовки 40.06.01 и 40.07.01 – Юриспруденция, по направленностям (профилям): Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (научная специальность 12.00.01); Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (научная специальность 12.00.02); Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научная специальность 12.00.08); Уголовный процесс (научная специальность 12.00.09); Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (научная специальность 12.00.12); Административное право, административный процесс (научная специальность 12.00.14) и по направлению подготовки 40.06.01 – Юриспруденция, по направленностям (профилям): Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (научная специальность 12.00.08); Уголовный процесс (научная специальность 12.00.09).

Согласно ФГОС ВО в адъюнктуре увеличился объем обязательных для изучения дисциплин (модулей), появилась необходимость выполнять учебный план с

определенным количеством зачетных единиц в год и т.д.

Обучение в адъюнктуре завершается государственной итоговой аттестацией по программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров. Она проводится в форме государственного экзамена и представления научного доклада об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы (диссертации). В 2017 году впервые вручены дипломы об окончании адъюнктуры и присвоена квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь» выпускникам адъюнктуры очной формы обучения, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию.

Адъюнктура проходит лицензирование на осуществление образовательной деятельности, а также аккредитационную экспертизу по основным образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров. В 2018 году в адъюнктуре проводилась аккредитационная экспертиза по основным образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по направлению подготовки 40.06.01 – Юриспруденция. Приложение к свидетельству о государственной аккредитации получено.

Следует отметить, что большинство представителей научного сообщества высказывает несогласие со статусом адъюнктуры (аспирантуры) как третьей ступени образования, считая это большой ошибкой. Аспирантура – не обучение, а научная подготовка будущего исследователя [1, с. 18]. Фактически же адъюнкты (аспиранты) ежедневно не менее 4-6 часов проводят в аудитории на обязательных для посещения занятиях. Отсюда дефицит времени для проведения научного исследования, участия в научных форумах, написания статей и текста диссертации, общения с научным руководителем.

А.М. Марголин и Р.М. Мельников отмечают, что принятое в 2013 году решение о придании программам подготовки кадров в аспирантуре статуса программ высшего образования привело к неоднозначным последствиям. Вместе с ними в аспирантуру пришел формализм [3, с. 11, 16].

На сложившуюся ситуацию обращалось внимание Президента Российской Федерации В.В. Путина на встрече с главой Российской академии наук А.М. Сергеевым в январе 2019 года*. Премьер-министр Д.А. Медведев поручил исключить аспирантуру из уровней высшего образования в России: «...аспирантура – это не уровень высшего образования. Об этом неоднократно выступали наши коллеги-ученые, это ошибочная позиция и ее нужно менять»**.

Авторы данной статьи придерживаются радикального подхода к реформированию адъюнктуры (аспирантуры). Суть его состоит в том, что она не должна являться третьим уровнем образования, а ее правовое положение должно регулироваться федеральным законом о науке.

Имеется и иной, более компромиссный вариант, по которому в качестве основной цели программ третьего уровня высшего образования предлагается нормативно определить подготовку и защиту кандидатской диссертации. В любом случае уже сейчас необходимо за счет сокращения обязательного по расписанию учебного процесса и перевода его в рамки экстерната, информационно-дистанционных технологий, а также разработки дополнительного методического обеспечения для самостоятельной работы адъюнктов (аспирантов) разрешить корректировать объем образовательной части адъюнктской (аспирантской) программы, переносить часть нагрузки из блока образовательных дисциплин, модулей в блок научных исследований и практик, расширив в этой части самостоятельность вузов [2, с. 10, 14, 16].

В соответствии с Планом комплектования образовательных организаций системы МВД России кандидатами из числа сотрудников правоохранительных органов иностранных государств в академии проходят обучение аспиранты из Министерства юстиции и внутренних дел Монголии. К сожалению, большинство кандидатов на обучение не имеют достаточной для успешного освоения образовательной программы аспирантуры подготовки по русскому языку

* Рос. газ. 2019. 10 янв.

** Там же. 2019. 20 мая.

и не владеют навыками письменной научной речи на русском языке. В целях совершенствования языковых навыков для аспирантов из Монголии был введен факультатив «Русский язык» объемом 180 часов. На наш взгляд, для поступающих в адъюнктуру иностранных специалистов следует ввести экзамен по русскому языку.

Очень серьезной проблемой является отсутствие официального или какого-либо другого перевода на русский язык кодифицированных законов (УК, УПК Монголии), принятых в результате правовой реформы, проведенной в Монголии в 2017 году. Фактически научным руководителям, рецензентам, оппонентам, профессорско-преподавательскому составу приходится работать в условиях правового вакуума.

Следует акцентировать внимание на том, что в последнее время значительная часть аспирантов не имеет опыта работы по избранной научной специальности, что также осложняет процесс обучения и подготовки диссертации.

Наконец, в литературе справедливо поднимается вопрос о том, что полученная аспирантом квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь» не соответствует степени PhD, обычно присуждающейся выпускникам аспирантских программ в университетах зарубежных государств, что снижает мотивацию иностранцев к обучению в российской аспирантуре [2, с. 10]. Было бы интересно перевести обсуждение данного вопроса в практическую плоскость.

Важнейшим институтом для подготовки докторов наук является докторантура. Следует отметить, что действующая законодательная база позволяет образовательным, научно-исследовательским организациям при определенных условиях иметь докторантуры. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 28 «Компетенция, права, обязанности и ответственность образовательной организации» Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «образовательные организации высшего образования осуществляют научную и (или) творческую деятельность, а также вправе вести подготовку научных кадров (в докторантуре)». Согласно ч. 2 ст. 4.1 «Подготовка диссертаций на соискание ученой степени канди-

дата наук, ученой степени доктора наук» Федерального закона от 23 августа 1996 г. N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» «диссертация на соискание ученой степени доктора наук научными и педагогическими работниками может быть подготовлена в докторантуре организаций, в которых созданы советы по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук». Аналогичная норма содержится в абз. 3 ст. 2 раздела I «Общие положения» Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*. В контексте обсуждаемого вопроса следует указать и Положение о докторантуре, утвержденное Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2014 г. N 267**.

Более того, ст. 6 Положения о порядке оказания Министерством обороны Российской Федерации услуг по подготовке и обучению военных и военно-технических кадров иностранных государств гласит: «В пределах ежегодных квот на безвозмездной и льготной основах может осуществляться подготовка научных кадров для министерств обороны и иных ведомств иностранных государств в военной докторантуре военных образовательных организаций»***.

* О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842; ред. от 1 окт. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 40 (ч. III). Ст. 5074; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Об утверждении положения о докторантуре: постановление Правительства Российской Федерации от 4 апр. 2014 г. N 267; ред. от 1 окт. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 15. Ст. 1759. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** Об оказании Министерством обороны Российской Федерации услуг по подготовке и обучению военных и военно-технических кадров иностранных государств: постановление Правительства Российской Федерации от 29 окт. 2015 г. N 1164 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. N 45. Ст. 6254.

В связи с изложенным представляется возможным восстановить институт докторантуры в системе образовательных и научно-исследовательских организаций МВД России при наличии в них советов по защите диссертации.

Успешное функционирование диссертационных советов предполагает их соответствие определенным требованиям [4]. В Плане мероприятий (дорожной карте) по оптимизации сети диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденном Минобрнауки России 23 августа 2016 г.* (далее — дорожная карта), нашли отражение соответствующие целевые индикаторы, согласно которым необходимо достичь установленных показателей результативности научной деятельности членов диссертационных советов. Критерии оценки результативности научной деятельности организаций и членов диссертационных советов утверждены решением Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. N 1пл/1. В соответствии с названным решением для юридических наук устанавливается два критерия: согласно одному из них члену диссертационного совета за пять лет необходимо иметь не менее пяти научных публикаций в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук; согласно другому — требуется наличие за пять лет не менее одной публикации в изданиях, индексируемых в международных цитатно-аналитических базах данных Web of Science (WOS) и SCOPUS.

Вместе с тем серьезные трудности в реализации требуемого уровня научной активности членов диссертационных сове-

тов, созданных на базе учреждений именованной системы МВД России, возникают в связи с отсутствием реальной возможности такую активность проявлять. Речь в данном случае идет об отсутствии в образовательных и научных организациях системы МВД России изданий, которые бы входили в базы цитирования WOS или SCOPUS.

В сложившихся условиях неизбежным является вопрос относительно того, как можно обеспечить требуемый уровень научной активности в условиях полного издательского вакуума. Конечно, можно обратиться в журналы, издаваемые на базе других вузов России, или в зарубежные издания.

Однако наиболее перспективным является путь, который направлен на включение журналов, издаваемых в вузах МВД России, в указанные базы цитирования. Следует отметить, что в некоторых учебных организациях работа в этом направлении ведется, и уже не первый год. Это Нижегородская академия МВД России и Московский университет МВД России, а также Омская академия МВД России и др. В частности, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» в настоящий момент полностью соответствует такой базе цитирования, как WOS. Однако даже при полном соответствии существующему набору критериев включение в одну из приоритетных международных площадок по размещению публикационной продукции далеко не всегда гарантировано. Для этого также требуется выполнение большого количества так называемых сопутствующих требований, которые предъявляются уже не к самому журналу и издаваемым в нем текстам. Например, обязательным условием включения того или иного журнала в такие базы цитирования, как WOS или SCOPUS, являются: наличие собственного сайта и его соответствие достаточно жесткому набору критериев, которые к нему в таких случаях предъявляются; обязательный предварительный мониторинг журнала (который также осуществляется на финансовой основе); наработанная история издания, которая должна быть подтверждена как минимум несколькими номерами, вышедшими в свет в соответствии с теми требованиями, которые предъявляются WOS, и т.д.

* План мероприятий (дорожная карта) по оптимизации сети советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: утв. Минобрнауки России 23 авг. 2016 г. (с изм. от 25 июня 2018 г.) // Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://arhvak.minobrnauki.gov.ru>

Следует отметить, что при сохранении заданного вектора в направлении открытости и доступности для западного читателя целесообразно рассмотреть вопрос о возможности размещения российских журналов юридического профиля на других международных площадках, которых на самом деле не так и мало. Речь, в частности, идет о таких базах, как Social Sciences Citation Index, Arts and Humanities Citation Index, EBSCOhost, DOAJ, Ulrich Periodicals Directory, и др.

Полагаем, что применительно к данному аспекту необходимо пойти еще дальше, создавая и развивая собственные международные базы цитирования (по типу РИНЦ), которые имели бы российское, а не англосаксонское происхождение и соответствовали критериальным значениям определения научной активности членов диссертационных советов. Более того, такая работа ведется, а ее реальным воплощением является уже существующая база Russian Science Citation Index (RSCI), которая стала четвертой (наряду с западноевропейской и американской) площадкой после ранее созданных китайской, корейской и латиноамериканской. Уже сегодня подписано соглашение о создании арабского индекса научного цитирования, также имеющего крайне важное региональное значение. На данный момент ведется работа по созданию других региональных баз цитирования, в частности африканской, южноазиатской, и индекса стран АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии). «Есть планы и по развитию RSCI: в будущем база данных объединит лучшие журналы на русском языке на пространстве бывшего СССР. Так, рабочей группой РАН было принято решение о включении в RSCI лучших научных журналов Беларуси, Украины и Молдовы, рассматривается вопрос о журналах Армении и Казахстана»*.

Уверены, что приоритет при определении мерила научной активности современных ученых должны иметь именно такие места размещения научной продукции, в которых она будет пользоваться соответствующим научным спросом. В связи с этим страны СНГ и в целом постсовет-

ское пространство, безусловно, — тот регион, который и ментально, и по своей законодательной базе, и по языку-носителю ближе всего к нам. Работы ученых России и других стран СНГ представляют взаимный научный интерес, а озвученные в них идеи вполне способны получить дальнейшее реальное развитие.

Впрочем, на научную активность членов диссертационных советов могут указывать и другие данные, которые сегодня, к сожалению, не отнесены к мониторинговым показателям, определяющим их эффективность. На данный момент среди таких показателей для юридической специальности нет монографий, истинная ценность которых значительно выше иной публикации, даже нашедшей свое отражение в любой из баз цитирования. Безусловно, и к монографиям должны предъявляться соответствующие требования, которые уже давно разработаны. Это их тираж (не менее 500 экземпляров), рецензируемый характер, объем не менее десяти печатных листов, а также любой другой критерий, который может быть отнесен к числу обязательных для данного вида научного труда. Речь, как представляется, должна идти не только о монографиях, но и о курсах лекций, академических курсах и, возможно, даже учебниках. Последние хотя и не относятся к научной продукции, но по своему уровню нередко вполне подпадают под ее критерии.

Проведенный анализ проблем подготовки научно-педагогических кадров в образовательных организациях МВД России позволяет сформулировать следующие выводы:

— адъюнктура (аспирантура) не должна являться третьим уровнем образования. Ее цель — подготовка и защита кандидатской диссертации. Возможно увеличение сроков обучения. Написание научной работы является обязательным условием. При отсутствии результата не исключено возмещение затрат на обучение в соответствии с заключенным контрактом;

— кандидаты из числа сотрудников правоохранительных органов иностранных государств, направляемых на обучение, должны иметь достаточную подготовку по русскому языку. Целесообразно ввести экзамен по русскому языку для по-

* См.: О развитии базы данных Russian Science Citation Index (RSCI). URL: <https://4science.ru>

ступающих в адъюнктуру. Желательно также, чтобы будущие аспиранты имели опыт практической работы по избранной научной специальности;

– действующий закон, нормативно-правовое регулирование позволяет восстановить институт докторантуры для подготовки докторантами диссертации на соискание ученой степени доктора наук в системе МВД России. Данное решение представляется возможным в учебных и научных исследовательских организациях МВД России, в которых имеются диссертационные советы, а в штатном расписании до сих пор не сокращены должности докторантов;

– назрела необходимость провести мероприятия по включению журналов, издаваемых на базе вузов системы МВД России, в рекомендуемые дорожной картой базы цитирования научных данных WOS или SCOPUS, а также в иные международные базы в целях популяризации научной

продукции отечественных ученых и издаваемой ими продукции за рубежом;

– следует рассмотреть вопрос о расширении перечня международных баз цитирования, которые могут быть учтены в качестве критериальных значений, определяющих научную активность членов диссертационных советов. Приоритет при этом должен отдаваться региональным базам, охватывающим постсоветское пространство, а также среднеазиатский регион, в частности, такой базе, как Russian Science Citation Index (RSCI), и др.;

– определять научную активность членов диссертационных советов возможно с помощью альтернативных критериев с обязательным рассмотрением вопроса о включении в их число монографий, курсов лекций, проблемных и академических курсов, возможно, учебников с соответствующей разработкой обязательных критериев, которые должны предъявляться к изданиям подобного рода.

Список литературы

1. Мацкевич И.М., Мацкевич О.В. Особенности подготовки научно-педагогических кадров высшей научной квалификации в образовательных и научно-исследовательских организациях правоохранительной системы // Союз криминалистов и криминологов. 2018. N 1. С. 7-28.
2. Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. N 3. С. 9-20.
3. Марголин А.М., Мельников Р.М. Пути повышения эффективности подготовки аспирантов // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. N 12. С. 9-19.
4. Критерии оценки деятельности диссертационных советов для трансформации национальной сети аттестации кадров ВНК / И.А. Шишканова, С.И. Пахомов, В.А. Гуртов, И.В. Пенне // Актуальные проблемы российского права. 2017. N 4. С. 208-215.

References

1. Matskevich I.M., Matskevich O.V. Osobennosti podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshey nauchnoy kvalifikatsii v obrazovatel'nyh i nauchno-issledovatel'skih organizatsiyah pravoohranitel'noy sistemy [Features of the preparation of scientific and pedagogical personnel of the highest scientific qualification in educational and scientific research organizations of the law enforcement system]. Soyuz kriminalistov i kriminologov – Union of Criminologists and criminologists, 2018, no. 1, pp. 7-28.
2. Bedniy B.I., Chuprunov E.V. Sovremennaya rossiyskaya aspirantura: aktual'nye napravleniya razvitiya [Modern Russian postgraduate study: current trends of development]. Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2019, vol. 28, no. 3, pp. 9-20.
3. Margolin A.M., Mel'nikov R.M. Puti povysheniya effektivnosti podgotovki aspirantov [Ways to increase the effectiveness of postgraduate training]. Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher education in Russia, 2018, vol. 27, no. 12, pp. 9-19.
4. Shishkanova I.A., Pahomov S.I., Gurtov V.A., Penne I.V. Kriterii otsenki deyatel'nosti dissertatsionnykh sovetov dlya transformatsii natsional'noy seti attestatsii kadrov VNK [Criteria for assessing the activity of dissertation councils for the transformation of the national network of certification of VNK personnel]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava Actual problems of Russian law, 2017, no. 4, pp. 208-215.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ФЕДОТОВА Ю.Г., кандидат юридических наук, julia.fedotowa@yandex.ru Центр экспертных исследований факультета национальной безопасности; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 84	FEDOTOVA Yu.G., Candidate of Legal Sciences, julia.fedotowa@yandex.ru Expert research center of the National Security Department; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vernadsky Ave. 84, Moscow, 119606, Russian Federation
--	---

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ИНЫХ ГРАЖДАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье раскрывается содержание административно-правовой защиты прав и законных интересов военнослужащих и иных граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности государства, которое образует совокупность реализуемых в установленном порядке административно-правовых средств, способов, форм, мер, институтов, механизмов такой защиты. Средства административно-правовой защиты классифицированы на юрисдикционные и неюрисдикционные, применяемые в судебном и внесудебном порядке. Средства административно-правовой защиты могут быть связаны с признанием административно-правового статуса или реализацией прав и законных интересов, а также классифицированы по субъекту защиты на индивидуальные и коллективные, по характеру обращения за защитой — на прямые и опосредованные, по целям и субъектам реализации. К числу внесудебных непроцессуальных средств административно-правовой защиты отнесены действия и заявление требований по выражению намерения управомоченных лиц, что может проявляться, например, в отстаивании военнослужащим своих жилищных прав в случае необеспеченности жилым помещением до момента увольнения. Выявлен дисбаланс правового регулирования средств административно-правовой защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности, предложены меры по решению данной проблемы.

Ключевые слова: административно-правовая защита; военнослужащий; оборона; безопасность; средство; способ; форма; порядок; механизм; мера.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MILITARY SERVANTS AND OTHER CITIZENS INVOLVED IN ENSURING THE DEFENSE AND SECURITY OF THE STATE

Annotation. The article reveals the content of the administrative and legal protection of the rights and legitimate interests of military personnel and other citizens involved in ensuring the defense and security of the state, which forms the totality of administrative and legal means, methods, forms, measures, institutions, mechanisms of such protection, implemented in the prescribed manner. Administrative and legal remedies are classified into jurisdictional and non-jurisdictional, implemented in court and out of court. The means of administrative and legal protection can be connected with the recognition of the administrative and legal status or the implementation of rights and legitimate interests. They can also be classified into individual and collective, according to the subject of protection. According to the nature of the appeal for protection they can be classified into direct and indirect. They can also be classified according to the goals and subjects of their implementation. Among the extrajudicial non-procedural means of administrative and legal protection are the actions and claims for expressing the intention of authorized persons, which can be manifested, for example, in defending the housing rights by a military man in case of lack of housing before the moment of dismissal. The imbalance of legal regulation of the means of administrative and legal protection of the rights and

legitimate interests of the citizens involved in ensuring the defense and security is revealed. The measures to solve this problem are proposed.

Keywords: administrative and legal protection; military man; defense; security; means; way; form; order; mechanism; measure.

Административно-правовая защита прав и законных интересов военнослужащих и иных граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности государства, представляет собой важное условие обеспечения реализации правового статуса граждан в сфере обороны и безопасности Российской Федерации. В связи с этим следует определить элементы механизма административно-правовой защиты и привести их характеристику и классификацию, что может способствовать решению ряда теоретических и практических проблем обеспечения прав и законных интересов таких лиц.

В отдельных исследованиях понятия «средство защиты», «способ защиты» и «механизм защиты» употребляются в качестве синонимов [1, с. 70-75, 230-260]. Например, с помощью таких характеристик раскрывают нормы-гарантии [2]. В качестве способов обеспечения законности называют государственный контроль (который отличается соподчинением органов и может быть подразделен на внешний и внутренний, общий и специальный), надзор (не имеющий свойства соподчиненности и классифицируемый на административный и прокурорский) и обжалование действий и решений органов исполнительной власти и их должностных лиц [3, с. 342-366].

Охрана прав и законных интересов возможна в судебном и внесудебном (административном) порядке [4, с. 42]. Под формой защиты понимают порядок разрешения возникшего конфликта (спора), процессуальный или процедурный порядок реализации тех или иных способов защиты, в связи с этим разграничивают ее юрисдикционные и неюрисдикционные (самозащита, медиация) формы. При этом юрисдикционные формы могут быть судебными и внесудебными (последние включают в себя защиту посредством обращения в компетентные органы (административная форма) и защиту посредством третейского разбирательства).

Под способами защиты субъективных прав подразумевают установленные

законом меры, приемы, с помощью которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав, оказывается воздействие на правонарушителя и которые направлены на охрану законных интересов, а под средством защиты – правовой инструмент, благодаря которому возбуждается та или иная процедура защиты права (обращение, жалоба, иск, требование и др.), при этом средство защиты включает в свое содержание способ [5, с. 32-37]. Формы защиты различаются в зависимости от того, возникли или нет процессуальные правоотношения, поэтому свойством юрисдикционной формы является наличие процессуальных норм. У каждой формы защиты имеются способы защиты прав, и каждый из них реализуется определенными средствами. Под средствами понимают юридические или фактические действия субъектов права, например, такой способ, как признание права, может быть реализован с помощью такого средства, как иск (в свою очередь, рассматриваемый как процессуальное действие). Способ изменения либо прекращения правоотношения может быть реализован с помощью такого средства, как гражданско-правовой договор (реальное поведение сторон – материальное содержание правоотношения) [6, с. 28]. Таким образом, способ защиты, по сути, является реализуемым субъективным правом или правомочием лица.

К средствам защиты ряд авторов относит не только действия, включая в них самоуправство и самооборону, но и их правовые основания [7]. При этом правовые средства укрепления воинской дисциплины подразделены на основные, под которыми понимаются меры воспитательного характера, личной ответственности, уважения личного достоинства, и специальные, к которым отнесены меры поощрения, дисциплинарного взыскания, пресечения нарушения воинской дисциплины, дополнительные меры дисциплинарного воздействия, а также обжалование незаконных действий [3, с. 370-375].

К административно-правовым средствам, используемым и применяемым в механизме административно-правового регулирования, относят нормативные правовые акты и иные официальные документы (источники административного права), правоприменительные административные правовые акты и действия, правореализующие административно-правовые действия физических лиц и организаций, административно-правовые договоры (соглашения). В число режимных правовых средств включают нормативные предписания, акты реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений, правоприменительные акты, меры поощрения и принуждения, юридические санкции, методы и приемы административной деятельности [4, с. 39, 54].

В науке обращается внимание на инициативность применения защитных мер: такая инициатива может быть выражена не только и не столько лицом, нуждающимся в защите, сколько уполномоченными должностными лицами [8]. Такая характеристика административно-правовых защитных мер, выражающихся в действиях уполномоченных органов, имеет принципиальное значение для определения сущности данного понятия. В качестве задачи государства ставится обеспечение эффективной и достаточной системы мер защиты, включающей комплекс правовых, организационных и материальных мер. В целях обеспечения безопасности органами государственной власти в современных условиях применяются как процессуальные, так и непроцессуальные меры защиты лиц, содействующих уголовному правосудию [9]. Меры воздействия, определяющие административно-правовой режим, могут быть подразделены на установления и требования (ограничения, запреты, дозволения), цели, задачи, функции и методы деятельности органов публичной власти [4, с. 54-55].

Приведенные выше положения позволяют определить суть и назначение административно-правовых способов, средств, форм, институтов, механизма, порядка, а также мер, выражающихся в действиях ограничительного, стимулирующего и защитного характера.

Военнослужащие в связи с возложением на них конституционных функций по обеспечению обороны и безопасности

государства обладают наиболее широким перечнем гарантий их административно-правового статуса. Гарантии правовой и социальной защиты данных лиц, а также граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, закреплены в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»*. Для военнослужащих определяется единая система социальной и правовой защиты, материального и других видов обеспечения.

Правовая защита выступает функцией государства и предполагает установление в законах и других нормативных правовых актах прав, социальных гарантий и компенсаций для указанных лиц и других мер их социальной защиты, а также правовой механизм их реализации. Социальная защита, также будучи функцией государства, предусматривает реализацию прав, социальных гарантий и выплату компенсаций органами государственной власти, федеральными государственными органами, органами военного управления и органами местного самоуправления, совершенствование институтов и механизмов социальной защиты указанных лиц, охрану их жизни и здоровья, а также другие меры, направленные на создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе. Правовые и социальные гарантии военнослужащих, в том числе меры их правовой защиты, а также материального и других видов обеспечения не могут быть отменены или снижены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, за исключением внесения дополнений и изменений в Федеральный закон от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих». В настоящем Федеральном законе используются такие понятия, как «мера», «институт», «механизм», «средство», «способ», судебная практика свидетельствует также о существовании порядка и формы защиты. Данные понятия составляют содержание административно-правовой защиты, ее элементы.

При этом целесообразно провести разграничение между механизмом адми-

* О статусе военнослужащих: федер. закон от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ: ред. от 3 июля 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 22. Ст. 2331.

нистративно-правовой защиты как ее составляющей, и механизмом правового регулирования административно-правовой защиты прав рассматриваемой категории граждан. Если в качестве элементов правового регулирования традиционно можно назвать правовые нормы, правоотношения, юридические факты, правоприменительные акты, акты реализации прав и обязанностей, режим законности, то механизм защиты образует совокупность средств, способов и порядок административно-правовой защиты прав и законных интересов, применимых на практике и реализуемых при осуществлении защиты как деятельности уполномоченных субъектов по признанию и (или) восстановлению прав и законных интересов граждан в сфере их участия в обеспечении обороны и безопасности государства.

Реализация мер социальной и правовой защиты военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей возложена на органы государственной власти, федеральные государственные органы, федеральные суды общей юрисдикции, органы местного самоуправления, правоохранительные органы в пределах их компетенции, а также выступает обязанностью командиров (начальников). Реализации прав этих лиц могут оказывать содействие общественные объединения. Должностные лица органов государственной власти, федеральных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, а также командиры, виновные в неисполнении обязанностей по реализации прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, членов их семей, несут ответственность в соответствии с федеральными законами и другими нормативными правовыми актами. При этом подчеркивается значимость контрольной функции государственных органов в осуществлении административно-правовой защиты: контроль за исполнением Федерального закона от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» осуществляется органами государственной власти, федеральными государственными органами, правоохранительными органами и органами военного управления. Надзор осуществляется Генеральным прокурором Российской Федерации и подчиненными ему прокурорами.

Что касается граждан, участвующих в борьбе с терроризмом и подлежащих правовой и социальной защите со стороны государства, то к ним отнесены военнослужащие; сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом; лица, содействующие на постоянной или временной основе федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим борьбу с терроризмом, в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористических актов и минимизации их последствий; сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, принимающие участие в выездах на места происшествий и документальном закреплении следов совершенных преступлений на территориях (перечне объектов), в пределах которых введен правовой режим контртеррористической операции, а также члены семей данных лиц, если необходимость в обеспечении их защиты вызвана участием указанных лиц в борьбе с терроризмом*.

Социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом их правового статуса, определяемого федеральными законами и другими нормативными правовыми актами, в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации, которым в качестве мер социальной защиты утверждены, в частности, возмещение вреда, причиненного имуществу лиц, привлеченных к выполнению специальных задач, пенсионное обеспечение и др.** Возмещение вреда, причиненного

* О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ: ред. от 18 апр. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146; 2018. N 14. Ст. 2431; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О мерах социальной защиты лиц, привлекаемых к выполнению специальных задач, связанных с проведением мероприятий по борьбе с терроризмом: постановление Правительства Российской Федерации от 22 янв. 1997 г. N 58: ред. от 19 янв. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 4. Ст. 551; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

жизни, здоровью и имуществу указанных лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом, производится в порядке, установленном Правительством Российской Федерации*.

В случае гибели лица, принимавшего участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, осуществляются следующие меры социальной защиты членов семьи погибшего и лиц, находившихся на его иждивении: выплачивается единовременное пособие, гарантируется сохранение очереди на получение жилья, компенсаций по оплате жилья и жилищно-коммунальных услуг, если имелось право на получение таких компенсаций. Нетрудоспособным членам семьи погибшего и лицам, находившимся на его иждивении, назначается пенсия по случаю потери кормильца. Если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило увечье, повлекшее за собой наступление инвалидности, ему выплачивается из средств федерального бюджета единовременное пособие и назначается пенсия, а в случае ранения, не повлекшего за собой наступления инвалидности, выплачивается единовременное пособие.

При одновременном возникновении нескольких оснований для единовременной выплаты она производится по одному основанию на выбор получателя. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации привел официальное толкование норм права, разграничив основания и правовую природу выплат, не подлежащих взаимоисключению**. Особый правовой статус военнослужащих обязывает

государство гарантировать им материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда здоровью при прохождении военной службы, в частности, разработать эффективный организационно-правовой механизм возмещения такого вреда, используя для этого все необходимые правовые средства, — и публично-правовые (государственное страхование, социальное обеспечение и др.), и частноправовые (страхование, возмещение вреда). При этом в целях обеспечения надлежащего возмещения вреда, причиненного здоровью лица в связи с исполнением им обязанностей военной службы, законодатель вправе наряду с периодическими (ежемесячными) выплатами устанавливать и выплаты единовременного характера. Данное постановление примечательно и тем, что разграничивает правовые средства возмещения вреда, поясняет содержание соответствующего правового механизма, включая в число его элементов пособия, называя их также мерой социальной защиты.

Таким образом, единовременное пособие, предусмотренное п. 1 ч. 12 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. N 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»*** при увольнении военнослужащего с военной службы в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы, и единовременное пособие, установленное ч. 3 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму», выплачиваемое, если гражданин, принимавший участие в мероприятиях по борьбе с терроризмом, получил увечье, ставшее причиной наступления инвалидности, отличаются по своему месту и назначению в правовом механизме возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих, и не могут признаваться в качестве однородных. Иное толкование препятствует надлежащему воз-

* О возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом: постановление Правительства Российской Федерации от 21 февр. 2008 г. N 105 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 8. Ст. 758.

** По делу о проверке конституционности части 6 статьи 21 Федерального закона «О противодействии терроризму» и части 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина Е.А. Понкратова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2019 г. N 16-П // Рос. газ. 2016. N 77.

*** О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат: федер. закон от 7 нояб. 2011 г. N 306-ФЗ: ред. от 29 дек. 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 45. Ст. 6336; 2018. N 1 (ч. I). Ст. 57; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

мещению вреда, причиненного здоровью военнослужащих, и их социальной защите и приводит к необоснованному ограничению права таких лиц на социальное обеспечение. Тем самым военнослужащие, принимавшие участие в мероприятиях по борьбе с терроризмом, при увольнении с военной службы в связи с признанием их не годными к ее прохождению вследствие военной травмы ставятся в худшее положение по сравнению с другими категориями военнослужащих.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и иные нормативные правовые акты* устанавливают военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов льготное исчисление выслуги лет (трудового стажа), возможность повышения должностных окладов, иных дополнительных гарантий и компенсации в виде дополнительных ежемесячных выплат, внеочередного предоставления жилья, оплаты проезда, предоставления сотрудникам и членам их семей путевок в санаторно-курортные и оздоровительные учреждения и др.

Лицам, оказывающим содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт, может выплачиваться денежное вознаграждение из средств федерального бюджета. Источник финансирования выплат – средства, предусмотренные на оперативно-розыскную деятельность федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим

борьбу с терроризмом**. Размер, основания и порядок выплат денежного вознаграждения устанавливаются федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности. Например, конкретные размеры денежного вознаграждения лиц, оказывающих содействие, определяются с учетом меры их личного участия в данном содействии и полученных значимых результатов в борьбе с терроризмом. При этом основанием для выплаты вознаграждения лицу, оказывающему содействие, являются его личное участие в содействии, полученные результаты в борьбе с терроризмом, а также предоставление им федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему борьбу с терроризмом, достоверной информации о физическом лице (группе лиц), подготавливающем, совершающем или совершившем террористический акт, достоверных сведений в отношении сил, средств, приемов и методов совершения террористического акта, а также другой важной информации, способствовавшей выявлению, предупреждению (предотвращению), пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта***.

Федеральным законом от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определено, что должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, пользуются гарантиями правовой и социальной защиты сотрудников тех органов, в штаты которых данные лица входят****.

** Об источниках финансирования выплат денежного вознаграждения за содействие борьбе с терроризмом: постановление Правительства Российской Федерации от 11 нояб. 2006 г. N 662 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 47. Ст. 4893.

*** О денежном вознаграждении лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт: приказ ФСБ России от 16 окт. 2010 г. N 507 // Рос. газ. 2010. N 259.

**** Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 2 авг. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2019. N 31. Ст. 4470.

* О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 9 февр. 2004 г. N 65: ред. от 26 июля 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 7. Ст. 535; 2019. N 31. Ст. 4632; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Следует обратить внимание на то, что в данном случае законодатель применяет понятие гарантий, а не мер такой защиты. К числу таких гарантий отнесены недопустимость вмешательства в законные действия должностных лиц и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, возможность вынужденного причинения правоохраняемым интересам вреда при правомерном выполнении служебного или общественного долга, зачет в выслугу лет для назначения пенсии в льготном исчислении времени выполнения специальных заданий в организованных преступных группах и службы в должностях штатных негласных сотрудников. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления могут устанавливать дополнительные виды социальной защиты должностных лиц.

Что касается правовой и социальной защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, то такие лица также находятся под защитой государства. Государство гарантирует гражданам, которые выразили согласие на содействие по контракту органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнение своих обязательств, определенных контрактом. В случае возникновения реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество граждан в связи с осуществлением содействия, а равно членов их семей и близких уполномоченные органы обязаны принять необходимые меры по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к юридической ответственности. Лица, осуществляющие сотрудничество с органами, проводящими оперативно-розыскную деятельность, либо оказавшие им помощь в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших, могут получать вознаграждения и иные выплаты. Также нормативно предусмотрены пенсионное обеспечение граждан, участвующих в оперативно-розыскной деятельности в форме сотрудничества, выплата единовременных пособий и пенсий им и членам их семей, проведение специальных мероприятий по их защите и др.

Административно-правовые средства защиты прав и законных интересов граждан можно установить, основываясь на анализе норм Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»*. Обращения граждан могут быть личными и опосредованными, индивидуальными и коллективными. По форме обращение может быть направлено в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменно либо в форме электронного документа как предложение, заявление или жалоба, а также устно (в государственный орган, орган местного самоуправления). Что касается военнослужащих, то, помимо личных обращений, их письменные обращения (предложения, заявления или жалобы) к должностным лицам воинской части должны быть изложены в форме рапорта**.

В подзаконных нормативных правовых актах перечислены способы внесудебной защиты прав и законных интересов Российской Федерации: посредством направления заявлений в правоохранительные органы о фактах нарушения прав и законных интересов, составления протокола об административном правонарушении и направления данного протокола на рассмотрение в органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, а также определены формы государственного контроля за исполнением государственной функции: предварительный, текущий (в том числе своевременное и качественное участие в судебных заседаниях, качественная и сво-

* О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ: ред. от 27 дек. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 19. Ст. 2060; 2018. N 53 (ч. I). Ст. 8454.

** Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации): указ Президента Российской Федерации от 10 нояб. 2007 г. N 1495: ред. от 21 февр. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 47 (ч. I). Ст. 5749; 2019. N 8. Ст. 761.

временная подготовка и направление заявлений, исков, жалоб, а также других письменных позиций, содержащих доводы в защиту прав и интересов), последующий*.

При этом следует отметить, что далеко не все граждане, участвовавшие в обеспечении обороны и безопасности государства, защищены. Например, были фактически лишены своих гарантий члены отрядов самообороны Республики Дагестан, которые формировались на основании указа Государственного совета**, предусматривавшего, что при исполнении обязанностей по защите конституционного строя, территориальной целостности и безопасности Республики, обеспечению правопорядка такие граждане находятся под защитой государства. Возлагая на отряды самообороны государственные задачи, региональный законодатель наделил

* Об утверждении Административного регламента Федерального агентства по управлению государственным имуществом по исполнению государственной функции «Осуществление от имени Российской Федерации юридических действий по защите имущественных и иных прав и законных интересов Российской Федерации при управлении федеральным имуществом и его приватизации на территории Российской Федерации и за рубежом, реализации имущества, арестованного во исполнение судебных решений или актов органов, которым предоставлено право принимать решения об обращении взыскания на имущество, реализации конфискованного, движимого бесхозяйного, изъятого и иного имущества, обращенного в собственность государства в соответствии с законодательством Российской Федерации: приказ Минэкономразвития России от 22 июня 2009 г. N 229 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. N 37.

** Об утверждении положения об отрядах самообороны Республики Дагестан: указ Государственного совета Республики Дагестан от 18 авг. 1999 г. N 231 (по сост. на 18 февр. 2004 г.) (утр. силу). URL: <http://docs.cntd.ru/document/473102529>; О ситуации в Республике Дагестан в связи с вторжением на территорию Республики незаконных вооруженных формирований и мерах по обеспечению безопасности Республики Дагестан: постановление Государственного совета Республики Дагестан от 9 авг. 1999 г. N 138 (утр. силу) // Собр. законодательства Республики Дагестан. 1999. N 8. Ст. 3246.

их правами проверять у подозрительных лиц документы, удостоверяющие личность, и в случае необходимости доставлять таких лиц в отделы внутренних дел, использовать в случае острой необходимости транспортные средства предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, общественных объединений или граждан, применять оружие, а также предусмотрел ряд их социальных гарантий, состоящих в сохранении места работы и должности, включении времени участия в составе отрядов в общий трудовой стаж, использовании различных форм поощрения, в том числе представления к государственным наградам. Особенного внимания заслуживает положение указа, согласно которому страхование членов отрядов самообороны, привлекаемых к решению задач по защите конституционного строя, территориальной целостности и безопасности Республики, и возмещение ущерба в случае их гибели или увечья производятся в порядке, установленном Федеральным законом от 27 мая 1998 г. N 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Как справедливо указал Конституционный Суд Российской Федерации, несмотря на отсутствие легальных оснований для признания таких граждан ветеранами боевых действий и распространения на них соответствующих гарантий, их деятельность является выполнением гражданином Российской Федерации конституционного долга по защите Отечества, что возможно как посредством несения военной службы, так и в других формах. В связи с этим федеральный и региональный законодатель, не ограниченные в возможности предоставления соответствующих социальных гарантий, могут ввести нормы, предусматривающие предоставление им мер социальной поддержки. В итоге признание правового статуса ветерана боевых действий за гражданами, принимавшими участие в контртеррористической операции в Республике Дагестан в 1999 г., на законодательном уровне произошло спустя 20 лет — 2 августа 2019 г.***

*** О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона «О ветеранах»: федер. закон от 2 авг. 2019 г. N 320-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. N 31. Ст. 4479.

В данном случае Конституционным Судом Российской Федерации употребляются понятия системы социальных гарантий, мер социальной поддержки, под которыми подразумеваются действия государственных органов, направленные на закрепление и реализацию соответствующих гарантий. Подчеркнуто, что решение вопросов о гарантиях социальной защиты, способах и объеме такой защиты относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, законодатель уполномочен, действуя в рамках своих дискреционных полномочий, предусмотреть конкретные меры социальной защиты, критерии их дифференциации и условия предоставления с учетом конституционных принципов и норм, как определяющих единый для всех граждан Российской Федерации конституционный статус личности, так и предусматривающих специальный статус отдельных категорий граждан*.

Таким образом, содержание административно-правовой защиты образует совокупность реализуемых в установленном порядке административно-правовых средств, способов, форм, мер, институтов, механизмов такой защиты. Изложенное свидетельствует о дисбалансе правового регулирования средств административно-правовой защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности в различных формах, в составе военной организации государства (в качестве военнослужащих и лиц гражданского персонала) и вне его (в форме сотрудничества, содействия, взаимодействия). Административно-правовая защита прав и законных интересов участвующих в обеспечении обороны и безопасности граждан предполагает и применение государством административно-правовых мер, направленных на повышение активности граждан в этой государственно значимой деятельности.

1. В целом административно-правовая защита прав и законных интересов

военнослужащих и иных граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности государства, представляет собой совокупность действий уполномоченных органов. Иными словами, она выражается в административно-процессуальной деятельности по признанию и (или) восстановлению прав и законных интересов таких граждан в сфере их участия в обеспечении обороны и безопасности государства. В данной деятельности могут также участвовать общественные объединения. В связи с этим содержание административно-правовой защиты образует совокупность административно-правовых средств (предложения, заявления, жалобы, в том числе любые обращения в форме рапорта, искового заявления, административного искового заявления), способов (признания прав и законных интересов, восстановления положения, существовавшего до нарушения, применения компенсаций, льгот, возложения иных обязанностей), институтов (государственных, негосударственных), мер (выраженных в действиях уполномоченных органов и направленных на реализацию прав, законных интересов и гарантий граждан), форм (процессуальной, непроцессуальной), механизмов (совокупности средств, способов и особенностей порядка административно-правовой защиты конкретных прав и законных интересов определенных категорий граждан) этой защиты, реализуемых в определенном порядке (судебном или внесудебном).

2. Средства административно-правовой защиты могут применяться при наличии правового спора либо без такового (например, при необходимости установления юридических фактов и реализации возникающих прав и законных интересов, чему сопутствует применение мер государственного принуждения). Такие средства могут быть юрисдикционными (при разрешении споров и применении мер государственного принуждения уполномоченными федеральными органами исполнительной власти, судами, иными государственными органами) и неюрисдикционными (применяемыми гражданами самостоятельно, иными лицами и их объединениями, организациями), применяемыми в судебном и внесудебном порядке. Последние при этом могут быть

* По делу о проверке конституционности положений статьи 3 Федерального закона «О ветеранах» в связи с запросом Казбековского районного суда Республики Дагестан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 нояб. 2011 г. N 24-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 48. Ст. 7012.

процессуальными (обращение с жалобой, заявлением, предложением) и непроцессуальными (деятельность граждан, общественных объединений, государственных (муниципальных) органов, парламентский контроль, прокурорский надзор и др.).

Кроме того, средства административно-правовой защиты могут быть классифицированы в зависимости от административно-правового статуса участвующих граждан (в составе либо вне состава военной организации государства), связаны с признанием административно-правового статуса (в том числе в случае его лишения) или реализацией прав и законных интересов, по характеру нарушенных прав и законных интересов (материальные, нематериальные), по субъекту защиты (индивидуальные, коллективные), по характеру обращения за защитой (прямые, опосредованные (через офицерские собрания, ветеранские организации, общественные организации)), по целям (реализация неиспользуемых прав, восстановление положения, существовавшего до нарушения прав и законных интересов и т.д.) и др.

К числу внесудебных непроцессуальных средств административно-правовой защиты относятся действия и заявление требований по выражению намерения управомоченных лиц, что может проявляться, например, в отстаивании военнослужащим своих жилищных прав в случае необеспеченности жилым помещением до момента увольнения.

В связи с выявленным дисбалансом правового регулирования средств административно-правовой защиты прав и законных интересов граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации, целесообразным и востребованным является учреждение должности Уполномоченного по правам граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности Российской Федерации, находящегося вне военной организации государства, но наделенного публичными полномочиями и являющегося представителем законных интересов таких лиц публично, профессионально, открыто и гласно.

Отдельные ученые настаивают на необходимости осуществления активной правозащитной функции парламентскими уполномоченными по правам человека

общей и специальной компетенции и рассматривают их деятельность как способ административной формы защиты прав и свобод человека и гражданина [10], а также отмечают проблемы их деятельности [11]. Полагаем, что такие лица могут назначаться представительным (законодательным) органом, но из числа лиц, имеющих прямое отношение к деятельности в сфере обороны и безопасности государства. Это обеспечит, с одной стороны, их профессионализм, с другой стороны, независимость от военной организации государства, а также будет способствовать их объективности, компетентности и самостоятельности.

3. Под институтами защиты понимаются субъекты, уполномоченные на применение защитных административно-правовых мер либо способствующие их применению, — государственные и негосударственные. При этом к государственным следует отнести контролирующие (федеральные государственные органы, иные государственные органы, правоохранительные органы, федеральные суды, органы военного управления) и надзорные органы (прокуратура). Негосударственные могут быть индивидуальными и коллективными, последние могут быть с государственным участием.

4. Порядок административно-правовой защиты прав и законных интересов может быть судебным или внесудебным (который также можно классифицировать по субъектам применения соответствующих средств и способов административно-правовой защиты), а форма защиты — процессуальной или непроцессуальной.

5. Способы административно-правовой защиты, в сущности, могут быть связаны с признанием действий (бездействия) незаконными и применением мер юридической ответственности, иных мер, направленных на осуществление следующих действий: признание прав и законных интересов, восстановление положения, существовавшего до нарушения, а также применение компенсаций, льгот, возложение иных обязанностей на лиц, деятельность которых в активной или пассивной форме нарушает права и законные интересы граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности государства.

6. Меры административно-правовой защиты — выраженные в действиях соответствующих органов полномочия по реализации прав, законных интересов и гарантий граждан. Такими мерами могут быть принятие нормативных и индивидуальных правовых актов, охрана жизни и здоровья участвующих в обеспечении обороны и безопасности граждан и членов их семей, создание условий жизни и деятельности, соответствующих характеру военной службы и ее роли в обществе,

юридическая ответственность и др. Данные меры со стороны государственных органов применяются при осуществлении государственного контроля и надзора на всех стадиях привлечения граждан к участию в обеспечении обороны и безопасности государства.

7. Механизмы правовой защиты — это совокупность средств, способов и порядок административно-правовой защиты конкретных прав и законных интересов определенных категорий граждан.

Список литературы

1. Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих» (постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. М.: За права военнослужащих, 2005. 752 с.
2. Поникаров В.А. Перспективы развития правовых средств защиты административного статуса сотрудников федеральной государственной пенитенциарной службы // Административное право и процесс. 2017. N 4. С. 21-26.
3. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право: учебник / под ред. Ю.И. Мигачева. М.: Юрист, 2008. 576 с.
4. Административное право. Практикум: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета / под ред. А.И. Стахова. М.: Юрайт, 2019. 439 с.
5. Фейзрахманова Д.Р. К вопросу о соотношении понятий «форма», «способ» и «средство» защиты корпоративных прав участников акционерных обществ // Юрист. 2017. N 12. С. 32-37.
6. Карнушин В.Е. Беститульное владение и его защита. М.: Статут, 2015. 176 с.
7. Анненков К.Н. Самоуправство и самооборона как средства защиты гражданских прав // Вестник гражданского права. 2018. N 4. С. 235-252.
8. Дмитриева А.А. Применение мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию, на стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2017. N 4. С. 16-19.
9. Макарова О.В. Обеспечение безопасности лиц, способствующих предупреждению и раскрытию коррупционных преступлений // Журнал российского права. 2015. N 7. С. 97-105.
10. Астафичев П.А. Административная форма защиты прав и свобод человека и гражданина // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. N 2. С. 18-21.
11. Кудрявцев М.А. Институт парламентского Уполномоченного по правам человека в России: проблемы становления и развития // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. N 3. Т. 12. С. 101-123.

References

1. Kudashkin A.V., Fateev K.V. Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O statuse voennosluzhashchih" (postateyniy) [Commentary on the Federal Law "On the Status of Military Personnel" (article by article)]. Moscow, Za prava voennosluzhashchih Publ., 2005. 752 p.
2. Ponikarov V.A. Perspektivy razvitiya pravovykh sredstv zashchity administrativnogo statusa sotrudnikov federal'noy gosudarstvennoy penitentsiarnoy sluzhby [Prospects for the development of legal remedies for protecting the administrative status of employees of the federal state penitentiary service]. Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Process, 2017, no. 4, pp. 21-26.
3. Popov L.L., Migachev Yu.I., Tihomirov S.V. Voennoe pravo [Military law]. Moscow, Yurist Publ., 2008. 576 p.
4. Administrativnoe pravo. Praktikum: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta [Administrative law. Workshop: textbook and workshop for undergraduate and specialty]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 439 p.
5. Feyzrahmanova D.R. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "forma", "sposob" i "sredstvo" zashchity korporativnykh prav uchastnikov aktsionerney obshchestv [To the question of the correlation of the concepts of "form", "method" and "means" of protecting the corporate rights of participants in joint-stock companies]. Yurist – Lawyer, 2017, no. 12, pp. 32-37.
6. Karnushin V.E. Bestitul'noe vladenie i ego zashchita [Baseless possession and its protection]. Moscow, Statut Publ., 2015. 176 p.
7. Annenkov K.N. Samoupravstvo i samooborona kak sredstva zashchity grazhdanskih prav [Self-government and self-defense as a means of protecting civil rights]. Vestnik grazhdanskogo prava – Bulletin of civil law, 2018, no. 4, pp. 235-252.

8. Dmitrieva A.A. Primenenie mer bezopasnosti v otnoshenii lits, sodeystvuyushchih pravosudiyu, na stadii vzbuzhdeniya ugolvnogo dela [The use of security measures in relation to persons contributing to justice at the stage of criminal proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2017, no. 4, pp. 16-19.

9. Makarova O.V. Obespechenie bezopasnosti lits, sposobstvuyushchih preduprezhdeniyu i raskrytiyu korrupcionnykh prestupleniy [Ensuring the safety of persons contributing to the prevention and disclosure of corruption crimes]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian law, 2015, no. 7, pp. 97-105.

10. Astafichev P.A. Administrativnaya forma zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Administrative form of protecting the rights and freedoms of man and citizen]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* – Civil society in Russia and abroad, 2019, no. 2, pp. 18-21.

11. Kudryavtsev M.A. Institut parlamentskogo Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya [Institute of the Parliamentary Commissioner for Human Rights in Russia: problems of formation and development]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* – Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2017, no. 3, vol. 12, pp. 101-123.

Раздел 3. Административная деликтология

ХАМЕТДИНОВА Г.Ф., кандидат юридических наук, gulnara.khamietdinova@mail.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	KNAMETDINOVA G.F., Candidate of Legal Sciences, gulnara.khamietdinova@mail.ru Chair of administrative activity of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ЗА БЕЗНАДЗОРНОСТЬ ДЕТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Одной из причин происходящего в последние годы роста инцидентов в информационной среде с участием несовершеннолетних является неготовность ответственных за их воспитание лиц оградить подрастающее поколение от киберугроз, которая обусловлена недостаточной осведомленностью о методах обеспечения защиты детей в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Следовательно, исключительно важным является повышение уровня информированности не только о рисках и угрозах, связанных с пребыванием в сети Интернет, но и о методах и средствах защиты несовершеннолетних от них. Наряду с этим, по мнению автора статьи, должна быть установлена административная ответственность родителей, иных законных представителей несовершеннолетних за безнадзорное нахождение детей и подростков в информационном пространстве. В результате проведенного исследования сформулировано предложение о необходимости закрепить в качестве самостоятельного основания привлечения к административной ответственности родителей, иных законных представителей несовершеннолетних непринятие ими мер по установлению аппаратно-программных средств защиты на компьютеры, мобильные телефоны, иные устройства, имеющие доступ к сети Интернет.

Ключевые слова: информационное пространство; кибербезопасность детей; «информационная запущенность»; правовое информирование; административная ответственность.

RESPONSIBILITY OF PARENTS FOR THE CHILDREN'S UNSUPERVISED INTERNET USE

Annotation. One of the reasons for the growth of incidents in the information environment involving minors in recent years is the unwillingness of persons responsible for their upbringing to protect the younger generation from cyberthreats, which is determined by the lack of awareness about the methods of ensuring the children protection on the Internet. Therefore, it is extremely important to raise awareness not only on the risks and threats associated with using the Internet, but also on the methods and means of protecting minors from them. At the same time, according to the author of the article's opinion, the administrative responsibility of parents and other legal representatives of minors for the unsupervised or careless Internet use by children and adolescents should be established. As a result of the conducted research, the author formulated the proposal on the necessity to fix the failure of the parents and other legal representatives of minors to install hardware and software protection on computers, mobile phones, and other devices having access to the Internet as the independent basis for bringing them to administrative responsibility.

Keywords: information environment; cybersecurity of children; "information neglect"; legal information; administrative responsibility.

Обеспечение благополучного и защищенного детства является одним из основных национальных приоритетов России. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства.

Семья является средой жизнедеятельности и развития ребенка, помогает ему в самореализации и преодолении трудных ситуаций. Рождающаяся в семье эмоциональная связь становится тем образцом, ориентируясь на который, чело-

век выстраивает отношения с социальным окружением, обретает оптимизм и базовое доверие к миру. В этом смысле благополучная семья – это жизненная необходимость как для ребенка, так и для общества в целом [1, с. 78].

В целях совершенствования государственной политики в сфере защиты детства Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. N 240 период с 2018 по 2027 год объявлен в Российской Федерации Десятилетием детства*. Планом основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, предусмотрена организация широкомасштабной работы с родителями (законными представителями) с целью разъяснения им методов обеспечения защиты детей в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 84)**. Ожидаемым результатом такой деятельности должно стать увеличение доли родителей, осведомленных о методах обеспечения защиты детей в сети Интернет.

Рост инцидентов, происходящий в последние годы в информационной среде с участием несовершеннолетних, стал возможен, в частности, в связи с неготовностью ответственных за их воспитание лиц предпринять защитные меры, оградить от киберугроз и своевременно оказать необходимую помощь и поддержку. Причиной этого не всегда является безответственное отношение к воспитанию. В ряде случаев имеет место отсутствие у родителей навыков пользования информационным ресурсом, недостаточная осведомленность о методах обеспечения защиты детей в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Примером, подтверждающим это утверждение, являются результаты исследования вопроса об отношении родителей к потенциальным опасностям, исходящим от информационного про-

странства, показавшие, что 14 % опрошенных родителей не знают, каким образом можно следить за своим ребенком в социальных сетях [2, с. 392].

Проблеме информационной безопасности детей посвящены исследования Л.Д. Стороженко [3], О.Н. Троицкой [4], А.В. Алтухиной [5], А.Ю. Толстухиной [6] и др. Например, А.Ю. Толстухина отмечает, что сегодня формируется новый тип личности, которому придется жить в цифровом обществе и конкурировать с искусственным интеллектом. Задача общества на современном этапе видится автору в приложении усилий по ограждению детей и подростков от деструктивной информации и киберпреследований [6, с. 78]. Необходимость создания концептуальной модели обучения основам кибербезопасности учащихся общеобразовательных организаций и возникающих в этой области проблемах обосновывают О.Н. Троицкая, Т.С. Ширикова и др. [4, с. 148].

Анализ современной литературы в данной области показал, что исследования посвящены психологическим и педагогическим аспектам влияния социальных сетей на формирование личности ребенка, его психику и ценностные ориентиры, роли социальных сетей в воспитании несовершеннолетних. При этом, на наш взгляд, не нашли достаточного освещения вопросы правовой ответственности родителей (законных представителей) за «информационную запущенность» подростка, находящегося в киберпространстве, подобно ответственности за бродяжничество или нахождение в общественных местах в ночное время без сопровождения законных представителей. Ответственность за безнадзорность детей должна распространяться и на сферу информационного пространства. В настоящее время родители несовершеннолетних, вовлеченных в киберпространство в роли правонарушителей или жертв, выглядят скорее потерпевшей стороной, нежели виновной. Позиция родителей чаще всего сводится к мнению о том, что «виноват Интернет», о невозможности повлиять на происходящие в этой сфере процессы. Общей задачей для всех субъектов профилактики на данном этапе является изменение стереотипа беспомощного обывателя. Как справедли-

* Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. N 240 // Рос. газ. 2017. 30 мая.

** Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства: распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 июля 2018 г. N 1375-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 29. Ст. 4475.

во замечено М.В. Храмовой и Е.Н. Пицик, родитель современного ребенка, сохраняя свою обязанность по обеспечению его безопасности во всех сферах жизни, не должен оставлять без внимания факт присутствия ребенка в социальных сетях, учитывая при этом все опасности и риски последних [2, с. 390].

Повышение уровня информированности детей, их родителей (законных представителей) об угрозах, существующих в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, — важная задача системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации*.

Деятельность по формированию правовых знаний регламентирована Федеральным законом от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»**, согласно которому одним из направлений профилактики правонарушений является повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан. При осуществлении разъяснительной работы возможно применение таких форм профилактического воздействия, предусмотренных указанным федеральным законом, как правовое просвещение и правовое информирование (ст. 18), а также помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми (ст. 27).

Разъяснению существующих методов защиты должно предшествовать изучение содержания нормативных правовых актов. Правовую основу формирования и регулирования отношений в информационно-телекоммуникационной сфере в Российской Федерации составляют:

— Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации», содержащий ба-

зовые понятия в сфере средств массовой информации. Например, под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом***;

— Федеральный закон от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ «О рекламе», в котором особое место отводится вопросам защиты интересов лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, при производстве и распространении рекламы. Статья 6 включает положения, направленные на защиту несовершеннолетних от злоупотреблений их доверием и недостатком опыта. Например, реклама не должна создавать у несовершеннолетнего впечатление о том, что обладание рекламируемым товаром ставит его перед сверстниками в предпочтительное положение****;

— Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии с ним создана единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (далее — реестр). С целью защиты прав несовершеннолетних в реестр включаются сведения, содержащие материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, объявления о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в мероприятиях порнографического характера; информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение которой запрещено федеральными законами; информация, направ-

* Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ: ред. от 26 июля 2019 г. // Рос. газ. 1999. 30 июня; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ // Рос. газ. 2016. 28 июня.

*** О средствах массовой информации: закон Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. N 2124-1: ред. от 6 июня 2019 г. // Рос. газ. 1992. 8 февр.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

**** О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ: ред. от 1 мая 2019 г. // Рос. газ. 2006. 15 марта; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ленная на склонение либо вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для собственной жизни и (или) здоровья, либо иных лиц*;

– Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ «О персональных данных»**. Он выполняет важную роль в регулировании общественных отношений, связанных с обработкой персональных данных с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях. Согласно данному федеральному закону обработка персональных данных должна осуществляться на законной и справедливой основе, с обязательного согласия субъекта персональных данных на обработку таких данных. Целью закона является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, а также защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну;

– Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», согласно которому детям нельзя транслировать материалы, демонстрирующие насилие и побуждающие к нему, а также к самоубийству, курению, употреблению алкоголя, наркотиков, бродяжничеству и проституции. Запрещена также информация, оправдывающая противоправное поведение, содержащая порнографию и нецензурную брань***;

* Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ: ред. от 18 марта 2019 г. // Рос. газ. 2006. 29 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

** О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ: ред. от 31 дек. 2017 г. // Рос. газ. 2006. 29 июля; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

*** О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: федер. закон от 29 дек. 2010 г. N 436-ФЗ: ред. от 1 мая 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 48; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

– Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. N 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». В нем подчеркивается, что расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы. Нарастает информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей****.

Ответственность за правонарушения в сфере информации в Российской Федерации установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ).

В КоАП РФ содержится отдельная глава, предусматривающая ответственность за совершение административных правонарушений в области связи и информации. Например, незаконное распространение информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий, влечет ответственность в соответствии с ч. 3 ст. 13.15 КоАП РФ «Злоупотребление свободой массовой информации». Кроме того, предусмотрена административная ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных (ст. 13.11 КоАП РФ); нарушение правил защиты информации (ст. 13.12 КоАП РФ); пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, совершенная с применением средств массовой информации и (или) информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (ст. 6.21 КоАП РФ), и др.

УК РФ предусматривает ответственность за любые преступления, совершенные с применением средств массовой информации, в том числе в сети Интернет. В части 3 ст. 137 УК РФ предусмотрена от-

**** Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 дек. 2016 г. N 646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 50. Ст. 7074.

ветственность за незаконное распространение в информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, которое повлекло причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия.

Проблема кибербезопасности, возникающая с развитием информационных технологий и ростом числа несовершеннолетних пользователей, является для нашего общества относительно новой. Формирование знаний у родителей, иных законных представителей несовершеннолетних заключается в уяснении понятия кибербезопасности и представления о возможных угрозах, возникающих при использовании социальных сетей, иных ресурсов Интернета.

Приставка «кибер-» используется для присвоения слову значения чего-то, относящегося к эпохе компьютеров, Интернета и цифровых технологий, иначе говоря, связанного с компьютером и Интернетом. В научной литературе понятие кибербезопасности определяется как свойство защищенности активов от угроз конфиденциальности, целостности, доступности в некоторых абстрактных рамках — киберпространстве. При этом дефиниция понятия «киберпространство» формулируется как комплексная виртуальная среда (не имеющая физического воплощения), сформированная в результате действий людей, программ и сервисов в сети Интернет посредством соответствующих сетевых и коммуникационных технологий [7, с. 28]. Полагаем, что для целей разъяснительной работы понятие «кибербезопасность» может применяться в ее допустимой форме как компьютерная или информационная безопасность. Безопасность — это защищенность от опасностей, исходящих от различных сайтов сети Интернет.

В научной литературе выделяют известные на сегодняшний день определенные опасности, поступающие из Глобальной сети: «явные угрозы» — пропаганда насилия, употребления алкоголя, наркотиков, а так-

же порнографии, социальной ненависти и «скрытые угрозы», исходящие от групп людей, распространяющих идею депрессивного поведения вплоть до суицида [3, с. 84].

Интернет-ресурс позволяет охватить большее количество «единомышленников», консолидировать усилия, поддерживать связь в режиме «онлайн», немедленно реагировать на возникающие изменения и корректировать поведение участников. Значимым является режим «физического отсутствия» или «удаленного доступа»*, при котором, не имея личного контакта, участники не испытывают либо имеют возможность скрыть чувство стыда, неуверенности, страха и т.д. Более того, анонимное участие формирует представление о вседозволенности и безнаказанности любых проявлений в сети.

Следует согласиться с В.О. Мотиной в том, что абсолютная свобода слова в принципе невозможна, существуют «фильтры» морали, нравственности и культуры, которые ограничивают человека в высказываниях [8, с. 130]. Агрессивные проявления в поведении осуждаемы обществом и являются серьезным препятствием для успешной социализации. Присущая виртуальному миру анонимность стирает границы этики взаимоотношений, а хамство и оскорбления становятся нормой на страницах глобальной сети.

Киберпространство, не требующее физического присутствия человека, затрудняет осуществление родительского контроля за поведением подростка в социальных сетях. Имеющаяся у пользователей возможность регистрироваться под вымышленным или чужим «никнеймом»**,

* Удаленный доступ (remote access) — связь с объектами или системами, находящимися в пределах определенного периметра, или их использование, осуществляемые из любой точки, которая находится за пределами этого периметра // ГОСТ Р МЭК 62443-2-1-2015 Сети коммуникационные промышленные. Защищенность (кибербезопасность) сети и системы. Часть 2-1. Составление программы обеспечения защищенности (кибербезопасности) системы управления и промышленной автоматике. М.: Стандартинформ, 2015.

** Под «никнеймом» (англ. «nick» — псевдоним, «name» — имя) понимается сетевое имя, используемое пользователем для общения в блогах, чатах, на форумах.

заменяя свое реальное имя, осложняет процесс их идентификации и распознавания в Интернете. Это ведет также к сокращению влияния на личность подростка ближайшего окружения как средства социального контроля, к нарушению механизмов детерминации позитивного поведения [9, с. 63].

Изложенные обстоятельства затрудняют решение вопроса о привлечении родителей к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, в случае деструктивного пребывания детей в информационном пространстве. Помимо этого, неоднозначно решается вопрос об ответственности родителей или иных законных представителей даже при совершении их детьми противоправного деяния.

Согласно действующей редакции ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ совершение несовершеннолетним какого-либо правонарушения или преступления само по себе не дает основания для привлечения к ответственности родителей (иных законных представителей). Необходимы доказательства, подтверждающие, что противоправное деяние несовершеннолетнего стало результатом неисполнения либо ненадлежащего исполнения родителями или законными представителями своих обязанностей. Нередко практика применения ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ демонстрирует отсутствие единого подхода к решению данного вопроса со стороны субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Так, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, усматривая в подобных ситуациях признаки правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, не находят поддержки своей квалификации со стороны комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. По нашему мнению, прямое указание в ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в качестве основания привлечения родителей к административной ответственности совершения их детьми в возрасте до 16 лет противоправных деяний устранило бы возникающие разногласия [10, с. 26]. Совершение правонарушений несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет должно оставаться основанием административной ответственности, пред-

усмотренной ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, которая должна наступать не за совершение ими правонарушений, а в связи с ними, при наличии иных доказательств, подтверждающих виновное поведение родителей или законных представителей несовершеннолетних.

Изучение сложившейся правоприменительной практики подтверждает отсутствие единого подхода к решению вопроса об определении оснований привлечения к ответственности субъекта по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Например, основанием отмены протокола об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ или его возвращения на доработку все чаще выступает выдвигаемое комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав требование об установлении причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившим последствием [11, с. 75]. Кроме того, указывается на отсутствие общественно вредного последствия при том, что норма по своей конструкции является формальной и не требует наступления последствий.

Действительно, если для отношений материального характера существуют достаточно прозрачные механизмы, то измерение неимущественных, моральных, нравственных ценностей сопряжено с определенными трудностями. Полагаем, что нормативно-правовое регулирование, предоставляя правоприменителю право определять признаки ненадлежащего воспитания, не допускает безнравственные методы воспитания. В связи с этим позиция комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав представляется необоснованной.

Практика рассмотрения дел по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ в отношении родителей, иных законных представителей несовершеннолетних все чаще складывается так, что данная норма применяется в случае «злостного» неисполнения родительских обязанностей. Таким образом, в отличие от теории, на практике прослеживается сужение оснований ответственности, предусмотренных ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, и возврат к положениям ранее действовавшей ст. 164 КоАП РСФСР, в соответствии с которой основанием привлечения к административной ответственности являлось либо

злостное невыполнение родительских обязанностей, либо совершение несовершеннолетним в возрасте до 16 лет прямо указанных противоправных деяний.

Полагаем, что чувство ответственности за кибербезопасность детей у законных представителей не возникнет до тех пор, пока правоприменители будут «ограждать», подобно вышеуказанным случаям, от привлечения к административной ответственности за безнадзорность и, как результат, совершение их детьми противоправных антиобщественных деяний как в реальном, так и в виртуальном мире.

Предотвращение потенциальных информационных рисков, связанных с личной безопасностью ребенка в социальных сетях, возможно только при должном подходе к решению данной проблемы лиц, ответственных за их воспитание, прежде всего родителей либо иных законных представителей.

В настоящее время административная ответственность за различные нарушения в сфере распространения информации, угрожающей или причиняющей вред

здоровью и (или) развитию детей, предусмотрена в нескольких статьях КоАП РФ, причем размещенных в разных главах, что предполагает и различные объекты посягательства. Это ст.ст. 6.17, 6.21, ч. 3 ст. 13.15, ч. 2 ст. 13.21, ст. 13.36 КоАП РФ. При этом самостоятельной или повышенной ответственности за совершение таких деяний родителями (иными законными представителями) несовершеннолетних не предусмотрено.

В связи с этим полагаем, что в целях единообразного применения ответственности за деяния, посягающие на один родовой объект – нормальное физическое и нравственное развитие несовершеннолетнего, указанные составы необходимо объединить в одну норму, поместив ее в отдельной главе КоАП РФ, посвященной охране несовершеннолетних, и введя самостоятельную ответственность для родителей (или иных законных представителей) за непринятие мер по установлению аппаратно-программных средств защиты на компьютеры, мобильные телефоны, иные устройства, имеющие доступ к сети Интернет.

Список литературы

1. Методические рекомендации для педагогических работников, родителей и руководителей образовательных организаций по педагогическому, психологическому и родительскому попечению и сопровождению групп риска вовлечения обучающихся в потребление наркотических средств и психотропных веществ (направлены письмом Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Минобрнауки России от 9 февраля 2016 г. N 07-505) // Администратор образования. 2016. N 7. С. 66-94.
2. Храмова М.В., Пицик Е.Н. Отношение родителей к потенциальным опасностям при увлечении школьников соцсетями // Образовательные технологии и общество. 2017. N 3. С. 386-396.
3. Стороженко Л.Д. Опасный Интернет: что и как угрожает нашим детям. Кибербезопасность – предупреждение информационного терроризма // Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т, 2018. С. 84-85.
4. Концептуальная модель обучения основам кибербезопасности в основной школе / О.Н. Троицкая, Т.С. Ширикова, О.Л. Безумова, Е.А. Лыткина // Современные проблемы науки и образования. 2018. N 5. С. 148-156.
5. Алтухина А.В., Донской А.Г. Кибербезопасное поведение школьников как современная педагогическая задача // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2018. N 5. С. 6-11.
6. Толстухина А.Ю. «Поколение онлайн» нуждается в защите // Международная жизнь. 2018. N 5. С. 78-82.
7. Марков А.С., Цирлов В.Л. Руководящие указания по кибербезопасности в контексте ISO 27032 // Вопросы кибербезопасности. 2014. N 1. С. 28-35.
8. Мотина В.О. Правовая и нравственная категория Интернет агрессии // Сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса «Лучшая студенческая статья»: в 4 ч. Ч. 4. Пенза: Наука и просвещение, 2018. С. 129-132.
9. Информационные технологии в расследовании преступлений, совершенных с использованием сотовой связи: науч.-метод. пособие / Б.В. Андреев [и др.]. М.: Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2009. 122 с. (Библиотека прокурора).
10. Хаметдинова Г.Ф. Развитие института административной ответственности родителей за ненадлежащее воспитание детей в отечественном праве // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 1. С. 21-26.

11. Методические рекомендации для комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по рассмотрению дел об административных правонарушениях и иных дел (материалов): в 3 ч. Ч. 3 / А.В. Злобин [и др.]; под ред. Е.В. Ильговой. Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2015. 100 с.

References

1. Metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogicheskikh rabotnikov, roditeley i rukovoditeley obrazovatel'nykh organizatsiy po pedagogicheskomu, psihologicheskomu i roditel'skomu popecheniyu i soprovozhdeniyu grupp riska vovlecheniya obuchayushchihsya v potreblenie narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv (napravleny pis'mom Departamenta gosudarstvennoy politiki v sfere zashchity prav detey Minobrnauki Rossii ot 9 fevralya 2016 g. N 07-505) [Methodical recommendations for teachers, parents and heads of educational institutions on pedagogical, psychological and parental care and support of risk groups to involve students in use of narcotic drugs and psychotropic substances (provided in a letter of Department of state policy in the sphere of protection of the rights of children of Minobrnauki of Russia from February 9, 2016 number 07-505). Administrator obrazovaniya – Education Administrator, 2016, no. 7.

2. Hramova M.V., Pitsik E.N. Otnoshenie roditeley k potentsial'nym opasnostyam pri uvlechenii shkol'nikov sotssetyami [Parents' attitude to potential dangers when schoolchildren are passionate about social networks]. *Obrazovatel'nye tehnologii i obshchestvo – Educational Technologies and Society*, 2017, no. 3, pp. 386-396.

3. Storozhenko L.D. Opasnyy Internet: chto i kak ugrozhaet nashim detyam. Kiberbezopasnost' – preduprezhdenie informatsionnogo terrorizma [Dangerous Internet: what and how it threatens our children. Cybersecurity – the prevention of information terrorism]. *Materialy 56-y Mezhdunarodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii* [Materials of the 56th International Scientific Student Conference]. Novosibirsk, Novosibirsk National Research State University, 2018. Pp. 84-85.

4. Troitskaya O.N., Shirikova T.S., Bezumova O.L., Lytkina E.A. Kontseptual'naya model' obucheniya osnovam kiberbezopasnosti v osnovnoy shkole [A conceptual model of teaching the basics of cybersecurity in a primary school]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2018, no. 5, pp. 148-156.

5. Altuhina A.V., Donskoy A.G. Kiberbezopasnoe povedenie shkol'nikov kak sovremennaya pedagogicheskaya zadacha [Cyber-safe behavior of schoolchildren as a modern pedagogical task]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment – Municipal education: innovation and experiment*, 2018, no. 5, pp. 6-11.

6. Tolstuhina A.Yu. "Pokolenie onlayn" nuzhdaetsya v zashchite ["Generation online" needs protection]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International life*, 2018, no. 5, pp. 78-82.

7. Markov A.S., Tsirlov V.L. Rukovodyashchie ukazaniya po kiberbezopasnosti v kontekste ISO 27032 [Cybersecurity guidelines in the context of ISO 27032]. *Voprosy kiberbezopasnosti – Cybersecurity issues*, 2014, no. 1, pp. 28-35.

8. Motina V.O. Pravovaya i npravstvennaya kategoriya Internet agressii [The legal and moral category of Internet aggression]. *Sbornik statey XIV Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa "Luchshaya studencheskaya stat'ya": v 4 ch.* [The legal and moral category of Internet aggression // Collection of articles of the XIV International Research Competition "Best Student Article". In 4 parts]. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ., 2018. Pp. 129-132.

9. Andreev B.V. [i dr.] Informatsionnye tehnologii v rassledovanii prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniem sotovoy svyazi [Information technology in the investigation of crimes committed using cellular communications]. Mjscow, Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, 2009. 122 p.

10. Hametdinova G.F. Razvitie instituta administrativnoy otvetstvennosti roditeley za nenadlezhashchee vospitanie detey v otechestvennom prave [The development of the institute of administrative responsibility of parents for the inappropriate upbringing of children in domestic law]. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii – Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1, pp. 21-26.

11. Zlobin A.V. [i dr.]. Metodicheskie rekomendatsii dlya komissiy po delam nesovershennoletnih i zashchite ih prav po rassmotreniyu del ob administrativnykh pravonarusheniyah i inyh del (materialov). V 3 ch. Ch. 3 [Guidelines for commissions on minors and protecting their rights to consider cases of administrative offenses and other cases (materials): in 3 parts. Part 3]. Saratov, 2015. 100 p.

Раздел 4. Уголовный закон

МОРОЗОВ В.И., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, vik-mor@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	MOROZOV V.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, vik-mor@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
ГАЛКИН В.В., vova.galkin20@mail.ru Отдел правового обеспечения и работы с обращениями граждан; Управление Федеральной службы судебных приставов по Тюменской области, 625013, г. Тюмень, ул. Пермякова, 5	GALKIN V.V., vova.galkin20@mail.ru Division of legal support and work with citizens' appeals; Department of the Federal Bailiffs Service for the Tyumen region, Permyakova St. 5, Tyumen, 625013, Russian Federation

ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕМПОРАЛЬНОГО ПРИЗНАКА ЮРИДИЧЕСКОГО КРИТЕРИЯ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Аннотация. В статье предлагается определять невменяемость посредством медицинского, психологического и юридического (уголовно-правового) критериев. В качестве одного из признаков юридического критерия выделяется темпоральный признак, означающий совпадение во времени факта совершения общественно опасного деяния с патологическим состоянием психики лица, исключающим возможность сознательного и (или) волевого поведения. Обосновывается общее правило определения невменяемости при чередовании психического состояния лица в сторону улучшения или ухудшения при совершении общественно опасного деяния: если в течение большего периода времени его совершения лицо находится в состоянии, исключающем сознательно-волевое отношение к своему поведению, которое обусловлено патологическим состоянием психики, то оно должно быть признано по отношению к совершенному общественно опасному деянию невменяемым. Рассматриваются особенности применения этого правила к продолжаемым и длящимся общественно опасным деяниям. Предлагаются определения понятий продолжаемого и длящегося общественно опасного деяния невменяемого лица. На основе сопоставления временных границ психологического и медицинского критериев невменяемости по отношению к общественно опасному деянию формулируются правила уголовно-правовой оценки поведения лица, совершившего это деяние, и рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: невменяемость; общественно опасное деяние; юридический критерий; темпоральный признак.

CHARACTERISTICS OF THE TEMPORAL ELEMENT OF THE LEGAL CRITERION OF INSANITY

Annotation. The authors of the article propose to define the insanity by using the medical, psychological and legal criteria. They distinguish the temporal element as one of the elements of the legal criterion, which means the coincidence in time of the fact of committing a socially dangerous act with the pathological state of mind of the person, and thus excluding the possibility of conscious and (or) volitional behavior. The general rule for determining insanity in case the mental state of a person committing a socially dangerous act alternates towards improvement or deterioration is substantiated.

According to this rule, if the person committing a socially dangerous act is in the state which excludes conscious and volitional attitude to his (or her) behavior caused by the pathological state of mind for a longer period of time of committing this act, such person must be declared insane in relation to the committed socially dangerous act. The peculiarities of applying this rule to continuing socially dangerous acts are considered. The definition of the concept of continuing socially dangerous acts of an insane person is proposed. Basing on the comparison of the time limits of the psychological and medical criteria of insanity regarding a socially dangerous act, the rules of criminal law assessment of the behavior of the person who committed this act, as well as the recommendations for improving law enforcement practice are formulated.

Keywords: insanity; socially dangerous act; legal criterion; temporal element.

Из положений ст. 21, п. «а» ч. 1 ст.ст. 97, 99 УК РФ следует, что уголовное законодательство Российской Федерации в качестве правовых последствий признания лица невменяемым предусматривает не только исключение уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние, но и возможность назначения принудительных мер медицинского характера, связанных с ограничением личных прав человека, что само по себе предполагает недопустимость поверхностного, упрощенного подхода к определению не-

вменяемости лица и уголовно-правовой оценке его поведения.

Исходя из статистических данных, опубликованных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации (см. табл.), ежегодно около 1 % поступающих в суд уголовных дел связаны с применением принудительных мер медицинского характера к лицам, признанным невменяемыми, а из общего количества лиц, в отношении которых осуществлялось производство по уголовному делу, примерно каждый сотый признается невменяемым*.

Таблица

Данные о рассмотрении уголовных дел в судах первой инстанции

Наименование показателя	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Общее количество уголовных дел, находившихся на рассмотрении	954 255	915 781	883 946
Количество рассмотренных дел с применением принудительных мер медицинского характера к невменяемым	8697	8359	8387
Общее количество лиц, в отношении которых осуществлялось производство по делу	1 041 762	991 777	956 384
Количество признанных невменяемыми лиц, к которым применены принудительные меры медицинского характера	9073	8655	8607

Немаловажное значение в определении невменяемости приобретает правильное понимание и уяснение ее критериев, наиболее полно отражающих ее сущность. Критерии невменяемости устанавливаются главным образом исходя из ее законодательного определения, которое содержится в ч. 1 ст. 21 УК РФ.

Большинство российских ученых (Н.Л. Денисов, М.М. Дайшутов, Н.Г. Кадников [1, с. 189], И.В. Волгарева [2, с. 183], В.Г. Павлов [3, с. 98], Б.А. Спасенников [4, с. 44], Э.В. Георгиевский, Р.В. Кравцов [5, с. 120] и др.), а также правопримените-

лей** в содержании невменяемости выделяют медицинский (биологический) и психологический (юридический) критерии. Первый критерий отражает наличие

* Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

** См., например: Приговор Железнодорожного районного суда г. Симферополя Республики Крым от 26 февр. 2016 г. по делу N 1-17/2016; постановление Красногвардейского районного суда Ставропольского края от 27 дек. 2013 г. по делу N 1-31/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.sudact.ru>

у лица одного из видов патологического состояния психики, прямо указанных в законе, — хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия, иного болезненного состояния психики; а второй критерий означает отсутствие возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Однако представляется, что характеристика невменяемости в рамках указанных двух критериев лишает ее правового содержания, поскольку при таком подходе невменяемость ограничивается описанием психического состояния лица и поставлена в зависимость от выводов в экспертном заключении о наличии двух критериев, а роль органов уголовной юстиции сведена к согласию с экспертным заключением и механической констатации невменяемости в акте применения права.

В науке уголовного права есть и иные точки зрения, например Ю.С. Богомякова [6, с. 105-107], О.А. Буркиной [7, с. 26] и других авторов, связанные с выделением трех критериев невменяемости, а именно медицинского, психологического и юридического (уголовно-правового). При этом невменяемость рассматривается как юридическое понятие и наделяется, помимо психолого-психиатрического, и правовым содержанием.

На наш взгляд, наиболее полный подход к определению признаков юридического (уголовно-правового) критерия невменяемости с учетом законодательного определения невменяемости и правовой позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»* (пп. 2, б, 17), а также сложившейся российской практики правоприменения следующий. Юридический (уголовно-правовой) критерий невменяемости включает в себя три признака: 1) признание совершенного лицом деяния общественно опасным; 2) совпадение во времени факта совершения общественно опасного деяния с патоло-

гическим состоянием психики лица, включающим возможность сознательного и (или) волевого поведения (темпоральный, хронологический или временной признак); 3) установление невменяемости лица как юридического факта и закрепление этого в процессуальных документах.

Некоторые авторы, например А.В. Рагулина [8, с. 38], О.С. Капинус [9, с. 153], Е.В. Лошенкова [10, с. 118], Г.А. Есаков [11, с. 29], Г.В. Назаренко [12, с. 44], выделяют темпоральный (временной, хронологический) (далее — темпоральный) признак как самостоятельный критерий невменяемости, наряду с медицинским и психологическим критериями. Однако, поскольку он определяется именно правоприменителем, то представляется более правильным включить его в содержание юридического (уголовно-правового) критерия.

Под темпоральным признаком юридического критерия невменяемости следует понимать совпадение во времени факта совершения общественно опасного деяния с патологическим состоянием психики лица, исключающим возможность сознательного и (или) волевого поведения.

Темпоральный признак юридического (уголовно-правового) критерия невменяемости закреплен в ч. 1 ст. 21 УК РФ и определяется таким сочетанием, как «во время...», которое связывает и указывает на необходимость совпадения между собой по времени общественно опасного деяния и состояния здоровья лица, характеризующегося медицинским и психологическим критериями. Рассматриваемый признак имеет немаловажное значение в определении невменяемости, особенно при чередовании во время совершения общественно опасного деяния психического состояния лица в сторону улучшения или ухудшения, лишаящего возможности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность действий (бездействия) или руководить ими, либо наоборот.

Недооценка значения этого признака и игнорирование изменений психического состояния лица на период совершения общественно опасного деяния может привести к необоснованному признанию лица невменяемым и применению к нему принудительных мер медицинского характера.

* Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.vsrff.ru>

В настоящее время вопрос о правовой оценке деяния лица на предмет его вменяемости (невменяемости) малоисследован в юридической литературе, а изучение судебной практики, особенно на примере продолжаемых и длящихся деяний, показывает, что анализ психического состояния лица является общим, не учитывает динамику, связанную с улучшением психического здоровья обследуемого, и дается в отношении деяния в целом, без привязки его к определенным периодам или эпизодам и указания на наличие или отсутствие улучшения либо ухудшения его психического состояния в указанный промежуток.

В литературе по судебной психиатрии обращается внимание на характерные для некоторых психических заболеваний периодическое течение и способность лишь на какое-то время нарушать психическую деятельность лица [13, с. 57, 59-60; 14, с. 195-196]. В связи с этим следует подробно остановиться на характеристике темпорального признака юридического критерия невменяемости и рассмотреть его значение для определения невменяемости при различных изменениях психического состояния лица в период совершения им общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом.

Нормы УК РФ вопрос о правовой оценке поведения лица во время изменения психического состояния в период совершения общественно опасного деяния не регулируют и, исходя из буквального толкования, при улучшении психического состояния лица, которое возвращает ему способность к сознательно-волевому поведению, лицо должно признаваться вменяемым.

В конце XIX — начале XX в. один из обсуждаемых в научной литературе вопросов был посвящен правовой оценке поведения лица на предмет его невменяемости в так называемые «светлые промежутки», возникающие между двумя приступами периодической душевной болезни.

Применительно к используемой терминологии под термином «светлые промежутки» нами будет пониматься психическое состояние лица, способного адекватно воспринимать действительность и осуществлять избирательное поведение. Иными словами, «светлые промежутки»

охватывают ситуации, при которых лицо признается вменяемым, в том числе и при наличии сочетаний, предусмотренных ч. 1 ст. 22 УК РФ.

Вопрос о «светлых промежутках» в литературе рассматривался неоднозначно, решение его сводилось либо к необходимости признания лица невменяемым ввиду того, что болезнь не исчезает, а переходит в особое скрытое состояние (С.В. Познышев, 1912; С.И. Баршев, 1841; А.Ф. Кистяковский, 1875; П.П. Пусторослев, 1907; Л.С. Белогриц-Котляревский, 1903; М.Н. Гернет, 1913; Н.С. Таганцев, 1902), с одной стороны, либо, с другой стороны, возможность вменения ставилась в зависимость от длительности промежутков между приступами болезни, где длительные промежутки, в отличие от коротких, не рассматривались в качестве основания для признания лица невменяемым (В.П. Сербский, 1895).

Однако считаем, что приведенные позиции являются упрощенными, не учитывают возможность изменения психического состояния лица в периоды совершения единичного общественно опасного деяния, оставляют нерешенным вопрос о правовой оценке продолжаемого и длящегося деяния при изменении психического состояния лица, а также игнорируют квалификацию ситуаций, связанных с желанием лица в периоды ремиссии продолжить общественно опасное поведение, которое началось в состоянии, исключающем сознание и волю, либо, напротив, отказать от него.

Поскольку «обоснованием юридического вменения выступает способность индивида к адекватному отражению действительности и на его основе к избирательному поведению» [15, с. 200], постольку правовая оценка невменяемости лица в рамках темпорального (временного) признака ее юридического критерия должна быть поставлена в зависимость от количества времени, исключающего адекватное отражение действительности и (или) возможность волевого поведения.

Изложенное позволяет сформулировать общее правило определения невменяемости при изменении психического состояния лица в различные отрезки времени совершения общественно опасного деяния: если в период совершения обще-

ственно опасного деяния лицо в течение большего периода его совершения находится в состоянии, исключающем сознательно-волевое отношение к своему поведению, обусловленном хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием либо иным болезненным состоянием психики, то оно должно быть признано по отношению к совершенному общественно опасному деянию невменяемым.

Реализация этого правила и определение на его основе невменяемости имеет свои особенности в зависимости от того, каким является преступление (общественно опасное деяние): единичным, продолжаемым или длящимся.

В случае совершения простого единичного общественно опасного деяния при наличии медицинского критерия невменяемости, лишаящего лицо возможности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, когда на каком-то отрезке времени его совершения происходит улучшение состояния здоровья (состояние ремиссии) такого лица, которое затем прекращается до момента окончания общественно опасного деяния, лицо признается невменяемым, поскольку в целом такое деяние совершается в отсутствие сознания и (или) воли.

Если с момента начала совершения общественно опасного деяния состояние психики лица было нормальным, а затем наступило хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие либо иное болезненное состояние психики, лишаящее его возможности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, и лицо по этой причине не может довести до конца начатое им деяние и совершает другое общественно опасное деяние либо, несмотря на это, продолжает совершать начатое во вменяемом состоянии общественно опасное деяние, то в отношении причиненного вреда в целом лицо признается невменяемым, поскольку при причинении такого вреда и наступлении уголовно значимых последствий лицо находилось в состоянии невменяемости.

Однако общественно опасное поведение этого лица в нормальном психическом состоянии, то есть в состоянии вменяемости, подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке как приготовление к преступлению или покушение на преступление, так как при его совершении лицо, находясь в состоянии вменяемости, добровольно не отказалось от него.

Несмотря на то, что простое единичное общественно опасное деяние едино по своей природе, квалификация его определенных временных периодов совершения в состоянии вменяемости и невменяемости не разрывает это деяние во времени, а дифференцирует его уголовно-правовую оценку.

Окончание общественно опасного деяния в нормальном психическом состоянии влечет признание лица вменяемым по отношению к этому деянию при условии, что в этот момент лицо имеет возможность добровольного отказа от его совершения, может предотвратить наступление вреда. В этой ситуации лицо имеет выбор между различными возможными вариантами поведения и, в случае выражения воли, отрицающей право, должно нести ответственность за совершенный проступок.

В связи с этим нельзя признать лицо вменяемым, если необходимые действия (бездействие) для достижения результата были совершены в состоянии психического расстройства, влекущем утрату сознательно-волевых способностей (например, нажатие на спусковой крючок для выстрела в человека), а в момент причинения уголовно значимого вреда его психическое состояние улучшилось (например, если смерть потерпевшего наступила не сразу после причинения вреда, а спустя некоторое время).

Вопрос об определении вменяемости (невменяемости) при смене нормального состояния психики на болезненное в случаях совершения деяний, содержащих признаки сложных единичных преступлений, таких как длящиеся и продолжаемые, является практически не изученным.

С позиций пп. 1, 4 постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и

продолжаемым преступлениям» длящееся преступление характеризуется непрерывным осуществлением состава определенного преступного деяния, начинается с какого-либо преступного действия или с акта преступного бездействия и оканчивается днем прекращения деяния как по воле лица, его совершившего, так и по не зависящим от его воли обстоятельствам*.

Следует отметить, что не все признаки длящегося преступления характерны для деяния, совершенного невменяемым лицом (в частности, умышленный характер деяния).

В связи с этим представляется возможным использовать понятие «длящееся общественно опасное деяние», под которым следует понимать действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным и непрерывным невыполнением обязанностей, возложенных на лицо законом под угрозой уголовного преследования, или с таким же нарушением установленного уголовным законом запрета. Временные рамки такого деяния совпадают с временными рамками длящихся преступлений.

Периоды времени, связанные с моментом начала длящегося общественно опасного деяния и моментом его окончания, подлежат изучению и сопоставлению на предмет наличия или отсутствия в указанные промежутки сознательно-волевых способностей лица для определения вменяемости или невменяемости лица.

Соответственно, в ситуациях, когда на каком-то отрезке времени длящегося общественно опасного деяния лицо, хотя бы и на небольшой временной промежуток, не могло осознавать фактический характер и (или) общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, должно быть признано вменяемым, поскольку в основной период времени совершения деяния оно находилось в состоянии вменяемости.

* Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: постановление 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г.: ред. от 14 марта 1963 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аналогично должен решаться вопрос при отсутствии у лица сознательно-волевых способностей в момент начала совершения длящегося общественно опасного деяния, в ситуациях, если в последующий временной период лицо обладает сознательно-волевыми способностями, обуславливающими уголовную ответственность за данный вид поведения.

В такой ситуации момент юридического начала уголовно значимого поведения перемещается на момент сознательно-волевого поведения субъекта, что также не противоречит признанию за деянием статуса преступления в силу единой длящейся линии поведения, избранной лицом, не желающим в момент улучшения своего психического состояния отказаться от совершения этого деяния.

Однако, если лицо на всем протяжении длящегося общественно опасного деяния находится в болезненном состоянии, исключающем его нормальную сознательно-волевою деятельность, а в момент улучшения психического состояния принимает меры к прерыванию общественно опасной деятельности, то деяние подлежит квалификации как совершенное в состоянии невменяемости, поскольку прерывание такой деятельности осуществляется в нормальном психическом состоянии.

В отличие от длящегося деяния, которое совершается непрерывно, продолжаемое деяние характеризуется перерывами между актами общественно опасного поведения.

С учетом положений п. 2 постановления 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» и исходя из имеющихся позиций в современной доктрине уголовного права [16, с. 15; 17, с. 18; 18, с. 505; 19, с. 17], продолжаемое преступление можно определить как преступление, складывающееся из ряда тождественных (однородных) преступных или не преступных актов, имеющих перерывы и причиняющих единый ущерб, направленных на достижение единой цели, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

Приведенное определение показывает, что продолжаемое преступление

характеризуется как объективными, так и субъективными признаками. К числу последних относится, в частности, единство умысла, которое не проявляется в деянии невменяемого лица, и общность цели, которая в поведении невменяемого лица может отсутствовать (например, при неспособности осознавать фактический характер и (или) общественную опасность деяния).

На наш взгляд, продолжаемое общественно опасное деяние невменяемого можно определить как деяние, состоящее из двух и более взаимосвязанных юридически тождественных актов, совершенное, как правило, единым способом и направленное на причинение единого ущерба.

Указание в определении на два и более акта поведения предполагает и такой признак, как наличие перерывов во времени между актами поведения, так как два и более акта поведения не могут быть реализованы одновременно.

Направленность в данном случае может проявляться как объективно, так и субъективно. В объективном смысле направленность определяется взаимосвязанными актами поведения человека, которые фактически причиняют единый ущерб. Если же актами поведения не причиняется единый ущерб, значит, нельзя говорить о том, что такое деяние является продолжаемым. В субъективном смысле направленность определяется стремлением (желанием) лица причинить единый ущерб двумя и более взаимосвязанными юридически тождественными актами поведения.

Представляется, что установление признаков продолжаемого общественно опасного деяния невменяемого необходимо для правильной правовой оценки его поведения, поскольку каждое из совершенных деяний в отдельности может причинить незначительный вред, а их совокупность – существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Такой подход обеспечивает возможность охвата деяний, которые по отдельности не образуют признаков состава конкретного общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, однако, будучи объединены общей криминальной целью субъекта либо тождеством взаи-

мосвязанных актов поведения, влекут его общественную опасность и делают целесообразным распространение на него сферы уголовно-правовых отношений, а также обуславливают возможность применения к нему принудительных мер медицинского характера. Кроме того, представляется справедливым и логичным осуществлять квалификацию как преступления при совершении вменяемым лицом конкретного продолжаемого деяния, так и общественно опасного деяния невменяемого лица при совершении деяния со сходными признаками.

Анализ материалов судебной практики также показывает, что в поведении невменяемого выделяются признаки продолжаемого деяния*.

Определение невменяемости лица в продолжаемых общественно опасных деяниях зависит от наличия или отсутствия осознания фактического характера поведения. Различия проявляются на временном отрезке от начала до окончания деяния.

При осознании фактического характера поведения началом продолжаемого деяния считается первое телодвижение – при действии, а при бездействии – начало невыполнения обязанностей, которые образуют объективную сторону первого акта общественно опасного посягательства из числа нескольких тождественных поведенческих актов, составляющих одно задуманное продолжаемое общественно опасное деяние, а концом – момент совершения последнего задуманного действия (бездействия).

При невозможности осознания лицом фактического характера поведения началом продолжаемого общественно опасного деяния считается совершение первого акта действия или бездействия из числа нескольких тождественных действий (бездействия), составляющих одно продолжаемое общественно опасное деяние, а момент окончания определяется любой стадией с момента причинения уголовно значимого вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

* Постановление Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 24 янв. 2014 г. по делу N 1-13/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.sudact.ru>

Исходя из особенности продолжаемого общественно опасного деяния можно сформулировать следующие правила определения вменяемости (невменяемости) лица.

Если на момент начала продолжаемого общественно опасного деяния лицо находилось в болезненном состоянии, исключающем способность к сознательно-волевой регуляции поведения, а при последующих актах деяния (при улучшении психического состояния) оно отказалось от совершения начатого, то по отношению к совершенному деянию лицо не подлежит уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления на условиях, предусмотренных ст. 31 УК РФ.

Если в период начала совершения общественно опасного деяния лицо находилось в нормальном психическом состоянии и обладало сознательно-волевыми способностями, а при последующих актах совершения общественно опасного посягательства психическое здоровье лица ухудшилось и контроль над сознательно-волевыми способностями был утрачен, задуманное не доведено до конца, то лицо по отношению к совершенному деянию подлежит признанию вменяемым. При этом содеянное квалифицируется как покушение на причинение того вреда, который лицо собиралось причинить.

В указанной ситуации лицо привлекается к уголовной ответственности, а вопрос вынесения обвинительного приговора и назначения наказания в случае его выздоровления определяется в соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Основания для признания лица невменяемым в указанной ситуации нет, так как деяние совершается под влиянием внутренних установок, сформировавшихся в нормальном психическом состоянии, свидетельствующих об общественной опасности как лица, так и деяния, а наступившее психическое расстройство является обстоятельством, возникшим независимо от воли лица, препятствующим доведению задуманного преступления до конца.

Если лицо на момент начала общественно опасного деяния находилось в

болезненном состоянии, исключающем способность к сознательно-волевой регуляции поведения, а при последующих актах деяния (при улучшении психического состояния) лицо не отказалось от совершения начатого в болезненном состоянии психики общественно опасного деяния, то оно признается вменяемым, а содеянное в случае достижения лицом реализуемой цели подлежит квалификации как оконченное преступление, что обусловлено единством посягательства и доведения его до конца в нормальном психическом состоянии, либо как неоконченное преступление – при недостижении результата.

При квалификации такого причинения вреда в качестве преступления необходимо учитывать только тот вред, который был причинен в состоянии вменяемости, то есть при наличии способности к сознательно-волевой регуляции поведения. Вред, причиненный актами поведения в состоянии психического расстройства, исключающего сознательно-волевою регуляцию, не может быть учтен, так как такой подход приведет к объективному вменению, недопустимость которого прямо провозглашена в ч. 2 ст. 5 УК РФ. Следовательно, в отношении вреда, причиненного в таком состоянии, лицо признается невменяемым.

Такое правило обусловлено наличием у лица установок на продолжение деяния, сформировавшихся в нормальном психическом состоянии, характеризующих общественную опасность деяния и лица, его совершившего. Привлечение такого лица к уголовной ответственности обусловлено необходимостью достижения ее целей, в том числе предупреждения совершения новых общественно опасных деяний.

Аналогичным образом должно оцениваться поведение лица при улучшении его психического состояния, наступившего в промежутках между различными актами общественно опасного деяния, совершенными в состоянии невменяемости. В этом случае при квалификации преступления, совершенного данным лицом, учитывается только тот вред, который был причинен в нормальном психическом состоянии, то есть в состоянии вменяемости. В отношении же деяний, совершенных в период утраты способности к сознательно-воле-

вой регуляции поведения, оно признается невменяемым.

Деление актов поведения общественно опасного деяния лица, совершенных в состоянии вменяемости и невменяемости, осуществляется в связи с тем, что это разные акты человеческого поведения, каждый из которых при изменении состояния психики должен получить самостоятельную уголовно-правовую оценку. Если в период продолжаемого общественно опасного деяния происходит периодическое изменение психического состояния лица, то применяется общее правило, согласно которому признание лица вменяемым (невменяемым) зависит от времени, в течение которого лицо находилось в том или ином состоянии.

Применение данного правила не вызывает больших затруднений, если в момент начала деяния лицо находится в состоянии психического расстройства, слабоумия, иного болезненного состояния психики, исключающего его волевые способности при сохранении интеллектуальных, так как в этих случаях имеется определенная цель совершения деяния, на основании которой определяется направленность поведения лица.

При отсутствии цели, когда признаки продолжаемого общественно опасного деяния, начатого лицом при патологическом состоянии психики, определяются исключительно на основании объективных признаков, признание деяния единым продолжаемым преступлением осуществляется исходя из сформированного у лица при изменении и улучшении у него психического состояния вида умысла: «при конкретизированном умысле продолжаемое преступление считается оконченным на стадии наступления желаемых последствий; при не конкретизированном умысле продолжаемое преступление считается оконченным на любой стадии с момента причинения уголовно значимого ущерба (по фактически наступившим последствиям)» [19, с. 17].

Таким образом, юридическое содержание темпорального признака юридического (уголовно-правового) критерия невменяемости определяется не только деятельностью правоприменителя по сопоставлению патологического состояния

психики, установленного экспертом, со временем инкриминируемого лицу деяния, но и тем, что именно правоприменителем определяются эти самые юридические границы поведения лица, обуславливающие их уголовно-правовую оценку.

В заключение предлагаем сформулировать следующие правила уголовно-правовой оценки поведения лица при чередовании психического состояния в сторону улучшения и (или) ухудшения во время совершения общественно опасного деяния.

При чередовании у лица нормального психического состояния и патологического состояния психики, исключающего сознательно-волевое отношение к своему поведению по причинам, указанным в ч. 1 ст. 21 УК РФ, в различные отрезки времени совершения общественно опасного деяния лицо может быть признано невменяемым по отношению к совершенному деянию при условии, что оно находилось в указанном состоянии в течении большего периода времени его совершения.

Если с момента начала совершения общественно опасного деяния лицо находилось в нормальном состоянии психики, после которого по причинам, указанным в ч. 1 ст. 21 УК РФ, утратило сознательно-волевые способности, то по отношению к причиненному вреду в таком состоянии лицо признается невменяемым, однако подлежит уголовной ответственности за приготовление к преступлению или покушение на преступление, которое намеревалось совершить, пребывая в нормальном психическом состоянии.

Окончание общественно опасного деяния в нормальном психическом состоянии влечет признание лица вменяемым при условии возможности добровольного отказа от его совершения во время пребывания в нормальном состоянии, когда лицо может предотвратить наступление вреда.

Если лицо на всем протяжении деяния утрачивает сознательно-волевыми способностями по причинам, указанным в ч. 1 ст. 21 УК РФ, а в момент улучшения психического состояния принимает меры к прерыванию общественно опасной деятельности, то деяние подлежит квалификации как совершенное в состоянии невменяе-

мости, поскольку в нормальном психическом состоянии осуществляется прерывание общественной опасной деятельности. Если на каком-то отрезке времени длящегося общественно опасного деяния лицо при улучшении психического состояния не принимает меры к прекращению этого деяния, то оно должно быть признано вменяемым, что объясняется длительным характером деяния, в течение которого это лицо его совершало при отсутствии признаков невменяемости.

При совершении продолжаемого общественно опасного деяния уголовно-правовой оценке подлежит каждый акт поведения, входящий в юридические границы общественно опасного деяния, который при изменении состояния психики должен получить самостоятельную уголовно-правовую оценку на предмет вменяемости или невменяемости лица. Определение вменяемости или невменяемости в рамках одного акта поведения при чередовании

нормального психического состояния и патологического состояния психики, включающего сознательно-волевое отношение к своему поведению по причинам, указанным в ч. 1 ст. 21 УК РФ, осуществляется по общему правилу в зависимости от количества времени, проведенного в том или ином состоянии в течение всего акта.

При привлечении к уголовной ответственности и назначении наказания такому лицу должен учитываться только тот вред, который был причинен во вменяемом состоянии.

В целях учета влияния темпорального признака юридического (уголовно-правового) критерия невменяемости на уголовно-правовую оценку поведения лица полагаем возможным отразить указанные выше правила в новой редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. N 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера».

Список литературы

1. Уголовное право России: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2018. 436 с.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. 628 с.
3. Павлов В.Г. Учение о субъекте преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 376 с.
4. Спасенников Б.А. Учение о невменяемости: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 184 с.
5. Георгиевский Э.В., Кравцов Р.В. Состав преступления: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 140 с.
6. Богомягков Ю.С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Советское государство и право. 1989. N 4. С. 103-108.
7. Буркина О.А. Уголовное право Российской Федерации (Общая часть) в таблицах и схемах: альбом схем. Пермь: Пермский ин-т ФСИН России, 2016. 148 с.
8. Рагулина А.В. Психические отклонения и их уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2000. 160 с.
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2015. 539 с.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. 704 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Инфра-М, 2014. 572 с.
12. Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве. Орел, 1994. 104 с.
13. Судебная психиатрия: учебник для студентов медицинских вузов / Н.М. Жариков, В.П. Котов, Г.В. Морозов, Д.Ф. Хритинин. 5-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2009. 624 с.
14. Пауков В.С. Судебная психиатрия: лекции. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 207 с.
15. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск: Издат. дом Томского гос. ун-та, 2016. 600 с.
16. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2006. 22 с.
17. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2013. 33 с.

18. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 784 с.
19. Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2008. 22 с.

References

1. Uголовное право Rossii v 2 t. T. 1: Obshchaya chast' [Russian criminal law. Volume 1: General part]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2018. 436 p.
2. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast' [Russian criminal law. A common part]. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg University, 2018. 628 p.
3. Pavlov V.G. Uchenie o sub'ekte prestupleniya [The doctrine of the subject of crime]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 376 p.
4. Spasennikov B.A. Uchenie o nevmenyaemosti [Doctrine of insanity]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 184 p.
5. Georgievskiy E.V., Kravtsov R.V. Sostav prestupleniya [Crime structure]. Irkutsk, Publishing house of ISU, 2012. 140 p.
6. Bogomyagkov Yu.S. Uголовно-pravovaya nevmenyaemost': kriterii i priznaki [Criminal law insanity: criteria and signs]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet state and law, 1989, no. 4, pp. 103-108.
7. Burkina O.A. Uголовное право Rossiyskoy Federatsii (Obshchaya chast') v tablitsah i skhemah [Criminal law of the Russian Federation (General part) in tables and diagrams: album of diagrams]. Perm', Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2016. 148 p.
8. Ragulina A.V. Psihicheskie otkloneniya i ih uголовно-pravovoe znachenie. Kand. Diss. [Mental deviations and their criminal legal significance. Cand. Diss.]. Moscow, 2000. 160 p.
9. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast' [The criminal law of Russia. A common part]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 539 p.
10. Uголовное право Rossiyskoy Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasti [The criminal law of the Russian Federation. General and Special Parts]. Moscow, CONTRACT: INFRA-M Publ., 2013. 704 p.
11. Kommentariy k Uголовnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Infra – M Publ., 2014. 572 p.
12. Nazarenko G.V. Nevmenyaemost' v uголовnom prave [Insanity in criminal law]. Orel, 1994. 104 p.
13. Zharikov N.M., Kotov V.P., Morozov G.V., Hritinin D.F. Sudebnaya psihiatriya [Forensic Psychiatry]. Moscow, Norma Publ., 2009. 624 p.
14. Paukov V.S. Sudebnaya psihiatriya [Forensic Psychiatry]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2010. 207 p.
15. Uголовное право. Obshchaya chast' [Criminal law. A common part]. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2016. 600 p.
16. Kulichenko N.N. Uголовно-pravovaya otsenka edinichnogo slozhnogo prestupleniya. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal legal assessment of a single complex crime. Autoabstract Cand. Diss.]. Omsk, 2006. 22 p.
17. Chikin D.S. Slozhnye edinichnye prestupleniya (uголовно-pravovaya harakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatel'nogo konstruirovaniya). Avtoref. Kand. Diss. [Complex single crimes (criminal law characteristic, problems of qualification and legislative construction). Autoabstract Cand. Diss.]. Krasnodar, 2013. 33 p.
18. Naumov A.V. Rossiyskoe uголовное право. Obshchaya chast' [Russian criminal law. General part]. Moscow, Prospect Publ., 2018. 784 p.
19. Romanyuk S.N. Slozhnye edinichnye prestupleniya. Avtoref. Kand. Diss. [Complex single crimes. Autoabstract Cand. Diss.]. Tyumen, 2008. 22 p.

РЕПЬЕВА А.М.,
кандидат юридических наук,
anna-repeva@yandex.ru
Кафедра уголовного права
и криминологии;
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49	REPEVA A.M.,
Candidate of Legal Sciences,
anna-repeva@yandex.ru
Chair of criminal law and criminology;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St., 49,
Barnaul, 656038,
Russian Federation
ЕРМАКОВА О.В.,
кандидат юридических наук,
доцент,
ermakova_alt@mail.ru
Кафедра уголовного права
и криминологии;
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49	ERMAKOVA O.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Chair of criminal law and criminology;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalova St., 49,
Barnaul, 656038,
Russian Federation

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется институт принудительных мер воспитательного воздействия, обладающий большим потенциалом в отношении исправления несовершеннолетних, совершивших преступление. Авторами рассматриваются особенности законодательной регламентации принудительных мер воспитательного воздействия на современном этапе развития уголовного права. На основании теоретического анализа и юридической оценки, подкрепленной эмпирическим материалом — статистическими данными, правоприменительной практикой, проведенным анкетированием среди ученых, частнопрактикующих юристов, судей, сотрудников правоохранительных органов, выделяются проблемы регламентации, законодательные пробелы и перспективы развития института принудительных мер воспитательного воздействия. Кроме того, выявляются трудности понимания правоприменителем их содержательной части, констатируется отсутствие детального нормативного закрепления оснований и запретов назначения рассматриваемых мер, неэффективность применения отдельных из них, ограниченность перечня их видов. Особое внимание уделено тем вопросам регламентации принудительных мер воспитательного воздействия, которые в настоящее время не урегулированы законодательством, однако являются принципиально важными. Кроме того, определяются пути совершенствования рассматриваемого института, предлагается авторское видение его законодательного закрепления, формулируются и обосновываются соответствующие изменения Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: принудительные меры; воспитательное воздействие; несовершеннолетний; освобождение от уголовной ответственности; правоприменение.

COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT

Annotation. The institution of compulsory educational measures, which has great potential for the correction of minors who have committed a crime, is analyzed in the article. The authors of the article consider the peculiarities of the legislative regulation of coercive measures of educational influence at the current stage of the development of criminal law. Basing on the theoretical analysis and legal assessment supported by empirical material (statistical data, law enforcement practice and the surveys conducted among scientists, private practice lawyers, judges, law enforcement officers), the problems of regulation, legislative gaps and prospects for the development of the institution of compulsory educational measures are identified. Besides, the difficulties concerning the understanding

of their content by the law enforcer are revealed. The absence of a detailed fixing of the grounds and prohibitions for imposing the considered measures in the legislation, as well as the inefficiency of using some of them and the limited list of their types are stated. Special attention is paid to those issues of the regulation of compulsory educational measures that are currently not regulated by the legislation, but are fundamentally important. The ways to improve the institution under consideration are proposed, the author's vision of its legislative consolidation is offered, the corresponding amendments to the Criminal Code of the Russian Federation are formulated and substantiated.

Keywords: coercive measures; educational influence; minor; exemption from criminal liability; law enforcement.

В современном уголовном законодательстве принцип гуманизма отнесен к числу основных (ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), его реализация поэтапно осуществляется в нормах как Общей, так и Особенной части УК РФ. Одной из форм реализации данного принципа выступает институт принудительных мер воспитательного воздействия, посредством которого реализуется

уголовная ответственность без назначения наказания. Заложенный в указанных мерах потенциал позволяет утверждать, что их наличие в УК РФ обоснованно, соответствует основным направлениям уголовной политики и международным стандартам.

Вместе с тем, как показывает анализ статистических данных (см. табл.)*, распространенность применения воспитательных мер явно недостаточна.

Таблица

Сведения о назначении принудительных мер воспитательного воздействия (2014–2018 гг.)

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего осуждено несовершеннолетних, из них:	23 586	22 816 (-3,3 %) ¹	23 939 (+1,5 %) ¹	20 631 (-12,5 %) ¹	18 826 (-21,1 %) ¹
ранее уже направлялись в СУВУЗТ ³	326 (1,4 %) ²	340 (1,5 %)	336 (1,4 %)	315 (1,5 %)	238 (1,3 %)
ранее уже подвергались иным ПМВВ ⁴	499 (2,1 %) ²	422 (1,8 %)	518 (2,2 %)	480 (2,3 %)	443 (2,4 %)
Освобождено:					
с помещением в СУВУЗТ	329	362	394	370	301
с применением иных ПМВВ	453	597	722	506	658

¹ динамика по сравнению с 2014 годом;

² процент от общего количества осужденных;

³ специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа;

⁴ принудительные меры воспитательного воздействия

Однако в позитивном плане следует отметить возросшее в последние годы количество случаев применения принудительных мер воспитательного воздействия. За прошедшие пять лет на 45 % (с 453 в 2014 г. до 658 в 2018 г.) увеличилось количество несовершеннолетних, освобожденных от уголовной ответственности с их применением [1]. Однако из приведенных данных очевидна устоявшаяся негативная тенденция, которую можно отследить в со-

отношении количества лиц, ежегодно освобождающихся от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, и лиц, осуждаемых за совершение нового преступления, при установленном факте осво-

* Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2015-2018 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdper.ru>

бождения ранее за совершение предыдущего преступления с применением данных мер. Например, в 2018 году первых было 658 человек, а вторых – 443. Иначе говоря, значительная часть подростков, к которым применялись принудительные меры воспитательного воздействия, не исправилась, действенность данного института уголовного права на ней должным образом не сказалась.

Представленная статистическая информация наглядно демонстрирует существующие проблемы применения института принудительных мер воспитательного воздействия, что порождает необходимость анализа их правовой регламентации в УК РФ. Обращает на себя внимание тот факт, что указанным мерам посвящены всего 2 статьи УК РФ (ст.ст. 90-91), которые закрепляют основания их применения, виды, сроки, а также последствия неисполнения. Соответственно, регламентация изучаемого института отличается непоследовательностью, разрозненностью существующих законодательных положений.

По нашему мнению, подобное регулирование рассматриваемого института является препятствием его применения в практической деятельности. Следует отметить, что в ходе проведенного авторами статьи анкетирования* 93,6 % респондентов дали утвердительный ответ на вопрос: «Согласны ли Вы с мнением, что нормативное регулирование применения мер воспитательного воздействия является поверхностным и осложняет их назначение, в связи с чем необходимы детальное изучение данного института и выработка предложений, направленных на его совершенствование?»; 6,4 % респондентов считают, что современный УК РФ в должной мере отражает нормативное содержание мер; 1,3 % выбрали позицию «Иное», отметив, что в принципе закрепление в уголовном законодательстве в современный период времени воспитательных мер видится достаточным и устоявшимся, однако

* Анкетирование проводилось в период с апреля 2017 по март 2019 г. среди ученых, частнопрактикующих юристов, судей, адвокатов, сотрудников правоохранительных органов в Алтайском крае, Республике Алтай, Томской области. В проведенном опросе приняли участие 78 респондентов.

дальнейшее изучение указанного института необходимо с целью рассмотрения возможности его усовершенствования с точки зрения расширения возможности применения.

Кроме того, следует отметить те вопросы, касающиеся института принудительных мер воспитательного воздействия, которые вообще остались не урегулированными в отечественном законодательстве. Остановимся на некоторых из них.

Так, в УК РФ отсутствует определение понятия принудительных мер воспитательного воздействия, что, по нашему мнению, является пробелом в уголовном праве. В обоснование данного утверждения приведем следующие доводы: во-первых, любое понятие аккумулирует в себе отличительные черты и признаки явления, облегчает познание его сущности; во-вторых, в таких институтах, как наказание, принудительные меры медицинского характера, понятийный аппарат прямо закреплен в законе. В связи с этим считаем необходимым восполнить данный пробел путем закрепления понятия принудительных мер воспитательного воздействия в нормах УК РФ.

Мнение подтверждают данные, полученные в ходе анкетирования. Так, лишь 14,1 % респондентов дали отрицательный ответ на вопрос: «Необходимо ли закрепление понятия воспитательных мер в УК РФ, отсутствующее на сегодняшний момент?», пояснив, что законодательное закрепление дефиниции существенного улучшения в сфере их применения не повлечет; 85,9 % респондентов согласились с необходимостью выработки определения понятия рассматриваемого института.

Помимо определения понятия рассматриваемых мер, по аналогии со ст.ст. 43, 98 УК РФ закреплению подлежат и цели применения данных мер, конкретизирующие тот результат, на достижение которого они направлены. Это позволит определить сущность рассматриваемого института уголовного права.

С учетом изложенного предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 90 УК РФ:

«Статья 90. Применение принудительных мер воспитательного воздействия
1. Принудительные меры воспитательного воздействия – это система мер,

осуществляемых государственными органами, обязательных для применения, назначаемых по решению суда, заключающаяся в освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего, с установлением обязанностей или правоограничений для достижения целей восстановления социальной справедливости, исправления несовершеннолетнего и предупреждения совершения новых преступлений, а также выявления и устранения их причин и условий».

Правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия в целом определена в уголовном законе. Например, согласно ч. 1 ст. 90 УК РФ такие меры относятся к разновидностям освобождения от уголовной ответственности. При этом очевидным является противоречие между ч. 1 ст. 90 и ч. 1 ст. 92 УК РФ, поскольку в последнем случае принудительные меры причисляются законодателем к видам освобождения от наказания. Оценивая подобную рассогласованность закона, следует отметить, что, с одной стороны, позиция законодателя вполне понятна: освобождение от уголовной ответственности возможно только до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения, что исключает возможность применения данных мер после указанного момента. В свою очередь, освобождение от наказания возможно и после вынесения приговора суда, что расширяет границы правоприменения.

С другой стороны, в процессе расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде нет никаких препятствий для изначального определения целесообразности применения мер без назначения уголовного наказания. Более того, в случае освобождения от наказания их применение значительно усложняется необходимостью рассмотрения дела по существу с соблюдением процессуальной формы. Соответственно, правовую природу принудительных мер воспитательного воздействия следует определить исключительно освобождением от уголовной ответственности с закреплением необходимости суда рассматривать вопрос о целесообразности назначения данных мер и объяснением причин неприменения указанного института. В связи с этим предлагается исключить ч. 1 ст. 92 УК РФ.

Следующим вопросом, не нашедшим четкой правовой регламентации, является проблема закрепления оснований применения мер воспитательного воздействия. Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 90 УК РФ, основаниями применения принудительных мер воспитательного воздействия являются:

1) совершение преступления небольшой или средней тяжести;

2) убежденность суда в том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения данных мер.

Из указанных оснований только первое отличается определенностью и четкостью предъявляемого требования. В свою очередь, второе основание не имеет каких-либо критериев установления и полностью зависит от усмотрения судебных органов.

Так, по результатам анкетирования, 75,6 % респондентов согласились с назревшей на сегодняшний день необходимостью законодательной регламентации перечня оснований, не предполагающих возможным освобождение подростка от уголовной ответственности с назначением воспитательных мер. Объяснение выбранной позиции было следующим: рассмотрение лишь тяжести совершенного преступления является недостаточным; необходимо предусмотреть запрет на применение нормы, закрепленной в ст. 90 УК РФ, в случае, если подросток ранее допускал совершение правонарушений (как административно-правового, так и уголовно-правового характера).

Хотя в нормах уголовного закона используются оценочные категории, значимость которых объясняется возможностью «подвести» под действие нормы неопределенное число случаев, правоприменительные органы нередко испытывают трудности в их толковании. Например, И.В. Овсянников утверждает, что «на практике принудительные меры воспитательного воздействия применяются редко не потому, что они неэффективны, а прежде всего потому, что вопрос о том, возможно ли исправление несовершеннолетнего путем их применения, как правило, решить трудно» [2, с. 114].

Анализ судебной практики показывает, что суды, обосновывая основания

применения принудительных мер воспитательного воздействия, помимо двух обозначенных видов, указывают, например, на характеристики по месту учебы, жительства; признание вины; согласие родителей на применение меры и т.д.*

По нашему мнению, подобное расширение перечня оснований чрезмерно сужает возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия и противоречит нормам закона.

Таким образом, перечень оснований, представленных в ч. 1 ст. 90 УК РФ, нуждается в конкретизации, поскольку неопределенность предписаний уголовного закона создает опасность нарушения принципов законности, справедливости, равенства, а также трудности в правоприменительной деятельности.

На сегодняшний день на законодательном уровне не установлены запреты на применение принудительных мер воспитательного воздействия. Во-первых, современная уголовная политика проявляется в установлении запретов применения отдельных институтов уголовного права (ст.ст. 73, 78, 82, 83, 92 УК РФ и др.) при совершении некоторых видов преступлений, посягающих на наиболее охраняемые ценности. Основываясь на сказанном, а также с учетом законодательного запрета в смежном институте освобождения несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа считаем целесообразным использование положений ч. 5 ст. 92 УК РФ, выделив преступления небольшой и средней тяжести. Таким образом, к лицам, совершившим престу-

* См.: Постановление Сретенского районного суда Забайкальского края от 24 дек. 2009 г. // Правосудие: государственная автоматизированная система Российской Федерации. URL: <http://sretensk.cht.sudrf.ru>; постановление Киселевского городского суда Кемеровской области о применении принудительных мер воспитательного воздействия от 9 дек. 2012 г. N 1-569/2012 // Справ.-правовая система «Право.ru». URL: <http://docs.pravo.ru>; постановление Майкопского городского суда Республики Адыгея о применении принудительных мер воспитательного воздействия от 10 мая 2011 г. N 1-216/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

пления, предусмотренные ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 223, ст. 280, ст. 280.1, ч. 1 ст. 282 УК РФ, применение принудительных мер воспитательного воздействия недопустимо.

Во-вторых, обращает внимание отсутствие возможности повторного назначения данных мер. Полагаем, если применение таких мер не дало должного эффекта и лицо вновь совершает преступление, соответственно, их действенность по отношению к данному подростку вызывает большие сомнения. Следовательно, лицо может быть исправлено лишь в ходе реализации уголовной ответственности. Проведенное анкетирование позволило подтвердить указанную точку зрения. Так, значительная часть респондентов (47,4 %) указала, что повторное назначение воспитательных мер, если они уже применялись к несовершеннолетнему за ранее совершенное преступление, недопустимо. По мнению этих респондентов, государство должно решать вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности только с учетом уверенности в том, что подросток больше не совершит преступление. Указанная же выше ситуация говорит об обратном, а следовательно, ставит под сомнение необходимость применения ст. 90 УК РФ еще раз. 29,5 % респондентов не настолько категоричны и указали, что применение возможно, но только с учетом личности подростка и других обстоятельств совершенного преступления. 21,8 % дали положительный ответ на поставленный вопрос. Ответ «Иное» выбрал 1 респондент, отметив, что в целом институт принудительных мер воспитательного воздействия вызывает значительное количество нареканий, и их повторное применение тем более становится бессмысленным.

Аналогичной будет ситуация, если несовершеннолетний не исправился, находясь в условиях воспитательной колонии. Можно с большой долей уверенности предположить, что применение предлагаемых нами мер не будет иметь положительного эффекта при воздействии на несовершеннолетнего.

В связи с вышеизложенным следует дополнить УК РФ статьей 91.1 следующего содержания:

«Статья 91.1. Основания и запреты применения принудительных мер воспитательного воздействия

1. Основаниями применения принудительных мер воспитательного воздействия являются:

а) совершение преступления впервые;

б) совершение преступления небольшой или средней тяжести;

в) признание возможности исправления без привлечения к уголовной ответственности, то есть формирование у несовершеннолетнего уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

2. Принудительные меры воспитательного воздействия не применяются к несовершеннолетним:

а) совершившим преступления, предусмотренные частью первой статьи 126, частью второй статьи 161, частью первой статьи 205.2, частью первой статьи 223, статьей 280, статьей 280.1, частью первой статьи 282 настоящего Кодекса;

б) ранее освобожденным от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

в) ранее отбывавшим лишение свободы».

Наиболее сложным вопросом, касающимся регламентации принудительных мер воспитательного воздействия, выступает проблема видов данных мер, закрепленных в ч. 2 ст. 90 УК РФ [3, с. 201].

Следует отметить малоэффективность некоторых из них, предусмотренных в ч. 2 ст. 90 УК РФ. В частности, предупреждение, которое многие авторы считают лишь воспитательным элементом, не несущим никаких ограничений для подростка [4, с. 63], что исключает возможность его исправления. Следует согласиться с приведенным мнением, поскольку разъяснительная работа с несовершеннолетним проводится с того момента, как компетентным органам становится известно о совершенном преступлении. А если лицо и ранее состояло на учете в органах внутренних дел, то такая работа уже осуществлялась. Иначе говоря, сущность дан-

ной меры ограничивается исключительно объяснительной работой суда [5, с. 19-22]. Соответственно, вряд ли оправданно выделять предупреждение в качестве отдельной меры.

На нецелесообразность признания предупреждения мерой воспитательного воздействия также указывает то обстоятельство, что в судебной практике оно фактически не применяется (о чем свидетельствует анализ 30 изученных уголовных дел). Вместе с тем, как указывается в научной литературе, в отдельных регионах Российской Федерации предупреждение выступает весьма распространенной мерой [6, с. 35].

Под сомнение подпадает и такая мера, как возложение обязанности загладить причиненный вред. В большинстве случаев вред, причиненный подростком, возмещается законными представителями (родителями, опекунами, усыновителями, попечителями) в силу отсутствия у него денежных средств или же происходит путем возврата похищенного имущества. Однако несовершеннолетний не извлекает из этого «урок», а основные цели применения принудительных мер воспитательного воздействия остаются не достигнутыми.

В подтверждение следует привести данные проведенного анкетирования. На вопрос: «Возможно ли достижение целей исправления несовершеннолетнего и предупреждения совершения им новых преступлений путем применения принудительных мер воспитательного воздействия?» большинство респондентов (59 %) ответили положительно, указав, что применение принудительных мер воспитательного воздействия сможет исправить несовершеннолетнего лишь в том случае, если будут внесены изменения в их регламентацию, 11,5 % считают существование вышеуказанных мер бессмысленным, поскольку их влияние на подростка не будет достаточно эффективным.

Передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо в специализированный государственный орган — еще одна мера, вызывающая критику. Содержание части данной меры в виде передачи подростка под надзор родителей или лиц, их заменяющих, по сути, повторяет требования ст. 63 Семейного кодекса

Российской Федерации. Иначе получается следующая ситуация. Родители на протяжении всего периода взросления подростка не смогли привить ему нормы и традиции человеческого общежития, морали и правопослушного поведения, в результате чего несовершеннолетний совершил преступление, а УК РФ допускает, что альтернативой привлечения к ответственности может быть, по сути, его оставление в кругу этих же лиц без каких-либо особых изменений условий его повседневной жизни.

На наш взгляд, наиболее действенной будет передача под надзор специализированного государственного органа. Как показывает анализ 30 изученных судебных решений (2016-2019 гг.), данная мера применялась в 21 случае, при этом суд в постановлении конкретизировал тот орган, который будет осуществлять надзор за поведением несовершеннолетнего.

Например, в постановлении мирового судьи судебного участка N 1 по Актанышскому судебному району Республики Татарстан указано следующее: «Применить принудительные меры воспитательного воздействия в виде передачи под надзор специализированного государственного органа – Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при исполнительном комитете Актанышского муниципального района Республики Татарстан сроком на 1 (один) месяц с возложением обязанности по воспитательному воздействию на <ФИО> и контролю за ее поведением»*.

Ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего в целом, как нам видится, – мера допустимая и имеющая высокий потенциал. Однако, как показывает анализ научной литературы и судебной практики, круг требований и ограничений, применяемых к подросткам, весьма узок и не предусматривает приложения особых усилий со стороны несовершеннолетних для их исполнения и соблюдения.

В частности, в большинстве изученных постановлений о прекращении уго-

ловного дела судом при избрании меры в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего имелось только одно требование – запрет пребывания вне места постоянной регистрации после 22 часов.

Соответственно, следует констатировать, что потенциал, заложенный в такой мере, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, в правоприменительной деятельности используется не в полной степени.

По нашему мнению, большим исправительным потенциалом обладает помещение подростка в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа, которое в настоящий момент в перечне мер, предусмотренных ст. 90 УК РФ, отсутствует.

Сегодня в ряде норм законодательства предусмотрено существование для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, такой образовательной организации, как учебно-воспитательное учреждение открытого типа (ст.ст. 22, 66 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»**, ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»***). Не совсем ясно, почему в ст. 92 УК РФ уделяется внимание учебно-воспитательным учреждениям закрытого типа, однако игнорируется возможность применения к несовершеннолетнему преступнику помещения в учреждение открытого типа. Как представляется, существование в системе об-

** Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. N 273-ФЗ: ред. от 7 марта 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 53 (ч. I). Ст. 7598; 2018. N 11. Ст. 1591.

*** Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ: ред. от 7 июня 2017 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177; 2017. N 24. Ст. 3478.

* Постановление о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего подсудимого и применении принудительных мер воспитательного воздействия от 20 мая 2014 г. N 1-1-16/14. URL: <https://pandia.ru>

разования таких учреждений может стать хорошей основой исправительно-воспитательного воздействия на несовершеннолетнего.

С нашим мнением согласно и большинство респондентов. Так, 82,1 % из них считают необходимым дополнение имеющегося перечня указанной выше мерой. 17,9 % респондентов отметили, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа является излишним, обосновав свою точку зрения тем, что такая мера будет во многом совпадать с последствиями освобождения от уголовного наказания, предусмотренного ст. 92 УК РФ.

Достаточно сложным видится вопрос об отнесении к числу принудительных мер воспитательного воздействия помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, предусмотренного ч. 2 ст. 92 УК РФ. На самом деле, правовая природа помещения в данное учреждение определяется в уголовном законе как разновидность принудительных мер воспитательного воздействия. Однако в этой части наблюдается очевидный диссонанс между ч. 2 ст. 90 УК РФ, закрепляющей исчерпывающий перечень данных мер, и ч. 2 ст. 92 УК РФ, расширяющей данный перечень, что противоречит общей норме.

Противоречие видится также в том, что правовые последствия всех мер воспитательного воздействия связываются с освобождением от уголовной ответственности, а этой меры — только с освобождением от наказания. По нашему мнению, предполагалось предусмотреть специальные основания освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) и от наказания (ст. 92 УК РФ). При этом правовая природа помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа определена не верно.

В связи с этим считаем необходимым провести четкое отграничение видов освобождения от уголовной ответственности в качестве принудительных мер воспитательного воздействия и видов освобождения от наказания — путем помеще-

ния в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, убрав из ч. 2 ст. 92 УК РФ привязку к принудительным мерам воспитательного воздействия. Таким образом, предлагается следующая редакция ч. 2 ст. 92 УК РФ: «2. Несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления, может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода. Несовершеннолетний может быть помещен в указанное учреждение до достижения им возраста восемнадцати лет, но не более чем на три года».

В связи с этим необходимо закрепление системы принудительных мер воспитательного воздействия путем внесения изменений и дополнений в ч. 2 ст. 90 УК РФ, изложив ее следующим образом:

«...2. Несовершеннолетнему назначаются следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

- а) передача под надзор специализированного государственного органа;
- б) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- в) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;
- г) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа».

Таким образом, в регламентации принудительных мер воспитательного воздействия существуют пробелы, а содержание отдельных норм нуждается в изменении. В рамках УК РФ необходимо обособить нормы, регламентирующие принудительные меры воспитательного воздействия, в отдельную главу, содержание которой будет включать понятие, цели, основания, запреты применения, а также систему мер, предусматривающую возможность замены и градацию по степени строгости.

Список литературы

1. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, за 2015-2018 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 5 июля 2019 г.).
2. Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. N 5. С. 113-120.
3. Обидина Л.Б. Применение судами принудительных мер воспитательного воздействия: проблемы практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Право. 2001. N 2. С. 197-202.
4. Гребнева Н.Н. Применение принудительных мер воспитательного воздействия: теория: проблемы теории и практики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2015. N 24. С. 63-65.
5. Горшенин А.А. Виды принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. N 4. С. 19-22.
6. Корягина С.А. Современные тенденции практики применения принудительных мер воспитательного воздействия // Академический журнал. 2007. N 1 (27). С. 35-41.

References

1. Otchet ob osuzhdennyh, sovershivshih prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste za 2015-2018 gg. [Report on convicted offenders of minor age, 2015-2018]. Sudebnyy departament pri Verhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii: ofitsial'nyy sayt [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: official site]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (Accessed 5 July 2019).
2. Ovsyannikov I.V. Ustanovlenie vozmozhnosti ispravleniya nesovershennoletnego putem primeneniya prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdeystviya [Establishing the possibility of correcting a minor by applying coercive educational measures]. Uголовное право – Criminal Law, 2016, no. 5, pp. 113-120.
3. Obidina L.B. Primenenie sudami prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdeystviya: problemy praktiki [The use of compulsory educational measures by courts: problems of practice]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law. 2001, no. 2, pp. 197-202.
4. Grebneva N.N. Primenenie prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdeystviya: teoriya: problemy teorii i praktiki [The use of coercive measures of educational influence: theory: problems of theory and practice]. Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow state law Academy, 2015, no. 24, pp. 63-65.
5. Gorshenin A.A. Vidy prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdeystviya [Types of coercive measures of educational impact]. Uголовно-исполнительная система: право, экономика, управление – Penal system: law, economics, management, 2011, no. 4, pp. 19-22.
6. Koryagina S.A. Sovremennye tendentsii praktiki primeneniya prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdeystviya [Modern trends in the practice of applying coercive measures of educational impact]. Akademicheskiy zhurnal – Academic Journal, 2007, no. 1 (27), pp. 35-41.

КОРНЕЕВ С.А., KORNEEV S.A.,
kornei_lam@mail.ru, kornei_lam@mail.ru
Факультет подготовки Faculty of Scientific
научно-педагогических кадров; and Pedagogical Staff Training;
Академия права и управления Academy of Law and Management
Федеральной службы of the Federal Penitentiary Service
исполнения наказаний, of the Russian Federation,
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1 Sennaya St. 1, Ryazan, 390000,
Russian Federation

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы такого института уголовного права, как иные меры уголовно-правового характера. Актуальность темы обусловлена отсутствием в одноименном разделе Уголовного кодекса Российской Федерации определения понятия иных мер уголовно-правового характера, признаков, отличающих их от других мер государственного принуждения. Ряд вопросов и неоднозначное толкование вызывает нормативно закрепленное содержание данного раздела. Приводятся мнения ученых в области уголовного права относительно рассматриваемого института, анализируются как действующие виды иных мер уголовно-правового характера, закрепленные в уголовном законе, так и другие меры, которые по своей правовой природе могут и должны относиться к мерам, отличным от наказания и уголовной ответственности в целом. Проведен ретроспективный анализ отдельных мер государственного принуждения с целью понимания их уголовно-правовой сущности. Сформулирован авторский подход к определению понятия иных мер уголовно-правового характера, их отличительных признаков и содержания. Предлагается изложение рассматриваемого раздела в иной редакции, а именно исключение из него норм, посвященных конфискации имущества и судебному штрафу, и дополнение положениями о принудительных мерах воспитательного характера.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера; конфискация имущества; судебный штраф; принудительные меры медицинского характера; принудительные меры воспитательного характера.

THE CRIMINAL LAW MEASURES NOT RELATED TO CRIMINAL LIABILITY

Annotation. The article deals with the problems of such institution of criminal law as other measures of criminal law nature. The relevance of the topic is due to the absence of the definition of other measures of criminal law nature in the relevant section of the Criminal Code of the Russian Federation, characteristics that distinguish them from other measures of state coercion, as well as the fact that the content of this section raises a number of questions and ambiguous interpretation. The opinions of the scientists in the field of criminal law concerning the considered institution are given. The author analyses both the existing types of other measures of criminal law nature enshrined in the criminal legislation, and other measures that can and should relate to the measures which generally differ from the punishment and criminal liability by their legal nature. A retrospective analysis of certain measures of state coercion is carried out in order to understand their criminal law nature. The author's approach to the definition of the concept of other measures of criminal law nature, their distinguishing features and content is formulated. A different version of the section under consideration is proposed, namely, the exclusion of the rules concerning the confiscation of property and judicial penalty from it, and the addition of the provisions on coercive measures of educational nature.

Keywords: other measures of criminal law nature; confiscation of property; judicial penalty; coercive medical measures; coercive measures of educational character.

Правовая природа мер уголовно-правового воздействия, не связанных с уголовной ответственностью, но выступающих юридическим последствием совершенного преступления, остается недостаточно изученной. Институт иных мер

уголовно-правового характера в действующем уголовном законодательстве является весьма дискуссионным и обсуждаемым на протяжении долгого времени. Актуальность темы подтверждается следующим: раздел VI «Иные меры уголов-

но-правового характера», введенный в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) Федеральным законом от 27 июля 2006 г. N 153-ФЗ*, не предусматривает определения понятия иных мер уголовно-правового характера, признаков, которые отличают указанные меры от других мер государственного принуждения, в связи с чем нормативно закрепленное содержание вызывает ряд вопросов.

В действующей редакции УК РФ в рамках раздела закреплены такие уголовно-правовые меры, как конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера и судебный штраф. Данный исчерпывающий перечень является весьма спорным в силу того, что рассматриваемые меры не связаны друг с другом, имеют разные основания применения и по своей правовой природе не составляют единый самостоятельный институт. Более того, уголовное право предусматривает и другие меры уголовно-правового воздействия, которые по своей сущности и характеру могут быть включены в рассматриваемый раздел VI УК РФ.

В юридической литературе существует устоявшееся мнение о том, что иные меры уголовно-правового характера есть не что иное, как форма реализации уголовной ответственности. С данной точкой зрения как легко, так и сложно согласиться. Большинство ученых наполняют содержание рассматриваемого института различными мерами уголовно-правового воздействия, поэтому по вопросу его содержания и отношения к уголовной ответственности отсутствует как единое, так и превалирующее мнение. Ряд исследователей относит к иным мерам условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), отсрочку отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) [1, с. 59], другие — только те меры, которые вошли в содержание одноименного раздела (принудительные меры медицинского характера

ра, судебный штраф и конфискацию имущества) [2, с. 34].

Считаем верной и обоснованной позицию третьей группы исследователей, которая, как было закреплено в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., к иным мерам относит только принудительные меры медицинского характера (ст.ст. 97-104 УК РФ) и принудительные меры воспитательного воздействия (ст.ст. 90-92 УК РФ) [3, с. 199]. Во-первых, указанные меры уголовно-правового характера соответствуют не карательной правовой природе рассматриваемого института, во-вторых, они применяются не за совершение общественно опасного деяния, а в связи с его совершением. Уголовная ответственность — это ответственность за вину личности, она не может распространяться на тех, кто по своим особенностям (невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности) не может быть субъектом преступления. Таким образом, исходя из данного содержания института иных мер уголовно-правового характера, последний нельзя признать формой реализации уголовной ответственности.

Современное представление об институте иных мер уголовно-правового характера невозможно в отрыве от исторического аспекта развития рассматриваемого вопроса. В последние годы ни одно исследование, которое носит комплексный характер, не проводится без использования исторического метода, позволяющего получить представление об основных тенденциях развития интересующего процесса, что в равной степени относится и к рассматриваемому нами институту уголовного права. Уголовно-правовая регламентация института мер воздействия, не связанных с уголовной ответственностью, имеет достаточно продолжительную историю в отечественном законодательстве.

Первое упоминание о «бесных» людях, то есть сумасшедших, и о мерах, применяемых к ним, относится к 911 году. В соответствии с Уставом князя Владимира Святославича «для изгнания бесовства» их помещали в монастырь**. Данный факт

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федеральному закону «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 153-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля. N 165.

** Устав князя Владимира Святославича // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 137-162.

свидетельствует лишь о том, что в рассматриваемый период душевнобольных лиц ввиду их общественной опасности старались изолировать от социума. Лица, относящиеся к указанной категории, могли быть не причастны к совершению уголовно наказуемого деяния, и в отношении их не было закреплено каких-либо мер, цель которых заключалась бы в излечении и возвращении их в общество.

Длительное время в отечественной истории государства отсутствует не только официальное закрепление мер, применяемых к несовершеннолетним и душевнобольным, но и упоминание о них. Лишь в 1649 г. Соборное уложение впервые закрепило условия освобождения от уголовной ответственности как невменяемых, так и несовершеннолетних лиц. Положение гласит, что от уголовной ответственности освобождаются отроки от 7 лет и «бесные». Несовершеннолетние лица, свыше 7 лет, совершившие уголовно наказуемое деяние, подлежали уголовному преследованию [4, с. 338]. Данный факт, бесспорно, является большим шагом в эволюции института иных мер уголовно-правового характера. Однако, закрепив данные условия, свод законов Русского царства также не предусматривал меры уголовно-правового воздействия в отношении указанных категорий лиц.

Данные меры не были предусмотрены и в период правления Петра I, а возраст лица, совершившего общественно опасное деяние, при уголовном вменении вовсе не был четко определен. Артикул воинский гласит, что «наказание воровства обыкновенно умалывается или весьма ослабляется, ежели вор будет младенец, которых заранее надо от сего отучить и которые могут быть наказаны лозами от своих родителей». В этом же толковании к Артикулу воинскому Петр I относительно кражи дает положение об «умалении» или полном освобождении от наказания, «если кто в лишении ума воровство учинит» [4, с. 364].

Инициатива Петра I о необходимости учреждения смирительных домов для здоровых несовершеннолетних преступников и невменяемых лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние (1721 г.), а также повеление в 1722 г. всех душевно-

больных преступников содержать в монастырях* успехом не увенчались.

Ясность в отечественном законодательстве относительно возраста несовершеннолетних, с которого начинается уголовная ответственность, а также мер, применяемых к ним, была внесена при Екатерине II в 1765 г. В соответствии с ее указом над лицами 14-17 лет чинилось наказание плетьюми, от 10 до 15 лет – розгами. Лица, не достигшие 10-летнего возраста, не подлежали уголовной ответственности, однако к ним применялось уголовно-правовое воздействие в форме отдачи для наказания «отцам и матерям»**. Более того, данный возрастной порог относительно несовершеннолетних оставался неизменным вплоть до 1917 г., а все последующие нормативные акты развивали и дополняли это положение. В 1775 г. в соответствии с Наказом Екатерины II были учреждены смирительные дома для душевнобольных преступников***, однако по-прежнему отсутствовал перечень мер, подлежащих применению в отношении лиц рассматриваемой категории.

Официальное закрепление определенных мер медицинского и воспитательного характера, применяемых к соответствующим категориям лиц, и своего рода историческая точка отсчета функционирования института иных мер уголовно-правового воздействия, не связанных с уголовной ответственностью, относится к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1845, 1885 и 1903 гг.). Так, совершившие преступление или проступок лица, которые являются «безумными от рождения или сумасшедшими», заключаются для содержания и ле-

* Регламент или Устав главного магистрата 1721 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. VI. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 301-302.

** О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними и о различии наказания по степени возраста преступников: указ Екатерины II от 26 июня 1765 г. // Там же. Т. XII. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1837. С. 175.

*** Екатерининский «Наказ». Законодательство Екатерины II // Уголовное право. Общая часть. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 50-51.

чения в дом умалишенных на срок 2 года (приложение IV к ст. 95)*. В статье 96 в отношении «больных в точно доказанном припадке умоисступления или совершенного беспамьятства» уголовно-правовое воздействие реализуется в форме иных мер, отличных от наказания: они «отдаются вместо дома умалишенных на попечение родителям, родственникам, опекунам или, с согласия их, посторонним лицам». Дети в возрасте от 7 до 10 лет не подлежали наказанию вообще, а отдавались «родителям или благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и наставления, между прочим, и через духовника их или другого священнослужителя».

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. подобным образом закрепили меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью, в отношении рассматриваемых нами категорий лиц: несовершеннолетние до 14 лет, 14-18 лет не подлежали суду и наказанию, к ним применялись лишь воспитательные меры (ст. 13), к лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние в состоянии душевной болезни, применялись лечебные меры и меры предосторожности**.

В Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. рассматриваемый институт был включен под названием «другие меры социальной защиты» и подразумевал помещение в учреждение для умственно или морально дефективных; принудительное лечение; воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; удаление из определенной местности. Относительно несовершеннолетних (лица от 14 до 16 лет) в статье 18 предусматривались меры медико-педагогического воздействия***.

* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Изд. А.С. Таганцевым. СПб., 1909. С. 126-128.

** Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. С. 60.

*** Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Там же. С. 121, 118.

В статье 24 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. в отношении невменяемых лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, закреплены «меры социальной защиты медицинского характера», которые включили в себя: принудительное лечение; помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией, а в статье 25 относительно несовершеннолетних установлены меры социальной защиты медико-педагогического характера: отдача несовершеннолетнего на попечение родителей, родственников, если таковые имеют возможность его содержать, или иных лиц и учреждений; помещение в специальное лечебно-воспитательное заведение****.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. принудительным мерам медицинского и воспитательного характера посвящена отдельная глава (6), благодаря чему они были отделены от мер, связанных с уголовной ответственностью, и получили иной, самостоятельный статус. В статье 62 УК РСФСР к мерам медицинского характера были отнесены помещение в психиатрическую больницу с обычным наблюдением; помещение в психиатрическую больницу с усиленным наблюдением; помещение в психиатрическую больницу со строгим наблюдением, а в ст. 63 закреплены меры воспитательного воздействия*****.

Проведенный ретроспективный анализ показал, что институт мер, не связанных с уголовной ответственностью, на разных этапах становления и развития государства претерпевал некоторые изменения, касавшиеся как его содержания, предназначения, закрепления, так и правовой природы.

При изучении данного вопроса интересен зарубежный опыт. Например, согласно УК Швейцарии уголовно-правовое воздействие подразделяется на наказания, меры безопасности и другие меры (третий раздел)***** , тем самым данные институты

**** Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. // Там же. С. 66-67.

***** Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. // Уголовное законодательство Союза ССР и Союзных республик. Т. 1. М.: Гос. изд-во юрид. лит. 1963. С. 90-92, 104-106.

***** Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 86.

не разграничиваются. В статье 43 закреплены меры, применяемые к душевнобольным: помещение больного в лечебное учреждение или приют, интернирование, амбулаторное лечение. Отдельный, отличный от рассматриваемого, четвертый раздел УК посвящен несовершеннолетним. В нем, в свою очередь, осуществлено деление мер, применяемых к несовершеннолетним, в соответствии с возрастными группами последних: дети (7-15 лет, первая глава УК) могут быть помещены в подходящую семью или в воспитательное учреждение; подростки (15-18 лет, вторая глава УК), которым, помимо этого, может быть назначено заключение под стражу на срок до 14 дней или штраф.

УК ФРГ проводит границу между институтами уголовно-правового воздействия. В главе 6 закреплены меры исправления и безопасности*, что свидетельствует о самостоятельности последнего и его отличии от наказания. Под мерами исправления и безопасности в соответствии с уголовным законом ФРГ понимается помещение в психиатрическую больницу, помещение в учреждение изоляции для алкоголиков и наркоманов, превентивное заключение, установление надзора, лишение разрешения управлять автотранспортным средством, запрет на профессию.

Во втором разделе Уголовного кодекса Голландии закреплено «наказание», а меры медицинского и воспитательного характера не образуют отдельный самостоятельный институт, им лишь отведены главы в рассматриваемом разделе**.

Таким образом, меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью, присущи законодательству зарубежных стран, однако их место в уголовном законе, обособленность от наказания, самостоятельность в каждом государстве носят индивидуальный характер.

* Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. и вступ. ст. Д.А. Шестакова; предисл. Г.Г. Йешека; пер. с нем. Н.С. Рачковой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 171.

** Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. С. 41.

По мнению Т.А. Санайлова, иные меры уголовно-правового характера не должны противопоставляться наказанию. Более того, в рамках его исследования рассматриваемые меры тождественны и дополняют друг друга [5, с. 125]. С данной точкой зрения сложно согласиться, так как в соответствии с законами логики деление объема понятия на «основные» и «иные» подразумевает, что все имеющиеся объекты (меры) должны быть отнесены либо к основному (наказанию), либо к иным. Таким образом, термин «иные меры уголовно-правового характера» противопоставляется наказанию и должен включать в себя все меры уголовно-правового характера, не являющиеся наказанием, применение которых, однако, регулируется уголовным законодательством [6, с. 19]. Наказание — это приоритетная форма реализации уголовной ответственности, что характеризует последнюю как понятие более широкое в отличие от института наказания, включающее в себя, помимо его, и другие меры государственного принуждения. Соответственно, институт иных мер уголовно-правового характера должен состоять из мер, не связанных с уголовной ответственностью.

Вопрос о разграничении наказания и иных мер уголовно-правового характера известен доктрине уголовного права достаточно давно. Так, профессор А.А. Жиженко сводит отличия мер социальной защиты от наказания к пяти категориям: 1) различие по цели; 2) по внешнему выражению; 3) по основанию применения; 4) по его масштабу; 5) по внутреннему содержанию [см.: 7, с. 12].

О существующей границе между институтом наказания и иными мерами уголовно-правового характера свидетельствуют Руководящие начала по уголовному праву СССР 1919 г. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. законодатель стирает грань между рассматриваемыми институтами, закрепляя их в качестве одного общего уголовно-правового воздействия — «наказание и другие меры социальной защиты». Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. содержал самостоятельные главы о наказании (4) и о принудительных мерах воспитательного и медицинского характера (6), тем самым относил последние к иным, не связанным с уголовной ответственностью мерам [8, с. 105-106].

Принудительные меры медицинского характера не рассматриваются в теории уголовного права как форма реализации уголовной ответственности и вообще как меры, связанные с ней, поскольку они применяются не за совершение преступления, а в связи с его совершением. В ходе производства по уголовному делу лица, подлежащие уголовно-правовому воздействию, реализуемому в качестве указанных мер, испытывают определенные лишения и правоограничения, однако по состоянию здоровья они не способны в полной мере осознавать и воспринимать данные негативные последствия своего поведения [9, с. 74-75]. Подтверждение данной точки зрения присутствует в трудах Э.Я. Немировского, который считает грубейшей ошибкой отнесение лиц, признанных невменяемыми, к категории преступников, так как уголовно-правовой запрет и его санкция могут быть адресованы лишь к тем, кто способен их понять и им следовать [7, с. 26]. В связи с изложенным можно констатировать в таких случаях факт отсутствия субъективного аспекта уголовной ответственности и, следовательно, самой уголовной ответственности.

В доктрине уголовного права существует позиция, в соответствии с которой одну из мер принудительного медицинского характера относят к мере, непосредственно связанной с уголовной ответственностью. Речь идет о мере, сопряженной с наказанием и применяемой к ограниченно вменяемым лицам, совершившим уголовно наказуемое деяние [10, с. 46]. Данная точка зрения является относительно верной, так как, действительно, в этом случае мера медицинского характера приравнивается к наказанию, его целям, основаниям применения и т.д. Оспорить данную позицию можно доводом о том, что правовая природа принудительных мер уголовно-правового воздействия, применяемых к невменяемым лицам, как и института иных мер уголовно-правового характера в целом, отлична от правовой природы наказания, преследует другие цели и задачи.

Применение принудительных мер воспитательного характера (ч. 2 ст. 90, ст. 91 УК РФ) к несовершеннолетнему лицу, совершившему уголовно наказуемое

деяние, возможно только в случае его освобождения от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК РФ) или от наказания (ч. 1 ст. 92 УК РФ) [9, с. 75]. Последнее не исключает привлечение лица к уголовной ответственности. Более того, оно возможно только после вынесения обвинительного приговора суда, а отрицательная оценка деяния и лица, его совершившего, которая содержится в нем, сама по себе уже является формой реализации уголовной ответственности. Освобождение же несовершеннолетнего лица от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного характера есть иная, отличная от наказания, мера уголовно-правового характера.

Таким образом, принудительные меры воспитательного воздействия, как и принудительные меры медицинского характера, нельзя признать разновидностью привлечения лица к уголовной ответственности или исполнения наказания по обвинительному приговору суда.

Конфискация как мера уголовно-правового воздействия известна доктрине уголовного права достаточно давно. При исследовании вопроса о ретроспективе иных мер уголовно-правового характера Т.А. Санаилов рассматривает конфискацию имущества как иную меру уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, которая нашла свое отражение еще в Русской Правде в виде «потока и разграбления» [5, с. 125]. Действительно, М.Н. Тихомиров под потоком понимает разные виды расправы, в первую очередь конфискацию имущества и ссылку [11, с. 93]. Однако следует заметить, что конфискация имущества, упоминаемая в Русской Правде, — это исключительно вид наказания, применяемого за убийство «в разбое» (ст. 7)* и за поджог гумна или двора (ст. 83)**; а не иная мера уголовно-правового характера.

Московскому государству также был известен рассматриваемый вид наказа-

* Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X-XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 87.

** Русская Правда. Краткая редакция // Там же. С. 112.

ния — «взять на государя». Конфискация имущества совмещалась со ссылкой и другими наказаниями, а самостоятельное ее применение было ничтожно [4, с. 359]. Судебники 1497 г. (ст.ст. 8, 11, 39)* и 1550 г. (ст. 60)**, Соборное уложение (II, 5, 9; VII, 20 и др.)*** и другие памятники русского права аналогично закрепляли конфискацию имущества как вид наказания. В советском уголовном праве она занимала важнейшее место в системе мер наказания и применялась в качестве как основного, так и дополнительного наказания.

Последнее законодательное закрепление конфискации имущества как вида наказания известно УК РФ редакции 2003 г. Под конфискацией имущества понималось принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного. Однако 8 декабря 2003 г. указанный вид наказания в соответствии с Федеральным законом N 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»**** был исключен.

«Возвращение» рассматриваемого наказания в УК РФ состоялось 27 июля 2006 г., но в качестве иной меры уголовно-правового характера, и именно эта дата является исторической для данного института*****. Таким образом, действующие в настоящее время нормы о конфискации имущества аналогичны нормам о «специальной конфискации», которая в

свое время была закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, а в настоящее время ее положения отражены в ст. 81 УПК РФ. В связи с этим целесообразность закрепления в УК РФ конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера вызывает сомнения.

Конфискация имущества по своей природе является именно наказанием: применяется в рамках уголовной ответственности за совершенное преступление в целях, определенных ч. 2 ст. 43 УК РФ, и на основании общих и специальных правил назначения наказания. Все возможные дискуссии об отличии конфискации имущества от уголовного наказания беспочвенны. Кроме того, нет теоретических оснований рассматривать конфискацию имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера [12, с. 15].

Более того, конфискация имущества как мера уголовно-правового воздействия, непосредственно связанная с уголовной ответственностью, по своей тяжести и правовой природе имеет карательный характер, который присущ исключительно наказанию, но не иным мерам уголовно-правового характера.

Подобным образом введение судебного штрафа не только не соответствует юридической природе института иных мер уголовно-правового характера, но и окончательно стирает грань, разделяющую наказание и данные меры [13, с. 360].

Итак, действительно существует категория мер уголовно-правового воздействия, не содержащих элемента осуждения, неодобрения, не связанных непосредственно с совершением преступления и с уголовной ответственностью.

Цели уголовной ответственности и связанных с ней других мер государственного принуждения заключаются в исправлении осужденного, восстановлении социальной справедливости и предупреждении совершения новых преступлений. Цель же иных мер уголовно-правового характера может заключаться в оказании лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, медицинской помощи, излечении; изоляции, если данное лицо представляет общественную опасность для окружающих; моральном исправлении; воспитании, опеке и обучении в отношении

* Судебник 1497 года // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 54-62.

** Судебник 1550 года // Там же. С. 97-120.

*** Соборное уложение 1649 г. // Там же. Т. 3. М., 1985. С. 85-86.

**** О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. N 162-ФЗ: ред. от 7 дек. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 50. Ст. 4848; 2011. N 50. Ст. 7362.

***** См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерально-го закона «О противодействии терроризму»: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 153-ФЗ.

несовершеннолетнего. Таким образом, наличие карательной составляющей не свойственно иным мерам уголовно-правового характера. Более того, в иных мерах уголовно-правового характера отсутствует признак воздаяния и отрицательной оценки личности.

В отличие от мер, связанных с уголовной ответственностью, назначение иных мер уголовно-правового характера не порождает судимости. Более того, иные меры уголовно-правового характера могут назначаться самостоятельно, то есть не в сочетании с наказанием. Основанием для применения иных мер уголовно-правового характера является особое состояние лица (невменяемость, несовершеннолетие), а не виновное деяние. Как справедливо заметил А.А. Жиженко, «меры защиты обращены к будущему преступника, наказание — к прошлому» [см.: 7, с. 14].

Таким образом, под иными мерами уголовно-правового характера следует понимать не связанные с уголовной ответственностью самостоятельные меры уголовно-правового воздействия, состоящие в возложении на лицо, совершившее общественно опасное деяние, определенных лишений и ограничений, не порождающих правовых последствий судимости.

К признакам иных мер уголовно-правового характера необходимо отнести:

1) назначение в связи с совершением общественно опасного деяния; 2) отсутствие порицания, кары; 3) реализацию вне рамок уголовной ответственности; 5) самостоятельное назначение.

Исходя из вышеизложенного считаем целесообразным и обоснованным:

1) исключить конфискацию имущества и судебный штраф из раздела VI УК РФ («Иные меры уголовно-правового характера»). Дополнить настоящий раздел положением о принудительных мерах воспитательного характера и представить его в следующей редакции:

«Раздел VI. Иные меры уголовно-правового характера

Глава 15. Принудительные меры медицинского характера...

Глава 15.1. Принудительные меры воспитательного характера

Статья 104.1. Применение принудительных мер воспитательного воздействия

Статья 104.2. Содержание принудительных мер воспитательного воздействия»;

2) конфискации имущества вернуть статус дополнительного уголовного наказания, то есть включить предусматривающие ее нормы в главу 9 УК РФ («Понятие и цели наказания. Виды наказаний») и изложить в соответствующей редакции и с соответствующим определением понятия и механизма реализации.

Список литературы

1. Курганов С.И. Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. N 2. С. 59-63.
2. Хачиян В.Н. Иные меры уголовно-правового характера // Российский судья. 2009. N 9. С. 31-34.
3. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рапога. М., 2006. 480 с.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. 700 с.
5. Санайлов Т.А. Иные меры уголовно-правового характера: к вопросу становления правовых мер принуждения // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2013. N 1. С. 120-127.
6. Безбородов Д.А., Зарубин А.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки, виды: учеб. пособие. СПб., 2015. 80 с.
7. Немировский Э.Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. Петроград, 1916. 50 с.
8. Уголовное законодательство Союза ССР и Союзных республик: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. сб. Ф.И. Калинычев. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. 628 с.
9. Лапшин В.Ф. Природа иных мер уголовно-правового характера и конфискации имущества // Вестник Вологодского института: преступление, наказание, исправление. 2007. N 1. С. 74-75.
10. Якушин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия: монография. Тольятти, 2018. 337 с.
11. Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1953. 190 с.
12. Кубов Р.Х. Виды конфискации имущества в российском законодательстве // Российский следователь. 2007. N 24. С. 13-16.
13. Чемеринский К.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера: новое направление уголовной политики // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2016. С. 256-360.

14. Корнеев С.А. Институт иных мер уголовно-правового характера в уголовном законодательстве РФ // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. N 1А. С. 174-180.

References

1. Kurganov S.I. Mery` ugovolno-pravovogo haraktera [Measures of a criminal legal nature] Ugolovnoe parvo – Criminal law, 2007, no. 2, pp. 59-63
2. Hachiyan V.N. Inye mery ugovolno-pravovogo haraktera [Other measures of a criminal law nature]. Rossiyskiy sud'ya – Russian judge, 2009, no. 9, pp. 31-34.
3. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya [The criminal law of Russia. Parts General and Special]. Moscow, 2006. 480 p.
4. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Overview of the history of Russian law]. Kiev, 1915. 700 c.
5. Sanaylov T.A. Inye mery ugovolno-pravovogo haraktera: k voprosu stanovleniya pravovyh mer prinuzhdeniya [Other measures of a criminal law nature: on the issue of establishing legal measures of coercion]. Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii – Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2013, no. 1. Pp. 120-127.
6. Bezborodov D.A., Zarubin A.V. Iny`e mery` ugovolno-pravovogo haraktera: ponyatie, priznaki, vidy [Other measures of a criminal legal nature: concept, signs, types]. St. Petersburg, 2015. 80 p.
7. Nemirovskiy E.Ya. Mery sotsial'noy zashchity i nakazanie v svyazi s sushchnost'yu viny [Social protection measures and punishment in connection with the essence of guilt]. Petrograd, 1916. 50 p.
8. Ugolovnoe zakonodatel'stvo Soyuza SSR i Soyuznyh respublik. V 2 t. T. 1 [The criminal legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics. In 2 volumes. Volume 1]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1963. 628 p.
9. Lapshin V.F. Priroda inyh mer ugovolno-pravovogo haraktera i konfiskatsii imushchestva [The nature of other measures of a criminal law nature and confiscation of property]. Vestnik Vologodskogo instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Vologda Institute: crime, punishment, correction, 2007, no. 1, pp. 74-75.
10. Yakushin V.A. Nakazanie i inye mery ugovolno-pravovogo vozdeystviya [Punishment and other measures of criminal law influence]. Tolyatti, 2018. 337 p.
11. Tihomirov M.N. Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy [A manual for studying Russian Truth]. Moscow, Moscow University Press, 1953. 190 p.
12. Kubov R.H. Vidy konfiskatsii imushchestva v rossiyskom zakonodatel'stve [Types of confiscation of property in Russian law]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2007, no. 24, pp. 13-16.
13. Chemerinskiy K.V. Sudebniy shtraf kak inaya mera ugovolno-pravovogo haraktera: novoe napravlenie ugovolnoy politiki [Judicial fine as another measure of a criminal-legal nature: a new direction of criminal policy]. Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeystviya prestupnosti [Criminal policy and the culture of combating crime]. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. Pp. 256-360.
14. Korneev S.A. Institut inyh mer ugovolno-pravovogo haraktera v ugovolnomy zakonodatel'stve RF [The Institute of other measures of a criminal legal nature in the criminal legislation of the Russian Federation]. Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava – Questions of Russian and international law, 2019, vol. 9, no. 1A, pp. 174-180.

Раздел 5. Пенитенциарная система

ПЕТРОВ В.В., PETROV V.V.,
кандидат юридических наук, доцент, Candidate of Legal Sciences,
v.v.petrov@utmn.ru associate professor,
v.v.petrov@utmn.ru
Кафедра уголовного права и процесса; Chair of criminal law and procedure;
Тюменский государственный университет, Tyumen State University,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38 Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

УЧРЕЖДЕНИЯ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Проблемы правильного употребления терминов при подготовке нормативных правовых актов актуальны для различных отраслей права. В статье данные проблемы рассмотрены на примере регламентации системы учреждений, реализующих изоляцию от общества. По мнению автора статьи, параллельное существование в законах различных терминов, обозначающих одно и то же понятие, недопустимо, поскольку это негативно влияет на толкование правовых норм и их применение. Сложившаяся ситуация объясняется тем, что проекты нормативных правовых актов разрабатывались в разное время. При этом разработчиками проектов не всегда производилось сопоставление используемых ими понятий с терминологией действующих законов. В связи с этим в статье поставлен вопрос о необходимости унификации терминологии уголовно-исполнительного законодательства. В частности, вместо трех терминов — «учреждения и органы, исполняющие наказания в виде лишения свободы», «места лишения свободы» и «исправительные учреждения» предлагается оставить один — «исправительные учреждения».

Ключевые слова: нормативный правовой акт; толкование нормы права; текст; термин; уголовно-исполнительная система; исполнение наказания; изоляция от общества.

INSTITUTIONS EXECUTING ISOLATION FROM SOCIETY: TERMINOLOGY ISSUES

Annotation. The problems of the correct use of terms when making normative legal acts are topical for various branches of law. In this article these problems are considered on the example of regulating the system of institutions that implement isolation from the society. According to the author of the article's opinion, simultaneous existence of different terms denoting the same concept in the same laws is unacceptable, since it negatively affects the interpretation of legal norms and their application. The current situation is explained by the fact that the draft regulatory legal acts were developed at different time. At the same time, the draft lawmakers did not always compare the concepts used by them with the terminology of the existing laws. In this regard, the need to unify the terminology of penal legislation is substantiated in the article. In particular, instead of using three terms — "institutions and bodies executing punishment in the form of deprivation of liberty", "places of deprivation of liberty" and "correctional institutions", it is proposed to leave only one — "correctional institutions".

Keywords: normative legal act; interpretation of the rule of law; text; term; penal system; execution of punishment; isolation from society.institutions and bodies; isolation from society.

Ранее существовавший образовательный стандарт по специальности «юриспруденция» включал в число требований к выпускнику способность толковать и применять нормы права. В действующем Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 — Юриспруден-

ция (уровень бакалавриата) данное умение замыкает перечень компетенций юриста.

Толкование — крайне важный элемент в деятельности юриста. Мало просто понять, что имел в виду законодатель, создавая ту или иную норму, необходимо увидеть, как данная норма «работает» в конкретной ситуации.

Любой юридический документ — это прежде всего текст. И.Р. Гальперину принадлежит следующее определение понятия «текст»: «это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективизированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, логической, стилистической связей, имеющее определенную целенаправленную и прагматическую установку» [1, с. 18]. Исходя из данного определения, анализ текста правовой нормы следует начинать с его грамматического толкования. При этом действует презумпция, согласно которой законодатель владеет родным языком в совершенстве. Однако и большинство правоприменителей не обращает достаточного внимания на этот способ толкования. Подразумевается, что правила русского языка заложены в нас на уровне подсознания и реализуются «по умолчанию».

Несмотря на большую значимость толкования нормы на стадии ее применения, это, если можно так сказать, толкование вторичное. Первичным является толкование нормы на стадии ее создания. Здесь так же важны (или даже более важны) правильное употребление грамматических форм, согласование слов в предложении, расстановка знаков препинания, употребление терминов. Использование терминологии требует крайне уважительного к себе отношения. За термином стоит понятие, за понятием — явление.

В свое время К.И. Чуковский ввел в оборот термин «канцелярит», обозначающий канцелярско-бюрократический стиль речи. Он употреблял этот термин с негативным оттенком, критиковал его проникновение не только в разговорную речь, но и в литературный язык. Однако применительно к тексту официального документа (каковым является и текст любого нормативного акта) данный стиль не только допустим, но и рекомендован [2, с. 234-244]. Здесь также существуют определенные правила, которые, к сожалению, не всегда соблюдаются. К таковым относится, в частности, требование конкретности и ясности

изложенного текста, что определяет однозначность его понимания [3, с. 118]. Большое влияние на это оказывает правильное использование специальных терминов. «Юридические термины — составная часть законодательной работы. Термины экономят язык нормативного акта, они удобны для оперирования в практике, информативны для сведущих, ибо представляют собой сжатое и концентрированное знание, замену многочисленным и разрозненным аспектам определяемых правовых явлений действительности обобщениями» [4, с. 221].

Редким разнообразием терминологии отличается сфера применения изоляции человека от общества по различным основаниям. Изоляция от общества чаще всего реализуется учреждениями Федеральной службы исполнения наказаний, называемыми также учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Впервые понятие «уголовно-исполнительная система» было использовано в Законе Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее — Закон от 21 июля 1993 г.). В преамбуле к нему подчеркивается: «Настоящий закон определяет основы деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и составляющих единую уголовно-исполнительную систему»*.

Термин «уголовно-исполнительная система», содержащийся в Законе от 21 июля 1993 г., имел гораздо более узкое значение, чем предполагалось изначально. Он не охватывал всех учреждений, исполнявших все существовавшие на тот момент уголовные наказания. Данным термином были обозначены лишь учреждения и органы, традиционно называемые пенитенциарными. Исходя из этого, в ст. 2 Закона от 21 июля 1993 г. были определены и задачи уголовно-исполнительной системы, а именно:

* Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. N 33. Ст. 1316.

1) исполнение уголовных наказаний в виде лишения свободы, а также исключительной меры наказания;

2) обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, безопасности содержащихся в них осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на территориях этих учреждений;

3) привлечение осужденных к труду, а также обеспечение их общего и профессионального образования и профессионального обучения;

4) обеспечение охраны здоровья осужденных;

5) содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Федеральным законом от 20 июня 2000 г. N 83-ФЗ в данный перечень были добавлены еще два пункта*:

6) конвоирование осужденных и лиц, заключенных под стражу, по плановым маршрутам;

7) конвоирование граждан Российской Федерации и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации, а также конвоирование иностранных граждан и лиц без гражданства в случае их экстрадиции при выполнении международных обязательств Российской Федерации.

Кроме того, определялось, что иные задачи могут быть возложены на уголовно-исполнительную систему только законом, каковым явился вступивший в силу 1 июля 1997 г. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. В соответствии со ст. 16 УИК РФ в первоначальной редакции «наказания в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы и смертной казни исполняются учреждениями уголовно-исполнительной системы». Таким образом, к ранее перечисленным добавилась задача исполнения еще двух видов уголовных наказаний. С учетом того, что на

* О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации» и Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: федер. закон от 20 июня 2000 г. N 83-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. N 26. Ст. 2730.

момент принятия Закона от 21 июля 1993 г. их вовсе не существовало, можно сказать, что ничего принципиально нового к задачам уголовно-исполнительной системы добавлено не было. Как и ранее, она была призвана исполнять отдельные виды уголовных наказаний, в основном связанных с изоляцией осужденного от общества.

В 1998 году уголовно-исполнительная система была передана из Министерства внутренних дел Российской Федерации в структуру Минюста России. В 2004 году была создана Федеральная служба исполнения наказаний. В связи с этим приведенная выше ст. 2 была исключена из текста Закона от 21 июля 1993 г. Задачи ФСИН России были сформулированы в Положении о Федеральной службе исполнения наказаний**.

Понятия «уголовно-исполнительная система» и «учреждения и органы, исполняющие наказания» не совпадают по объему. Вторым термином, наряду с учреждениями уголовно-исполнительной системы, охватывается ряд учреждений, исполняющих уголовные наказания, но организационно не входящих в систему ФСИН России (суд, судебные приставы-исполнители, командование воинских частей и военная полиция). Кроме того, следует обратить внимание на то, что не во всех учреждениях уголовно-исполнительной системы исполнение наказаний предполагает изоляцию человека от общества. В качестве примера можно привести уголовно-исполнительные инспекции и исправительные центры (насчет последних можно было бы по дискутировать) [см. подробнее: 5, с. 54-56]. Однако эти учреждения и соответствующие им виды наказаний не входят в предмет рассмотрения данной статьи.

Ранее в теории исправительно-трудового права эти вопросы решались следующим образом. Выделялись два несовпадающих понятия: «места лишения свободы» и «исправительно-трудовые учреждения». При этом, с одной стороны, всякое исправительно-трудовое учреждение, будь то исправительно-трудовая колония любого

** Положение о Федеральной службе исполнения наказаний: утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 окт. 2004 г. N 1314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 42. Ст. 4109.

вида, тюрьма или воспитательно-трудовая колония, являлось местом лишения свободы. С другой стороны, такие места лишения свободы, как следственный изолятор, изолятор временного содержания, гауптвахта, и ряд других исправительно-трудовыми учреждениями не были [см., например: 6, с. 37-38; 7, с. 80-81].

В действующем законодательстве для обозначения различных групп учреждений, исполняющих меры пресечения и уголовные наказания, используется целый ряд терминов:

– учреждения и органы, исполняющие наказания в виде лишения свободы (Закон от 21 июля 1993 г.);

– исправительные учреждения (УИК РФ);

– места лишения свободы (УК РФ);

– места содержания под стражей (Федеральный закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»*, УК РФ);

– учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества (УК РФ);

– учреждения уголовно-исполнительной системы (УИК РФ);

– учреждения и органы, исполняющие наказания (УИК РФ);

– места принудительного содержания (Федеральный закон от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»**).

В Законе от 21 июля 1993 г. не раскрывалось понятие «учреждения и органы, исполняющие наказания в виде лишения свободы». Статья 6 этого Закона отсылала к действовавшему в тот момент Исправи-

тельно-трудовому кодексу РСФСР, который, в свою очередь, относил к данным учреждениям исправительно-трудовые колонии, тюрьмы и воспитательно-трудовые колонии (ст. 12 ИТК РСФСР). В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации используется аналогичный по содержанию термин – «исправительные учреждения». Кроме уже упомянутых исправительных, воспитательных колоний и тюрем оно включает лечебные исправительные учреждения (ст. 74 УИК РФ).

Исправительные учреждения охватываются более широким понятием «учреждения уголовно-исполнительной системы». Статья 16 УИК РФ к этой категории относит также исправительные центры и уголовно-исполнительные инспекции, но они, как уже было отмечено, не рассматриваются, так как реализуют меры принуждения, не связанные с изоляцией от общества.

К этим же учреждениям отнесены арестные дома. Первоначально регламентация исполнения наказания в этих новых учреждениях была дана в Федеральном законе от 15 декабря 1996 г. N 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации». Согласно этому закону арестный дом был отнесен к исправительным учреждениям. В УИК РФ арестные дома выделены в самостоятельный вид учреждений уголовно-исполнительной системы. В соответствии с УК РФ в арестных домах осужденные должны содержаться в условиях строгой изоляции. Однако указанные учреждения до сих пор не созданы. По этой причине данный вид наказания не назначается и, соответственно, не исполняется.

Анализ нормативного материала позволяет предположить, что развитие законодательства пошло по пути употребления терминов «места лишения свободы» и «места содержания под стражей» с четким соотношением с соответствующим видом уголовного наказания и мерой пресечения. В таком случае под местами лишения свободы (термин, используемый в УК РФ) необходимо понимать только учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы (термин, содержащийся в Законе от 21 июля 1993 г.). Эти последние два

* О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 29. Ст. 2759.

** Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федер. закон от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. N 24. Ст. 2789.

определения фактически полностью совпадают с термином «исправительные учреждения», употребляемым в УИК РФ.

Исходя из такой трактовки, местами содержания под стражей признаются любые учреждения, призванные исполнять данную меру пресечения. Статья 7 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» относит к ним:

- следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы;

- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;

- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых Пограничных войск Федеральной службы безопасности.

Далее следует оговорка: «...в случаях, предусмотренных... Федеральным законом, местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых могут являться учреждения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы, и гауптвахты»*. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет о функции, этим учреждениям не присущей [см. подробнее: 8, с. 54-56].

Такая категория, как «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества», впервые появилась в УК РФ, статьей 321 которого установлена ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности данных учреждений. Действовавшая до этого норма — ст. 77-1 УК РСФСР предусматривала лишь ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений. Аналогичные действия, совершаемые в местах заключения, не являвшихся исправительно-трудовыми учреждениями, под действие данной статьи не попадали. Теперь же в качестве дополнительного объекта

преступления рассматривается как личность сотрудника места лишения свободы, так и личность сотрудника места содержания под стражей. Таким образом, понятие «учреждения, обеспечивающие изоляцию от общества» охватывает два более узких понятия — «места лишения свободы» и «места содержания под стражей». Полагаем, что это не вполне правильно, так как изоляция от общества исполняется еще целым рядом учреждений, которые не имелись в виду при создании данной нормы уголовного закона.

Довольно широким является понятие «учреждения и органы, исполняющие наказания». В соответствии со ст. 16 УИК РФ к ним относятся абсолютно все государственные учреждения, исполняющие любые из существующих уголовных наказаний.

Еще более широким и не совпадающим с предыдущим является понятие «места принудительного содержания». Федеральным законом от 10 июня 2008 г. N 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» в него включены все виды учреждений, так или иначе осуществляющих изоляцию человека от общества по различным основаниям, а именно:

- места отбывания административного задержания и административного ареста;

- места отбывания дисциплинарного ареста;

- места содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых (следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел и пограничных органов федеральной службы безопасности);

- учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовные наказания в виде лишения свободы; дисциплинарные воинские части;

- гауптвахты;

- центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел;

- учебно-воспитательные учреждения закрытого типа;

* См. также: О временных следственных изоляторах, расположенных на территории исправительно-трудовых колоний, для содержания осужденных, в отношении которых приговоры не вступили в законную силу: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 21 янв. 1993 г. N 4329-1 // Рос. газ. 1993. 2 февр.

– специальные учреждения федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или его территориального органа, предназначенные для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации или депортации, либо иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих передаче Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, или иностранных граждан и лиц без гражданства, принятых Российской Федерацией от иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации;

– судебно-психиатрические экспертные медицинские организации;

– медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа, специализированного типа или специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Обилие терминов объясняется тем, что проекты нормативных правовых актов разрабатывались в разное время и разными рабочими группами. Причем не всеми из этих разработчиков было осуществлено соотнесение используемой ими терминологии с терминологией уже существующих документов. Параллельное существование в тексте законов различных терминов, обозначающих одно и то же понятие, не может считаться нормальным. Наличие устоявшейся терминологии должно, как уже было отмечено, не только соответствовать принципу экономии языка, но и способствовать ясности изложения воли законодателя, однозначному ее пониманию и, как следствие, единообразному толкованию и применению. Однако следует констатировать, что это не так. И если можно принять

наличие терминов, обозначающих понятия близкие, но не совпадающие, или частично пересекающиеся, то наличие полных синонимов вызывает вопросы.

Синонимия – явление нормальное для любого языка, но возможность ее присутствия в текстах, функционально различающихся, также различна. На наш взгляд, синонимы в принципе не должны присутствовать в тексте нормативных правовых актов.

Традиционно в языке выделяют три основные функции синонимов:

– функция замещения, связанная со стремлением избежать нежелательных повторений одних и тех же лексических единиц;

– функция уточнения, связанная с желанием более четко передать мысль;

– функция экспрессивно-стилистическая, связанная с выражением многообразных оценок [9, с. 6].

Ни одна из обозначенных функций не может быть применена к тексту нормативных актов.

Назрела необходимость унификации используемой терминологии. Например, вместо трех терминов – «учреждения и органы, исполняющие наказания в виде лишения свободы», «места лишения свободы» и «исправительные учреждения» – можно оставить один – «исправительные учреждения». Представляется целесообразным вообще отказаться от использования в законодательстве термина «места», который широко использовался в официальных документах дореволюционной России и обозначал разновидность государственных организаций (присутственные места). В современном русском языке в этом смысле употребляется слово «учреждения». Возможным вариантом наименования мест заключения под стражу могли бы стать «учреждения, исполняющие меру пресечения в виде заключения под стражу» или «учреждения, исполняющие заключение под стражу».

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
2. Делопроизводство в системе государственного управления: учеб.-практ. пособие / В.М. Анисимов [и др.]. М.: Изд-во РАГС, 2001. 373 с.
3. Борискин В.В. Языковые особенности официальных документов // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2003. N 10. С. 115-128.

4. Нагорная М.А. Техника определения законодательных терминов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сб. ст.: в 2 т. Т. II. Н. Новгород, 2001. С. 220-233.
5. Петров В.В. Место ограничения свободы в системе уголовных наказаний // Научные исследования высшей школы: материалы итоговой науч.-практ. конф. Тюмень: ТюИИ МВД России, 2003. С. 54-56.
6. Исправительно-трудовое право. М.: Юрид. лит., 1971. 416 с.
7. Советское исправительно-трудовое право. М.: Госюриздат, 1960. 277 с.
8. Петров В.В. Исполнение (отбывание) лишения свободы в следственном изоляторе: история и современность: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 1999. 189 с.
9. Чешко Л.А. О синонимах и словаре синонимов русского языка // Словарь синонимов русского языка. М.: Сов. энцикл., 1969. С. 2-17.

References

1. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 144 p.
2. Anisimov V.M. [I dr.] Deloproizvodstvo v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Office work in the public administration system]. Moscow, 2001. 373 p.
3. Boriskin V.V. Yazykovye osobennosti ofitsial'nyh dokumentov [Language features of official documents]. Byulleten' Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii – Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2003, no. 10, pp. 115-128.
4. Nagornaya M.A. Tehnika opredeleniya zakonodatel'nyh terminov [The technique of defining legislative terms] Zakonotvorcheskaya tehnika sovremennoy Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie [The legislative technique of modern Russia: state, problems, improvement. In 2 volumes. Volume II]. Nizhny Novgorod, 2001. Pp. 220-233.
5. Petrov V.V. Mesto ogranicheniya svobody v sisteme ugovolnyh nakazaniy [The place of restriction of freedom in the system of criminal punishments]. Nauchnye issledovaniya vysshey shkoly [Scientific research of higher education]. Tyumen, 2003. Pp. 54-56.
6. Ispravitel'no-trudovoe pravo [Correctional and labor law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1971. 416 p.
7. Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo [Soviet correctional and labor law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 277 p.
8. Petrov V.V. Ispolnenie (otbyvanie) lisheniya svobody v sledstvennom izolyatore: istoriya i sovremennost'. Kand. Diss. [Execution (serving) of imprisonment in a pre-trial detention center: history and modernity. Cand. Diss.]. Tyumen, 1999. 189 p.
9. Cheshko L.A. O sinonimakh i slovare sinonimov russkogo yazyka [About synonyms and the dictionary of synonyms of the Russian language]. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. Pp. 2-17.

Раздел 6. Правоохранительная политика

ЕМЕЛЬЯНОВ В.М., кандидат юридических наук, nino-tyumen@yandex.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	EMELYANOV V.M., Candidate of Legal Sciences, nino-tyumen@yandex.ru Chair of administrative activities of the internal affairs bodies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ОБЪЕКТА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. В статье в рамках Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях рассматриваются вопросы, связанные с систематизацией Особенной части действующего кодекса в зависимости от непосредственного объекта правонарушения. Проведен анализ отдельных составов административных правонарушений, в том числе в сравнении с уголовным законодательством. В основу такого анализа положено выявление реального непосредственного объекта правонарушения. Аргументируется, что общественный порядок и общественная безопасность не являются объектами правонарушений, предусмотренных статьями 20.22, 20.16, 20.25 КоАП РФ, а следовательно, данные составы должны быть перемещены в иные главы. В то же время правонарушение, предусмотренное статьей 5.62 КоАП РФ, наоборот, посягает на общественный порядок и общественную безопасность, в связи с чем данная статья должна быть перемещена в главу 20. На основе проведенного исследования сформулированы предложения о внесении изменений в административное законодательство. Кроме того, затрагиваются отдельные вопросы квалификации рассмотренных административных правонарушений.

Ключевые слова: административное правонарушение; объект правонарушения; видовой объект, непосредственный объект; концепция КоАП РФ; правовое регулирование.

PROBLEMS OF DETERMINING THE DIRECT OBJECT OF THE OFFENCE WHEN QUALIFYING CERTAIN TYPES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES

Annotation. The author of the article considers the issues connected with the systematization of the Special Part of the current Code of Administrative Offences of the Russian Federation depending on the direct object of the offence within the framework of the concept of a new code. The analysis of certain elements of administrative offences, as well as a comparative analysis with the criminal legislation is carried out. The basis of this analysis is the identification of the main direct object of the offence. It is argued that public order and public safety are not the objects of offences provided by articles 20.22, 20.16, 20.25 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, and therefore, these elements should be fixed in another chapters. At the same time, the offence provided by article 5.62 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, on the contrary, encroaches on public order and public safety, and therefore this article should be transferred to chapter 20 of the code. Basing on the results of the conducted research, the proposals to amend the administrative legislation are formulated. In addition, some issues concerning the qualification of the considered administrative offences are touched upon.

Keywords: administrative offence; object of offence; specific object; direct object; concept of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation; legal regulation.

Правильный подбор соответствующих элементов состава проступка, полностью совпадающих с составными частями реального правонарушения, — непремен-

ная предпосылка правомерного применения административного наказания за совершенный проступок. Данные о характерных чертах совершенного проступка,

полученные в результате сбора, исследования и оценки доказательств, дают возможность создать в сознании лица, применяющего норму права, картину совершенного правонарушения.

Эти данные и соотносятся с характерными чертами конкретного правонарушения, отличающими структуру состава того или иного деликта. Юридически грамотно определить состав правонарушения — значит четко понять и установить, на что именно и в какой форме посягает деликт, кто является должным субъектом деликта, а также вину данного субъекта. Неправильное определение любой из составляющих состава правонарушения свидетельствует об уровне правовой грамотности юриста.

10 июня 2019 г. Правительством Российской Федерации была опубликована Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях* (далее — Концепция) в связи с тем, что назрела объективная необходимость научного осмысления КоАП РФ и анализа практики его применения. Министерство юстиции России, Минэкономразвития России, являющиеся разработчиками настоящей Концепции, отмечают в качестве главного результата то, что нормы КоАП РФ должны быть изменены так, чтобы они соответствовали целям начатой реформы.

Для совершенствования Особенной части действующего КоАП РФ, в частности, предлагается:

— структурировать внутреннюю организацию ее содержания, уточнив и конкретизировав по главам предметы регулирования на основе классификации административных правонарушений по видовым и конкретным объектам противоправного посягательства;

— устранить проявление негативных тенденций, связанных с ненадлежащим правовым регулированием.

В тексте Концепции отмечается, что «не ставится задача ограничить дальнейшую дискуссию по вопросам реформы за-

конодательства Российской Федерации об административных правонарушениях»**.

В рамках этой дискуссии и предложенных задач проекта Концепции следует отметить одну из негативных тенденций в формировании действующего КоАП РФ.

Исходя из вышеизложенного и в соответствии с Концепцией необходимо проведение «ревизии» главы 20 Особенной части КоАП РФ, а именно правового анализа, направленного на выявление совпадения названия главы с реальным объектом правонарушения, предусмотренного той или иной статьей, включенной в данную главу.

Выявление соответствия абстрактных составных частей проступка, указанного в устанавливаемом наказуемом законе, с реальными составными частями совершенного деликта представляет собой «пазл» — головоломку, части которой нужно правильно совместить.

Следует отметить, что правоприменители нередко допускают ошибки при квалификации правонарушений. Такие ошибки обусловлены отчасти и несовершенством действующего законодательства. В целях выявления такого несовершенства следует проанализировать некоторые статьи, содержащиеся в Особенной части КоАП РФ. Анализ основан на принципе, согласно которому для правильной квалификации деяния в качестве первого элемента состава необходимо определить непосредственный объект посягательства.

1. Анализ главы 20 КоАП РФ следует начать с административного правонарушения, выражающегося в возбуждении ненависти либо вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ). Статья, предусматривающая данное правонарушение, была включена в КоАП РФ Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. N 521-ФЗ***.

Такие деяния совершаются публично по причине ярко выраженного экстремистски-негативного отношения правона-

** Там же.

*** О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 27 дек. 2018 г. N 521-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 53. Ст. 8447.

* Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рушителя к полу, расе, национальности, языку, происхождению, вероисповеданию потерпевшего лица, а равно принадлежности его к какой-либо социальной группе. Уголовная ответственность за аналогичные деяния предусмотрена ч. 1 ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Уголовная ответственность за указанное правонарушение наступает только при условии привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года. Статья 20.3.1 КоАП РФ стала результатом принятия поправок, введенных в механизм административной преюдиции к ч. 1 ст. 282 УК РФ.

Статья 282 УК РФ включена в главу 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» и устанавливает ответственность за экстремистскую деятельность. В связи с этим объектом правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ, правомерно определены общественные отношения в сфере общественного порядка и общественной безопасности.

Правоприменительная практика по данной статье уже имеется. Например, 24 января 2019 г. Кировский районный суд г. Саратова назначил гражданину А. наказание в виде административного ареста сроком на 5 суток в соответствии со ст. 20.3.1 КоАП РФ. Согласно имеющимся данным 19 ноября 2018 г. сотрудники Центра противодействия экстремизму обнаружили на странице А. в социальной сети «ВКонтакте» информацию, которая, согласно акту экспертного исследования, содержала признаки экстремистских высказываний, а именно:

- унижения достоинства;
- призывов к насилию и дискриминационным действиям;
- пропаганды неполноценности отдельных групп населения;
- возбуждения ненависти;
- пропаганды превосходства определенной расы.

Суд обнаружил в действиях А. состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ. При назначении наказания было учтено, что административное правонарушение совершено

впервые, а также то, что А. признал свою вину, раскаялся в содеянном*.

Однако в главу 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан» ранее был включен аналогичный состав правонарушения – «Дискриминация» (ст. 5.62 КоАП РФ) – нарушение прав, свобод и законных интересов личности в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности и т.п.

В соответствии с названием главы объектом этого правонарушения являются общественные отношения в сфере охраны прав граждан. В то же время ст. 1 «Основные понятия» Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает в качестве одного из видов экстремистской деятельности нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии**.

Таким образом, дискриминация является одним из видов экстремистской деятельности. При этом непосредственным объектом этой деятельности выступают не права граждан, а общественный порядок и общественная безопасность. Нарушение прав, свобод и законных интересов личности наступает в результате проявления экстремизма, посягательства на общественный порядок и общественную безопасность.

В связи с изложенным следует считать, что после вступления в силу ст. 20.3.1 КоАП РФ статья 5.62 «Дискриминация» должна быть перемещена в главу 20 Особенной части КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность» с номером 20.3.2.

2. Продолжая анализ главы 20 КоАП РФ, следует обратить внимание

* Постановление N 5-18/2010 5-18/2019 от 24 янв. 2019 г. по делу N 5-18/2010 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ: ред. от 23 нояб. 2015 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 30. Ст. 3031; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

на правонарушение, предусмотренное ст. 20.22 КоАП РФ.

В соответствии с наименованием главы, в которой она размещена, объектом данного правонарушения являются общественные отношения в сфере общественного порядка, характеризующие состояние правопорядка в общественных местах.

Посягательство на объект выражается в нахождении несовершеннолетнего в состоянии опьянения. Однако считаем, что данное действие посягает не на общественный порядок. Несовершеннолетний, не достигший 16-летнего возраста, не является субъектом правонарушения (ст. 2.3 КоАП РФ) и по определению не может покушаться на общественный порядок или общественную безопасность, а родители или законные представители несовершеннолетнего, являющиеся субъектами рассматриваемого правонарушения, посягают не на общественный порядок, а на права несовершеннолетнего, поскольку не исполняют своих обязанностей по его содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов.

Для определения сферы общественных отношений, на которую совершается посягательство в данном случае, следует обратиться к главе 6 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за правонарушения, посягающие, в частности, на здоровье и общественную нравственность. В главе уже содержится юридическая оценка вовлечения несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10 КоАП РФ). Объектом данного правонарушения выступают общественные отношения в сфере охраны здоровья и общественной нравственности несовершеннолетних.

Как представляется, нахождение несовершеннолетних в состоянии алкогольного или наркотического опьянения — следствие и результат этого деликта. В связи с этим и объект обоих правонарушений один — здоровье и общественная нравственность несовершеннолетних. Полагаем необходимым переместить рассматриваемую статью из главы 20 в главу 6 КоАП РФ.

Учитывая, что проект Концепции предусматривает регулирование административной ответственности несовершен-

нолетних в возрасте от 16 до 18 лет в специальной главе КоАП РФ, впоследствии все составы правонарушений, субъектами которых являются несовершеннолетние, планируется перенести в эту главу нового Кодекса.

3. Далее следует проанализировать ст. 20.16 КоАП РФ, предусматривающую ответственность за занятие незаконной частной детективной или охранной деятельностью. Статья содержит четыре состава правонарушения:

— незаконное осуществление частной охранной деятельности;

— незаконное осуществление частной детективной (сыскной) деятельности;

— осуществление деятельности по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию кадров для осуществления частной детективной или охранной деятельности без специального разрешения (лицензии) либо с нарушением установленных законом требований;

— оказание частных детективных или охранных услуг, либо не предусмотренных законом, либо с нарушением установленных законом требований.

В соответствии с наименованием главы объектом данного правонарушения являются общественные отношения в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Родовой объект правонарушения — общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, безопасность населения.

Здесь также возникает вопрос о том, на какой объект реально посягает незаконное осуществление частной охранной и детективной деятельности. На первый взгляд, объектом является общественная безопасность. Б.П. Кондрашов считает, что общественная безопасность — «это система общественных отношений, урегулированных нормами права в целях обеспечения безопасности личности, общественного спокойствия, благоприятных условий для труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных органов, общественных объединений, предприятий, учреждений и организаций от угрозы, исходящей от преступных и иных противоправных деяний, нарушения правил поль-

зования источниками повышенной опасности, предметами и веществами, изъятыми из гражданского оборота, явлений негативного технического и природного характера, а также других особых обстоятельств» [1, с. 18]. По мнению И.Б. Кардашовой, общественная безопасность представляет собой обеспечение сохранности материальных и духовных ценностей общества [2, с. 47].

В соответствии со сложившимися в административной науке взглядами общественным порядком является существование обстановки общественного спокойствия, регламентированного нормами права, морали, обычаями, осуществления членами социума своих прав в общественных местах, не посягающих на права других. В том числе речь идет о правах на защиту жизни, здоровья, личной неприкосновенности, общественной нравственности, возможность полноценного отдыха.

Фактически на безопасность личности, общественное спокойствие в определенной мере может реально посягать только один из составов правонарушения – оказание частных детективных или охранных услуг с нарушением установленных законом требований – при условии, что оно связано с использованием предметов, изъятых из гражданского оборота. Однако это уже предмет уголовного права*.

Остальные составы административных правонарушений посягают на установленный порядок управления, а именно направлены против правовых норм, регламентирующих порядок осуществления определенной деятельности. Установлен-

ный порядок управления – это правила о деятельности организаций, должностных лиц и других служащих, граждан, установленные правовыми нормами. Эти правила по своему содержанию являются прямым продолжением установленного государственного порядка, его детализацией.

Правовое регулирование – юридическая функция, реализуемая государством в процессе воздействия на общественные отношения, посредством которой поведение участников этих отношений приводится в соответствие с требованиями и дозволениями, содержащимися в нормах права, легитимность и обязательность исполнения которых обеспечивается возможностями применения властной силы государства [3, с. 13].

Правила порядка управления устанавливаются как высшими органами государства, так и компетентными органами субъектов Российской Федерации на основании ст.ст. 72 и 76 Конституции Российской Федерации. Осуществление частной детективной и частной охранной деятельности регламентировано Законом Российской Федерации от 11 марта 1992 г. N 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон Российской Федерации N 2487-1)**.

Правительство Российской Федерации утверждает положение о лицензировании частной детективной деятельности и частной охранной деятельности, в котором устанавливаются порядок лицензирования данного вида деятельности и перечень лицензионных требований. Предоставление лицензий на осуществление частной детективной деятельности и частной охранной деятельности производится федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере частной охранной деятельности, или его территориальным органом (ст.ст. 6, 11.2 Закона Российской Федерации N 2487-1).

** О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. N 2487-1: ред. от 2 авг. 2019 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. N 17. Ст. 888; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* См.: глава 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» (ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни»; ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений»; ст. 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации»; ст. 139 «Нарушение неприкосновенности жилища»); глава 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» (ст. 222 «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов»).

Типовые программы профессионального обучения для работы в качестве частных детективов и частных охранников разрабатываются и утверждаются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере частной охранной деятельности, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования (ст. 15.3 Закона Российской Федерации N 2487-1).

Таким образом, считаем, что статья, регламентирующая ответственность за занятие незаконной частной детективной или охранной деятельностью, должна входить в главу 19 Особенной части КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления».

4. Следующей нормой, содержащей составы административных правонарушений, посягающих на иной объект, является ст. 20.25 КоАП РФ.

Исходя из того, что уклонение от исполнения административного наказания включено законодателем в главу 20 КоАП РФ, объектом правонарушения в соответствии с названием статьи должны являться общественные отношения, возникающие в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности. Следовательно, совершенный деликт также должен посягать на общественный порядок или общественную безопасность.

Как уже отмечено выше, для правильной квалификации правонарушения необходимо определить непосредственный объект посягательства. Иначе говоря, квалифицируемое деяние должно посягать на общественный порядок, то есть «на сложившуюся в обществе систему отношений между людьми, правил взаимного поведения и общежития, регулируемых действующим законодательством, обычаями и традициями, а также нравственными нормами» [4, с. 21].

Очевидно, что уклонение от исполнения административного наказания на общественный порядок не посягает. По нашему мнению, уклонение от исполнения возложенной судом или правомочным лицом обязанности перенести правовые ограничения за совершенный деликт фактически равнозначно неповиновению

законному распоряжению должностного лица, то есть правонарушению, совершенному против порядка управления. По своей сути, это неисполнение требования действующего законодательства претерпеть негативное воздействие административного наказания. Наказание назначается уполномоченными лицами (органами) от имени государства. Соответственно, не исполняются требования этих лиц (органов), которые обращают постановление об административном наказании к исполнению.

Объектом правонарушения выступают общественные отношения именно в сфере порядка управления, а не в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности. «Установленный порядок управления — это система политико-правовых институтов, обеспечивающих функционирование государственной власти» [5, с. 113].

Правонарушения против порядка управления противодействуют нормальной управленческой деятельности органов государственной власти, ведут к снижению их авторитета. Родовым объектом правонарушения выступает нормальная деятельность органов государственной власти. Видовым объектом — общественные отношения в сфере управленческой деятельности правоохранительных органов.

Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях обеспечивает основную цель административно-деликтного права — укрепление правопорядка, предупреждение правонарушений и убеждение граждан в неотвратимости наказания за содеянное [6, с. 62].

Объектом рассматриваемого административного правонарушения в действительности являются общественные отношения в сфере реализации функций государственного управления органами судебной и исполнительной власти и их должностными лицами.

Непосредственным объектом выступает деятельность уполномоченных лиц по исполнению административного наказания виновным лицом в соответствии с постановлением о назначении такого наказания, вступившим в законную силу.

Объективная сторона правонарушения характеризуется как действием (уклонение), так и бездействием (неуплата), то

есть невыполнением законного решения суда или уполномоченного должностного лица. Например, виновное лицо самовольно покидает место административного ареста.

Действия лица образуют состав неповиновения (открытый отказ от исполнения либо иное умышленное неисполнение законного требования претерпеть лишения государственно-властного характера за совершение административного правонарушения), которое выражается в отказе претерпевать негативные последствия за совершенное деяние в связи с назначенным административным наказанием.

Субъектами правонарушения выступают граждане, подвергнутые административной ответственности.

Субъективная сторона правонарушения характеризуется наличием умысла. Гражданин сознает, что предъявленное требование исполнить административное наказание носит законный характер, предвидит возможность наступления вредных последствий в случае невыполнения этого требования и сознательно их допускает.

Таким образом, считаем, что уклонение от исполнения административного наказания является правонарушением, посягающим на установленный порядок управления. Следовательно, предусматриваемая его норма должна находиться в главе 19 Особенной части КоАП РФ «Административные правонарушения против порядка управления».

Включением проанализированных составов правонарушений в главу 20 КоАП РФ был нарушен один из принципов квалификации административных правонарушений по видовым и непосредственным объектам противоправного посягательства и допущено проявление негативных тенденций, связанных с не-

надлежащим определением объекта правонарушения в юридических актах.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Внесение предложенных изменений в действующий КоАП РФ, с одной стороны, устранил несовершенство законодательства, связанное с определением непосредственного объекта проанализированных правонарушений. С другой стороны, это позволит более качественно подготовить проект нового КоАП РФ.

2. Предложенные изменения могут способствовать в дальнейшем качественной подготовке будущих юристов. Нельзя осуществлять обучение на основе неточного определения объекта правонарушения и, следовательно, ошибочной квалификации правонарушения. Это способствует формированию правового нигилизма и негативного отношения к нормативным правовым актам.

3. В соответствии с Концепцией нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях считаем необходимым включить в КоАП РФ специальную главу, более полно закрепляющую особенности правового положения и административную ответственность несовершеннолетних, предусматривающую административные правонарушения, посягающие на их права и свободы, в том числе на нормальное физическое и нравственное развитие.

4. В целях профилактики экстремистской деятельности считаем необходимым включить в главу об административных правонарушениях против общественного порядка и общественной безопасности проекта нового КоАП РФ состав такого административного правонарушения, как дискриминация, посягающая, в первую очередь, на общественную безопасность.

Список литературы

1. Кондрашов Б.П. Общественная безопасность и административно-правовые средства ее обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 296 с.
2. Кардашова И.Б. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2019. 303 с.
3. Плесовских В.Д. Порядок управления в Российской Федерации: теоретические и правовые проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. Тюмень, 2001. 423 с.
4. Щеголева Н.В. Особенности правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка // Актуальные вопросы юридических наук: материалы Междунар. науч. конф., г. Челябинск, 20-23 ноября 2012 г. Челябинск: Два комсомольца, 2012. С. 21-24.

5. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для бакалавриата и магистратуры. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. 465 с.

6. Мотрович И.Д. О применении административных наказаний в административно-юрисдикционном производстве // Административное право и процесс. 2014. N 10. С. 61-64.

References

1. Kondrashov B.P. Obshchestvennaya bezopasnost' i administrativno-pravovye sredstva ee obespecheniya. Dokt. Diss. [Public safety and administrative-legal means of ensuring it. Doct. Diss.]. Moscow, 1998. 296 p.

2. Kardashova I.B. Osnovy teorii natsional'noy bezopasnosti [Fundamentals of the theory of national security. Doct. Diss.]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 303 p.

3. Plesovskikh V.D. Poryadok upravleniya v Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie i pravovye problemy. Dokt. Diss. [Management order in the Russian Federation: theoretical and legal problems. Doct. Diss.]. Tyumen, 2001. 423 p.

4. Shchegoleva N.V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya uchastiya grazhdan v ohrane obshchestvennogo poryadka [Features of the legal regulation of the participation of citizens in the protection of public order]. Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk [Actual issues of legal sciences]. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa Publ., 2012. Pp. 21-24.

5. Agapov A.B. Administrativnaya otvetstvennost' [Administrative responsibility]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 465 p.

6. Motrovich I.D. O primenении administrativnykh nakazaniy v administrativno-yurisdiktsionnom proizvodstve [On the application of administrative penalties in administrative-jurisdictional proceedings]. Administrativnoe pravo i protsess – Administrative law and process, 2014, no. 10, pp. 61-64.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

МИШИН В.В., MISHIN V.V.,
Spiro 94@yandex.ru Spiro 94@yandex.ru
Заозерский гарнизонный военный суд, Zaozersky Garrison Military Court,
184310, Мурманская обл., Flotskaya St. 2, Zaozersk,
г. Заозерск, ул. Флотская, 2 Murmansk region, 184310,
Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются точки зрения ученых относительно природы и содержания согласительных процедур в российском уголовном судопроизводстве. Подвергается критической оценке отнесение предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством процедур согласования к согласительным процедурам, причиной которого, по мнению автора, является неточность в определении значения понятия «согласие», закрепленного в пункте 41.1 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В связи с этим предложена новая редакция указанной нормы. Анализируются признаки, присущие только согласительным процедурам и позволяющие отграничить их от иных уголовно-процессуальных механизмов. По мнению автора, основным отличительным признаком согласительных процедур является их договорная природа, предполагающая волеизъявление сторон уголовно-процессуальных отношений, которые вправе свободно решать, вступать им в эти отношения или нет, что не присуще процедурам согласования процессуальных решений, являющегося в определенных законом случаях обязанностью лиц, ведущих производство по уголовному делу. Обращается внимание на то, что получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на применение согласительных процедур должно быть отражено в уголовно-процессуальном законе. С этой целью предлагается изменение редакции части 2 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; согласительные процедуры; процедуры согласования; согласование процессуальных решений; участники уголовного судопроизводства.

THE CONTENT AND DISTINCTIVE FEATURES OF CONCILIATION PROCEDURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The views of scientists regarding the nature and content of conciliation procedures in the Russian criminal proceedings are examined in the article. Classifying the approval procedures provided by the criminal procedure legislation as conciliation procedures is critically assessed. According to the author's opinion, the reason of this is the inaccuracy in determining the meaning of the concept of "consent", enshrined in paragraph 41.1 of article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In this regard, a new wording of this norm has been proposed. The distinctive features specific only to conciliation procedures, which allow to distinguish them from other criminal procedure mechanisms are analyzed. The author of the article believes that the main distinguishing feature of the conciliation procedures is their contractual nature, which implies the will of the parties involved in the criminal procedure relations, who are free to decide whether to enter into these relations or not. That is not inherent in the procedures for the coordination of procedural decisions, which is in certain cases the obligation of the persons conducting criminal proceedings. The author pays attention to the fact that obtaining the consent of the accused (suspect) to take part in the conciliation proceedings should be fixed in the criminal procedure legislation. For this purpose, it is proposed to amend the wording of part 2 of article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings; conciliation procedures; approval procedures; coordination of procedural decisions; participants in criminal proceedings.

Поиск путей совершенствования уголовно-процессуальных отношений практически постоянно сопровождается активным обсуждением в науке уголовно-процессуального права поставленных практикой

вопросов о возможности и целесообразности использования механизмов ускоренного, упрощенного производства по уголовным делам, применение которых не только не вступало бы в противоречие с

уголовно-процессуальными принципами, но и позволяло бы без ущемления интересов общества и государства в большей степени учитывать законные интересы личности при разрешении надлежащим образом и в разумный срок возникающих в этой сфере правовых конфликтов.

К таким правовым механизмам, позволяющим существенно ускорять производство, а значит, и способствовать экономии ресурсов, связанных с государственным финансированием, относятся процессуальные процедуры, основанные на соглашении заинтересованных участников уголовного судопроизводства, или согласительные процедуры. При этом, по справедливому мнению Г.В. Абшилавы, значение развития в российском уголовном судопроизводстве института согласительных процедур заключается не только в снижении затрат на такую государственную деятельность, как борьба с преступностью, но и в повышении качественных показателей регулирования уголовно-процессуальных отношений [1, с. 5].

К вопросу о правовой природе, сущности, содержании и значении согласительных процедур в уголовном судопроизводстве обращались многие исследователи. При этом в юридических источниках при наименовании рассматриваемых дифференцированных форм уголовного судопроизводства наряду с понятием «согласительные процедуры» используются понятия «компромиссные модели судопроизводства» [2, с. 12] и «договорные механизмы разрешения правовых споров» [1, с. 9]. Думается, что они являются понятиями одного синонимичного ряда, поскольку понятие «договор» в справочной литературе раскрывается через понятие «соглашение» [3, с. 163], а латинским эквивалентом последнего является понятие «компромисс», в основе содержания которого лежит достижение согласия сторон путем взаимных уступок [4, с. 246].

По справедливому мнению Г.В. Абшилавы, согласительная процедура, будучи разновидностью уголовно-процессуальной формы, представляет собой урегулированную нормами УПК РФ деятельность участников уголовного судопроизводства, специфика которой заключается в направленности этой деятельности на полу-

чение юридически значимого результата посредством согласования своих позиций [1, с. 12]. Т.Б. Саркисян считает, что содержательная сторона согласительных процедур как уголовно-процессуальной формы компромиссного решения, целью которого является достижение желаемого исхода производства по уголовному делу, заключается, во-первых, в определении условий такого компромисса, во-вторых, в их выполнении [5, с. 19]. С таких же позиций рассматривает согласительные процедуры и Ю.В. Кувалдина, именуя их «компромиссными производствами», под которыми понимаются основанные на взаимном согласии участников уголовно-правового конфликта процессуальные конструкции [2, с. 5].

Представленные позиции демонстрируют единый подход ученых к определению сущности согласительных процедур – достижение согласия между участниками уголовного судопроизводства по поводу содержания дальнейших уголовно-процессуальных отношений, однако по вопросу о видах таких процедур и их количестве в уголовно-процессуальном законе мнения ученых разнятся. Например, если Т.Б. Саркисян выделяет две согласительные процедуры (ст. 25, гл. 40.1 УПК РФ) [5, с. 11], Ю.В. Кувалдина к таковым относит процедуры, регулируемые ст.ст. 25, 28, 28.1, главами 40, 40.1, УПК РФ [2, с. 6], Г.В. Абшилава – кроме перечисленных и ст. 427 УПК РФ [1, с. 25], то, по мнению Е.В. Мильтовой, к согласительным процедурам относится только заключение досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), а также любые процедуры, предполагающие получение разрешения (утверждения) на принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий [6, с. 7].

В связи с этим представляется необходимым проведение анализа имеющихся точек зрения ученых на содержание и виды согласительных процедур, выделение их существенных признаков, которые могут служить критерием для дифференциации согласительных процедур от иных уголовно-процессуальных механизмов.

Следует отметить, что позиция Т.Б. Саркисяна, выделяющего лишь два вида рассматриваемых процедур, вполне объяснима и основана на том, что им

производится дифференциация таких понятий, как «согласие» и «соглашение», а существенным признаком согласительной процедуры, отличающим ее от иных процедур, по его мнению, является именно наличие соглашения. Это процедура, регулируемая ст. 25 УПК РФ, которую, по мнению указанного автора, следует именовать «соглашением о заглаживании причиненного преступлением вреда», и процедура, регулируемая гл. 40.1 УПК РФ, – досудебное соглашение о сотрудничестве [5, с. 19].

Подобная точка зрения, на наш взгляд, демонстрирует слишком узкий подход к определению согласительных процедур. Действительно, заключение соглашения, договоренности между участниками процесса невозможно без предварительного достижения согласия между ними, поскольку понятие «соглашение» находится в отношении подчинения к понятию «согласие». Вместе с тем, как правомерно отмечает Ю.В. Кувалдина, не всегда применение основанной на согласии сторон процедуры нуждается в ее оформлении письменным соглашением [2, с. 8]. В связи с этим следует признать обоснованной позицию Г.В. Абшилавы, относящего к согласительным процедурам все предусмотренные уголовно-процессуальным законом механизмы, которые имеют основанную на согласии сторон договорную природу [1, с. 25].

С этой позиции можно критически оценить точку зрения Е.В. Мильтовой, относящей к согласительным любые процедуры, предполагающие получение разрешения (утверждения) на принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий [6, с. 22].

Уголовно-процессуальным законом предусмотрено согласование процессуальных решений во всех случаях, когда в процессе реализации этих решений могут быть ущемлены законные права и свободы граждан. При этом процедура согласования принятия решений, под которой понимается получение согласия ответственного лица по поводу содержания определенного документа и принимаемого на его основе решения, будучи рассчитана на неоднократное применение, во-первых, имеет субординированный характер, во-вторых, является обязательной в силу требований

закона, поэтому не зависящей от воли подотчетного лица. По сути, согласование процессуальных решений при неформальном подходе означает, что лица, мнение которых должно быть учтено, ознакомились с соответствующим документом и согласились с его положениями. Согласующие подписи, поставленные компетентными должностными лицами, позволяют свести к минимуму принятие необоснованных, неверных, а также неграмотных решений, обеспечивают обязательность исполнения положений действующего законодательства и других нормативных актов, предусмотренных для соответствующих процессуальных решений, позволяют существенно повысить качество таких решений.

Следует отметить, что в науке уголовно-процессуального права принята классификация процессуальных документов по содержанию на документы, в которых фиксируются: 1) ход и результаты процессуальных действий и 2) процессуальные решения. При этом лишь к последним применима процедура согласования с целью обеспечения провозглашенных Конституцией Российской Федерации и основанными на ней законами прав и свобод человека и гражданина. Соответственно, целью согласования является предварительная проверка и оценка полномоченным должностным лицом законности, обоснованности и мотивированности решений подчиненных должностных лиц, целесообразности и своевременности сделанного на их основе выбора процессуального действия, а процедура согласования – это подтверждение его необходимости.

Таким образом, в определенных уголовно-процессуальным законом случаях решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, приобретают юридическую силу лишь после их согласования прокурором, руководителем следственного органа, начальником органа дознания или судом, при отсутствии которого осуществленные на основании этих решений процессуальные действия становятся незаконными.

Безусловно, согласование следователем, дознавателем, то есть подчиненными субъектами уголовного судопроиз-

водства, соответственно с руководителем следственного органа и прокурором своих процессуальных решений и основанных на этих решениях процессуальных действий предполагает согласие последних с принимаемыми подчиненными лицами решений. Тем не менее это не означает «осуществления ими согласованных действий», как считает Е.В. Мильтова [6, с. 12]. Согласованное с вышестоящим лицом действие общим не становится и за его законность и обоснованность персональную ответственность несет подчиненное лицо, вынесшее соответствующее решение. Достижение же согласия всегда осуществляется по поводу будущей совместной деятельности. В связи с этим, на наш взгляд, получение согласия вышестоящего лица с принятым подчиненным лицом решением неправомерно относить к согласительным процедурам, а следовало бы именовать процедурой согласования или, используя терминологию Г.В. Абшилавы, «согласовательной процедурой».

Необходимо отметить, что указанным автором согласовательные процедуры рассматриваются в рамках согласительных процедур. При этом, по его мнению, в согласовательных процедурах «договорной момент представлен минимально» [1, с. 45]. Между тем, как отмечено еще римскими юристами, без соглашения (*consensus*) договора вообще быть не может [7, с. 290]. В самом общем смысле соглашение – это договоренность по поводу взаимодействия, общих действий, а процедура согласования, как уже отмечалось, таковой не является. Думается, что в данном случае необоснованно отождествляются понятия «соглашение» и «согласование».

Кроме этого, основным моментом отношений, опосредованных договором (соглашением), является то, что его участники имеют автономию воли. Другими словами, они вправе свободно делать выбор, вступать им в договорные отношения или не вступать. Возникает вопрос о наличии у следователя или дознавателя права выбора согласовывать или не согласовывать свое решение с вышестоящим должностным лицом. Очевидно, что такого права нет. Поэтому, на наш взгляд, договорной момент в таких отношениях не может быть представлен даже минимально.

В связи с этим следует затронуть вопрос законодательного закрепления значения понятия «согласие» в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ, введенном Федеральным законом от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ*, которое является далеко не безупречным. В соответствии с указанной нормой «согласие» – это «разрешение руководителя следственного органа на производство следователем или разрешение прокурора на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений».

Представляется бесспорным, что закреплять определенное значение понятия в ст. 5 УПК РФ допустимо лишь в том случае, если в ином значении данное понятие в УПК РФ не используется. Очевидно, что это требование не относится к понятию «согласие», которое употреблено в уголовно-процессуальном законе 162 раза, и лишь в 73 случаях в том значении, которое закреплено в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ (получение разрешения), то есть менее чем в половине случаев. Следует заметить также, что в ряде случаев законом предусмотрено получение дознавателем согласия на принятие решений от начальника органа дознания, что не нашло отражения в комментируемой норме.

В связи с этим, соглашаясь с высказанным Е.В. Мильтовой мнением о том, что закрепленная в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ дефиниция понятия «согласие» не охватывает собой все реально используемые в уголовном судопроизводстве виды согласия [6, с. 3], тем не менее следует критически оценить предлагаемые ею изменения указанной нормы.

Во-первых, перечисленных в действующей редакции п. 41.1 ст. 5 УПК РФ субъектов, уполномоченных давать разрешение на производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, и субъектов, получающих такое разреше-

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ; ред. от 4 июня 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 24. Ст. 2830; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

ние, указанный автор предлагает заменить обобщающим термином «участник уголовного судопроизводства» [6, с. 12] для того, чтобы охватить им всех субъектов, от которых может потребоваться получение согласия в ходе производства по уголовному делу, в том числе обвиняемого (подозреваемого) в случае заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, которое Е.В. Мильтова относит к согласительным процедурам.

Между тем предложенное изменение как не позволяло, так и не позволит охватить все предусмотренные уголовно-процессуальным законом виды согласия. Например, законом предусмотрено получение согласия не только от лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства. В частности, к особенностям производства по уголовным делам, регламентируемым главой 52 УПК РФ, относится получение согласия в соответствующих случаях таких органов государственной власти, как Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, Высшая квалификационная коллегия судей, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, а нормами главы 54 УПК РФ предусмотрено получение согласия иностранного государства. Очевидно, что во всех перечисленных случаях под получением согласия следует понимать согласование соответствующих решений.

Таким образом, справедливым видится утверждение Г.В. Абшилавы, который считает, что п. 41.1 ст. 5 УПК РФ содержит определение согласовательной процедуры [1, с. 45]. Тем не менее вызывает возражение употребление указанным автором частицы «только» в суждении о том, что согласование возможно только между участниками уголовного судопроизводства [1, с. 12], а также мнение о том, что «процедура согласования позиций (испрашивание и получение разрешения)» может иметь место исключительно между субъектами компетентных государственных органов обвинительно-следственной власти [1, с. 45].

Во-вторых, нельзя согласиться с предложением Е.В. Мильтовой о замене в формулировке п. 41.1 ст. 5 УПК РФ поня-

тия «разрешение» на понятие «выражение одобрения» [6, с. 7]. Понятие «одобрение» раскрывается в толковых словарях через такие понятия, как «положительный отзыв», «признание объекта хорошим», «похвала» [8, с. 438]. И если в общеупотребительном смысле разрешение делает возможным выполнение какого-либо будущего действия, то одобрение — это имеющая положительный эмоциональный оттенок оценка, в том числе и прошлого поведения. Кроме того, согласие с предъявленным обвинением со стороны обвиняемого может им субъективно восприниматься отнюдь не как одобрение, а как выбор меньшего зла. Исходя из этого использование в определении понятия «согласие» в ст. 5 УПК РФ предложенного указанным автором понятия «одобрение» представляется не вполне корректным. Подобная экспрессивно окрашенная лексика, на наш взгляд, в большей степени свойственна художественной литературе, нежели строгим текстам нормативных актов.

Представляется, что содержание термина «согласие» вообще не нуждалось в раскрытии в уголовно-процессуальном законе, поскольку его смысловое значение очевидно и вытекает из самой структуры слова, основу которой составляет корень «соглас», означающий присоединение к голосу или мнению. В связи с этим в общеупотребительном смысле слово «согласие» означает принятие чего-либо, и родственными ему являются слова «соглашение» и «согласование».

Исходя из изложенного, формулировку п. 41.1 ст. 5 УПК РФ следует признать неудачной, приводящей к неправомерному сужению объема понятия «согласие» до подчиненного ему понятия «согласование», тогда как правила юридической техники требуют максимальной обобщенности правовой дефиниции [9, с. 110]. Логические же правила требуют соразмерности (равнообъемности) определяемого и определяющего понятия [10, с. 12], чего нельзя сказать о дефиниции, содержащейся в указанной норме, в которой допущена ошибка слишком узкого содержания.

В связи с этим полагаем, что п. 41.1 ст. 5 УПК РФ нуждается в корректировке и может быть изложен в следующей редакции:

«Согласование — получение в определенных настоящим Кодексом случаях согласия компетентного органа или должностного лица на принятие процессуальных решений и на производство следственных и иных процессуальных действий».

Представляется необходимым определить критерии разграничения согласовательных и согласительных процедур с целью исключения неправомерного смешения понятий «согласие» и «согласование». Так, если процедура согласования возможна исключительно между компетентными органами и лицами, которые наделены властными полномочиями, то согласительная процедура предполагает возникновение уголовно-процессуальных отношений только между властными участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения и не обладающими таковыми участниками со стороны защиты, правовая природа которых основана на предоставленной обвиняемому (подозреваемому) уголовным и уголовно-процессуальными законами возможности в определенных случаях воспользоваться правом выбора хода и результата производства по уголовному делу. В связи с этим, на наш взгляд, существенным признаком согласительных процедур, в отличие от процедуры согласования, является, во-первых, то, что у одной из сторон уголовно-процессуальных отношений отсутствуют властные полномочия, и только такие отношения правомерно относить к согласительным процедурам. И, во-вторых, достижение согласия сторон всегда касается изменения общего порядка производства по уголовному делу, предполагающего взаимные уступки сторон и определенные преимущества для каждой из них. Именно в этом проявляется договорная природа согласительных процедур, отличающая их от процедуры согласования.

Кроме этого, если для властных субъектов уголовного судопроизводства основанием выбора порядка производства по уголовному делу являются только положения закона и обстоятельства дела, то для подозреваемого (обвиняемого) таковым является также его личное волеизъявление. Даже при согласии потерпевшего на прекращение уголовного дела, которое имеет первостепенное значение при при-

менении института примирения, оно не будет реализовано, если обвиняемый (подозреваемый) против этого возражает. Соответственно, согласительная процедура или соглашение (независимо от того, находит оно официальное оформление или нет), в отличие от процедуры согласования, может иметь место между субъектами компетентных государственных органов обвинительно-следственной власти и не являющимися таковыми лицами, которые заинтересованы в исходе конкретного уголовного дела, где определяющее значение имеет волеизъявление последних.

В связи с этим нельзя согласиться с позицией Э.Ф. Лугинец, которая утверждает, что следователь, удовлетворяя или не удовлетворяя ходатайство обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, реализует свою «процессуальную свободу», имеет возможность выбора [11, с. 290]. Думается, что выбор следователем варианта решения не зависит от его волеизъявления, а жестко ограничен предписаниями закона. Более того, допущение возможности проявления свободы усмотрения там, где установлены критерии законности принимаемого решения, неизбежно открывает путь произволу [12, с. 21].

Таким образом, согласительные процедуры возможны исключительно между сторонами уголовно-процессуальных отношений, которые имеют противоположные позиции в деле. Г.В. Абшилава называет такие процедуры «междусторонними» [1, с. 25], предполагая наличие иных согласительных процедур. Однако представляется, что они, и только они, могут именоваться согласительными процедурами. Основными дифференцирующими критериями этих процедур являются, во-первых, получение согласия на их проведение обвиняемым (подозреваемым), во-вторых, обусловленное взаимным согласием сторон изменение обычного хода производства по уголовному делу (его прекращение или упрощение) и, в-третьих, как следствие, получение определенных преимуществ для каждой из сторон, которые без достижения такого согласия были бы невозможны.

К процедурам, отвечающим всем перечисленным критериям, относятся про-

цедуры, предусмотренные ст. 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон», ст. 25.1 УПК РФ «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», ст. 28 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием», ст. 28.1 УПК РФ «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба», гл. 40 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» и гл. 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Представляется важным обратить внимание на то, что основной признак согласительных процедур — получение согласия обвиняемого (подозреваемого) — явным образом выражен лишь в названии глав 40 и 40.1 УПК РФ. В остальных же анализируемых нормах (ст.ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ) предусмотрено лишь положение о том, что «прекращение уголовного преследования не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает». Заметим, что приведенное положение в гл. 4 УПК РФ повторяется трижды: первый раз в ч. 2 ст. 27 УПК РФ относительно каждой из приведенных выше норм, затем — в ч. 4 ст. 28 и в ч. 5 ст. 28.1 УПК РФ, что не вполне соответствует правилам юридической техники, согласно которым формулировки правовых предписаний должны отвечать не только требованиям конкретности и логичности изложения текста, но и требованиям краткости и компактности, предполагающим минимизацию дублирования нормативного материала, касающегося одного и того же вопроса. В связи с этим полагаем, что излишнее дублирование данного положения должно быть исключено из ст.ст. 28 и 28.1 УПК РФ.

Кроме того, несмотря на определенное совпадение понятий «согласен» и «не возражает», первое понятие все же предполагает большую активность субъекта, сознательное принятие им решения, что, как представляется, и требуется для реализации согласительной процедуры. Этого

нельзя сказать в случае, когда субъект просто не высказывает возражений. Думается, что даже разъяснение предусмотренного ч. 3 ст. 28 и ч. 4 ст. 28.1 УПК РФ права возражать против прекращения уголовного преследования не может исправить ситуацию, поскольку обвиняемый (подозреваемый) может занять пассивную позицию и не воспользоваться своим правом. Поэтому при отсутствии возражения согласие не является очевидным, оно только предполагается.

Между тем в уголовно-процессуальном законе (ч. 3 ст. 213 УПК РФ) содержится положение о том, что «в случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом прекращение уголовного дела допускается только при согласии обвиняемого или потерпевшего, наличие такого согласия отражается в постановлении». Это важный момент, который следует подчеркнуть: законодателем установлено, что в постановлении должно быть отражено именно согласие, а не возражение. Думается, что наличие согласия на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям должно именно требоваться в качестве условия применения соответствующих норм, а не предполагаться. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ч. 2 ст. 27 УПК РФ: глагол «не допускается» следует заменить глаголом «допускается», а положение продолжить словами «лишь с согласия подозреваемого, обвиняемого. В противном случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке».

Получение согласия обвиняемого (подозреваемого) имеет принципиальное значение, поскольку подразумевает не только согласие с исходом производства по уголовному делу, но и согласие на проявление со стороны обвиняемого (подозреваемого) определенной активности для его достижения, будь то возмещение ущерба, заглаживание причиненного преступлением вреда, согласие с предъявленным обвинением или выполнение условий соглашения о сотрудничестве. При этом проявление такой активности и ее результат должны предшествовать выполнению обязательств стороной обвинения. Лишь при констатации обвинитель-

ной властью выполнения стороной защиты требуемых законом условий могут иметь место освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания. Именно этот принципиальный момент не позволяет отнести к согласительным процедуру, предусмотренную ст. 427 УПК РФ, как не соответствующую договорной природе, поскольку для ее применения не требуется проявления активности несовершеннолетнего обвиняемого. Данная норма соответствует общей специфике уголовной политики государства в отношении ответственности несовершеннолетних, максимально ориентированной на обеспечение специально-предупредительного воздействия.

На основании изложенного можно сделать вывод о необходимости строгого разграничения согласительных и согласовательных процедур в уголовном судопроизводстве как имеющих существенно различающиеся содержание и направленность. К согласительным процедурам правомерно относить лишь те уголовно-процессуальные отношения, которые воз-

никают между участниками уголовного процесса, занимающими противоположные позиции в деле (стороной обвинения и стороной защиты), и имеют договорную природу. Существенными признаками, позволяющими отграничить согласительную процедуру от иных уголовно-процессуальных отношений, являются следующие:

1) согласительные процедуры имеют место исключительно между заинтересованными в исходе дела участниками со стороны обвинения и со стороны защиты;

2) получение согласия обвиняемого (подозреваемого) на применение согласительной процедуры (учет его свободного волеизъявления) обязательно;

3) предметом согласительной процедуры всегда является обоюдовыгодное решение по поводу совместной деятельности, влекущее изменение общего порядка производства по уголовному делу и влияющее на его исход;

4) активные действия обвиняемого (подозреваемого), направленные на выполнение условий применения согласительной процедуры.

Список литературы

1. Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2012. 56 с.
2. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2011. 20 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2004. 704 с.
4. Краткий словарь иностранных слов / авт.-сост. Е.А. Гришина. М.: Астрель; АСТ, 2002. 640 с.
5. Саркисян Т.Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2012. 25 с.
6. Мильтова Е.В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Тюмень, 2011. 22 с.
7. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2009. 464 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1995. 928 с.
9. Калина В.Ф. Юридическая техника. М.: Юрайт, 2016. 291 с.
10. Корнакова С.В., Сергеева О.С. Логика для юристов: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 179 с.
11. Лугинец Э.Ф. Идея «процессуальной свободы» в контексте концепции дифференциации уголовного судопроизводства (на примере некоторых упрощенных судебных производств) // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. N 1 (29). С. 288-292.
12. Корнакова С.В., Щербаков В.А. Судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2018. N 10. С. 18-22.

References

1. Abshilava G.V. Soglasitel'nye protsedury v ugovovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii. Avtoref. Dokt. Diss. [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation. Autoabstract Doct. Diss.]. Moscow, 2012. 56 p.

2. Kuvaldina Yu.V. Predposylki i perspektivy razvitiya kompromissnykh sposobov razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v Rossii. Avtoref. Kand. Diss. [Preconditions and prospects of development of compromise ways of resolving conflict with the criminal law in Russia. Autoabstract Cand. Diss.]. Samara, 2011. 20 p.
3. Bol'shoy yuridicheskiy slovar' [Large legal dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2004. 704 p.
4. Grishina E.A. Kratkiy slovar' inostrannykh slov [Short dictionary of foreign words]. Moscow, Astrel'; AST Publ., 2002. 640 p.
5. Sarkisyan T.B. Soglasitel'nye procedury v ugovolnom sudoproizvodstve i ih primeneniye v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya. Avtoref. Kand. Diss. [Conciliation procedures in criminal proceedings and their application in the preliminary investigation stage. Autoabstract Cand. Diss.]. Krasnodar, 2012. 25 p.
6. Mil'tova E.V. Soglasitel'nye procedury v rossijskom ugovolnom processe. Avtoref. Kand. Diss. [Conciliation procedures in the Russian criminal procedure. Autoabstract Cand. Diss.]. Tyumen, 2011. 22 p.
7. Rimskoe chastnoye pravo [Roman private law]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009. 464 p.
8. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of Russian language]. Moscow, Az' Publ., 1995. 928 p.
9. Kalina V.F. Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 291 p.
10. Kornakova S.V., Sergeeva O.S. Logika dlya yuristov [Logic for lawyers]. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 179 p.
11. Luginets E.F. Ideya "protsessual'noy svobody" v kontekste kontseptsii differentsiatsii ugovolnogo sudoproizvodstva (na primere nekotorykh uproshchennykh sudebnykh proizvodstv) [The idea of "procedural freedom" in the context of the concept of differentiation of criminal proceedings (on the example of some simplified judicial proceedings)]. Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, 2015, no. 1 (29), pp. 288-292.
12. Kornakova S.V., Shcherbakov V.A. Sudeyskoe usmotreniye v ugovolnom sudoproizvodstve [Judicial discretion in criminal proceedings]. Rossiyskiy sud'ya – Russian judge, 2018, no. 10, pp. 18-22.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

НАЗЫРОВА Н.А., NAZYROVA N.A.,
nazyrovanatala1977@gmail.com nazyrovanatala1977@gmail.com
Кафедра общеправовой Chair of general legal training;
подготовки; East Siberian Institute
Восточно-Сибирский институт of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Lermontova St. 110,
664074, г. Иркутск, Irkutsk, 664074,
ул. Лермонтова, 110 Russian Federation

ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 173.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется проблема сложившейся практики направления в суд уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, предусмотренных статьей 173.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, только в случае полного признания вины обвиняемым. Не признавшее свою вину лицо избегает уголовной ответственности, иные «фирмы-однодневки», связанные финансовыми операциями с организацией, образованной через подставное лицо и попавшей в поле зрения правоохранительных органов, не выявляются, их деятельность не пресекается. Автором предложен алгоритм следственных действий, позволяющий максимально установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, для принятия обоснованного правового решения по уголовному делу, возбужденному по факту незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица, а также обнаружения иных аналогичных фактов преступной деятельности (как в рамках данного вида преступления, так и по другим экономическим преступлениям, для совершения которых происходит незаконное образование юридических лиц). Кроме того, определены направления взаимодействия следователя с сотрудниками органов дознания, а также межведомственного взаимодействия, в частности, с сотрудниками налоговых органов.

Ключевые слова: подставное лицо; реестр; государственная регистрация; алгоритм; следственное действие; юридическое лицо; взаимодействие; налоговый орган.

THE ISSUES CONCERNING THE INVESTIGATION OF THE CRIMES PROVIDED BY ARTICLE 173.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The author of the article analyzes the problem of the current practice of bringing the criminal cases initiated on the facts of committing crimes under article 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation to the court only in case the accused pleaded guilty. A person who has not pleaded guilty avoids criminal liability. The other "one-day firms", which are connected by financial transactions with the organization formed through the figurehead and most likely to come to the attention of law enforcement agencies, are not identified, their activities are not suppressed. The author proposes the algorithm of investigative actions which allows to establish the circumstances to be proved, for making a reasoned legal decision in a criminal case initiated on the fact of illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity, as well as establishing the other similar facts of criminal activity (both as the element of this type of crime and other economic crimes, the commission of which requires the illegal formation of legal entities). Besides, the areas of interaction of the investigator with the employees of the inquiry bodies, as well as interagency cooperation areas, in particular, the interaction with the employees of the tax authorities, are identified.

Keywords: figurehead; register; state registration; algorithm; investigative action; legal entity; interaction; tax authority.

Изучение практики расследования и вынесения приговоров по уголовным делам, возбужденным по фактам совершения преступлений в сфере экономики, свидетельствует о трудоемкости указанных процессов, сложностях доказывания, отсутствии достаточного количества квалифицированных сотрудников, способ-

ных осуществлять производство по данной категории уголовных дел, а также об имеющихся у них больших нагрузках. Как следствие, по данным делам нередко допускается затягивание, уголовные дела прекращаются в связи с недоказанностью; лица, которым удалось избежать уголовной ответственности, продолжают заниматься преступной деятельностью. Не является исключением следственная и судебная практика, которая сложилась в отношении уголовных дел, возбужденных по признакам преступления, предусмотренного ст. 173.1 УК РФ. Например, в 2016 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 935 сообщений о данных преступлениях, в 2017 г. — 2590, в 2018 г. — 4588. Однако количество уголовных дел, направленных в суд, составило: в 2016 г. — 130, в 2017 г. — 499, в 2018 г. — 708*. При этом большинство приговоров вынесено при условии признания подсудимыми себя виновными в полном объеме и поддержании ходатайства о рассмотрении уголовного дела в порядке особого производства.

Между тем для совершения любого крупного хищения используются «фирмы-однодневки», в которых искомые денежные средства «растворяются» путем транзита или обналичивания. Некоторые авторы видят решение проблемы избития «фирм-однодневок» в их выявлении и возбуждении уголовных дел по ст.ст. 173.1 и 173.2 УК РФ [1, с. 31-32]. Однако приведенная статистика свидетельствует о недостаточности простого увеличения количества выявления случаев совершения подобных преступлений и возбуждения по ним уголовных дел. Именно способность правоохранительных органов доказать в процессе расследования незаконное образование юридического лица позволит максимально вывести «фирмы-однодневки» из преступных схем и затруднить сокрытие незаконно полученных денежных средств. В связи с этим, безусловно, необходимы разработка более совершенной методики расследования данного вида преступления и создание алгоритма следственных действий, направленных на установление

обстоятельств образования юридического лица через подставных лиц, а также представления в налоговый орган сведений об указанных лицах, и привлечение всех виновных к уголовной ответственности. Методика расследования должна соответствовать темпу научно-технического прогресса, усложнению средств и форм фиксации и передачи информации, средств и форм коммуникации, механизму следообразования [2, с. 131].

Предложенный в настоящей статье алгоритм следственных действий для расследования преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ, предполагает доказывание объективной и субъективной стороны преступления, независимо от того, склонно ли подозреваемое лицо признать свою вину и дать признательные показания, что повышает эффективность расследования данного вида преступления [3, с. 216]. Условно данный алгоритм следует разделить на несколько взаимосвязанных блоков.

Первый блок включает в себя деятельность по межведомственному взаимодействию следственных органов с налоговыми органами:

— выемка регистрационного дела юридического лица, его осмотр, признание и приобщение к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Данные следственные и процессуальные действия позволяют обнаружить искомую информацию в отношении предполагаемого подставного лица (его анкетные, паспортные данные и местонахождение) и организации в целом (юридический и фактический адрес);

— направление запроса на выписку из Единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) в отношении юридического лица, получение и приобщение данной выписки с указанием сведений о директоре и учредителе. Выписка из ЕГРЮЛ является официальным документом, подтверждающим факт внесения в реестр сведений о подставных лицах;

— допрос специалиста — сотрудника Межрайонной инспекции федеральной налоговой службы России (далее — МИФНС России) относительно предусмотренного законодательством Российской Федерации порядка государственной регистрации юридических лиц, в том числе

* ГИАЦ МВД России: сайт. URL: <http://mvd.ru/mvd/structure/unit/giac>

порядка представления документов в регистрирующий орган и внесения сведений в ЕГРЮЛ. При допросе специалист укажет как общий порядок предоставления документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, так и порядок, которым воспользовались при образовании конкретной организации, интересующей органы предварительного следствия;

– допрос свидетеля – сотрудника МИФНС России, который непосредственно осуществил прием документов от заявителя для регистрации юридического лица (в случае данного способа предоставления документов в налоговый орган). При допросе подлежат выяснению внешние приметы заявителя, предоставившего документы; приметы окружения, если заявитель был в окружении других лиц. Требуется задавать вопросы, касающиеся особенностей поведения указанного лица, в частности, о том, как оно реагировало на задаваемые ему сотрудником налогового органа вопросы, свободно ли ориентировалось в предоставляемых документах и пр., подписывалось ли предоставляемое заявление о государственной регистрации в присутствии сотрудника налогового органа либо пакет документов изначально был сформирован в полном объеме и передан на регистрацию;

– изъятие видеозаписи путем производства выемки либо осмотра места происшествия с камер наблюдения, расположенных в помещении, на фасаде здания налогового органа, произведенной в день, когда осуществлялась подача документов с целью последующего принятия решений, связанных с регистрацией юридического лица, для ее дальнейшего осмотра и анализа на предмет установления лиц, вовлекших подставное лицо в незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица, и формирования в отношении их и подставного лица доказательственной базы.

По изъятым документам, представленным заявителем, в обязательном порядке требуется назначить почерковедческую судебную экспертизу с целью установления факта подписания их заявителем или от его имени другим лицом.

Кроме того, в случае нотариального удостоверения подписи заявителя на до-

кументах, предназначенных для государственной регистрации юридического лица, необходимо решить вопрос о допросе нотариуса об обстоятельствах данного удостоверения подписей и выемке реестра регистрации нотариальных действий либо нотариальной доверенности.

В случае выявления признаков преступления налоговыми органами и направления ими материалов в правоохранительные органы для принятия правового решения задачи следственных органов по установлению обстоятельств выполнения объективной стороны преступления несколько упрощаются. ФНС России разработаны методические рекомендации*, в соответствии с которыми налоговые органы прилагают к направляемому материалу:

– полные сведения о юридическом лице, образованном с участием подставных лиц, включая сведения о лице, являющемся заявителем при представлении в налоговый орган документов;

– копии документов юридического лица, указывающих на признаки преступления, а также копии, на основании которых в ЕГРЮЛ внесены сведения о юридическом лице (заявление по форме, утвержденной уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, в котором подтверждается достоверность представляемых сведений и которое является основанием для государственной регистрации юридического лица; решение учредителя о создании юридического лица (включая сведения об учреждении юридического лица, об утверждении его устава, об определении его местонахождения и о назначении директором) в виде протокола, договора или иного документа в соответствии с законодательством Российской Федерации; учредительный доку-

* Методические рекомендации по оформлению материалов, направляемых в правоохранительные органы при обнаружении обстоятельств, указывающих на признаки преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 170.1, статьями 173.1 и 173.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (приложение N 1 к письму ФНС России от 28.01.2014 N СА-4-14/1215, в ред. от 11.01.2019 N ГД-4-14/157). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мент юридического лица (устав или учредительный договор), документ по уплате госпошлины*);

— описание предусмотренного законодательством Российской Федерации порядка государственной регистрации для юридических лиц в виде определенной справки, подготовленной уполномоченным сотрудником налогового органа.

Первый блок данного алгоритма является основным. Он позволяет установить объективную сторону преступления, а именно факт совершения действий по предоставлению документов, содержащих сведения о подставном лице, в уполномоченный орган для регистрации юридического лица. В его рамках следователь может решить сразу несколько важных вопросов, а именно:

1) установить подставное лицо, поскольку все сведения о нем изначально содержатся в документах, предоставляемых налоговым органом;

2) установить факт подписания подставным лицом соответствующих документов по результатам проведения почерковедческой судебной экспертизы;

3) установить непосредственных участников преступления в случае сопровождения ими подставного лица путем допроса сотрудника, осуществляющего прием документов, и осмотра изъятой видеозаписи, установления информации о том, кто осуществлял оплату государственной пошлины, если оплата происходила с банковской карты.

Второй блок включает в себя работу с подставным лицом:

— допрос подставного лица и выяснение следующих вопросов: было ли осведомлено лицо о том, что в ЕГРЮЛ вносятся сведения о подставном лице, и какая при этом преследовалась цель; круг лиц, вовлеченных для незаконного образования юридического лица через подставное лицо, роль каждого из участников (в частности, кто предложил, что пообещал, с кем общался при подписании документов, кто возил к нотариусу, в МИФНС России, опла-

чивал госпошлину, кому передал документы по зарегистрированному юридическому лицу и т.д.); известен ли ему механизм создания юридического лица и может ли он его пояснить, откуда ему известны эти сведения, кто и где осуществлял подготовку документов, необходимых для регистрации, заказывал печать организации и т.д.; что известно о фактической деятельности предприятия, образованного через подставное лицо, кто руководил, имел доступ к денежным средствам и распорядился ими, где оно находилось, каков штат сотрудников, подписывались ли текущие документы, где, при каких обстоятельствах и т.д.; какое вознаграждение он получил за указание его в качестве учредителя (участника) юридического лица или его органа управления, получал ли еще какие-либо вознаграждения, за какие действия, кто и каким способом выплачивал данные вознаграждения и т.д. В процессе допроса подставного лица важно установить все существовавшие контакты, в которых совместно с ним при сборе и предоставлении документов для государственной регистрации юридического лица принимали участие вовлекшие его в это лица.

Необходимо уделить должное внимание данному следственному действию, используя фактор внезапности для выяснения всех интересующих вопросов, имеющих значение для сбора доказательств, а также планированию дальнейших следственных действий и правильной квалификации. В ходе данного допроса рекомендуется использовать технические средства для видеофиксации показаний. После первого допроса подставного лица в уголовное дело часто «вступает» адвокат, действующий по соглашению, нанятый лицами, причастными к незаконному образованию (созданию, реорганизации) юридического лица, желающими избежать уголовной ответственности. В результате подставное лицо, выбирает для себя предложенную стороной защиты линию поведения, направленную на отказ от дачи показаний (пользуясь ст. 51 Конституции Российской Федерации), отрицание первоначальных показаний, либо признает их полностью, берет вину на себя единолично или ссылается на якобы неизвестных лиц, скрывая данные;

* О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 авг. 2001 г. N 129-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 33 (ч. I). Ст. 3431.

– проведение обыска по месту жительства подставного лица (по всем известным адресам) с целью обнаружения печатей, штампов, бланков организации, документов о деятельности, банковских счетов, выписок о движении денежных средств, сведений о расходовании и учете денежных средств, контактах, сотрудниках организации, черновых записей, касающихся деятельности организации, и т.д. В процессе проведения обыска также целесообразно изначально отыскивать и изымать документы, оформленные им собственноручно, которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве свободных образцов почерка при назначении судебной экспертизы;

– получение образцов почерка, подписи для сравнительного исследования с целью использования их в проведении почерковедческой судебной экспертизы по изъятым в налоговом органе оригиналам документов;

– выемка средств сотовой связи и их осмотр на предмет установления контактов за период, связанный с созданием и деятельностью юридического лица;

– поручение в орган дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий по установлению круга общения подставного лица, в том числе контроля и записи переговоров (для ч. 2 ст. 173.1 УК РФ), с целью установления лиц, вовлекших его в незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица, установление иных аналогичных фактов причастности подставного лица к незаконным образованиям;

– проведение аналогичных следственных действий в отношении лиц, установленных как вовлекших подставное лицо в незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица, очных ставок между всеми соучастниками.

Изучение обвинительных заключений по уголовным делам, находившимся в производстве следственных подразделений Иркутской области, свидетельствует о положительной практике проведения в жилище обысков, не терпящих отлагательства, на основании постановления следователя без получения судебного решения, в ходе которых изымались счета-фактуры для подтверждения фиктивных сделок,

ноутбуки, используемые для совершения операций по расчетным счетам незаконно образованных юридических лиц, электронные подписи, документы, связанные с регистрацией юридического лица в налоговых органах, полученные от подставных лиц, и т.д. Данные доказательства впоследствии позволяли подтвердить связь между подставным лицом и лицами, которые указаны им как вовлекшие в незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица.

Рассмотренные следственные и процессуальные действия направлены на установление наиболее полной картины происшедшего, сведения о которой имеет подставное лицо как непосредственный ее участник. В случае установления психологического контакта с подставным лицом и его готовности сотрудничать с органами предварительного следствия могут быть получены необходимые данные об участниках преступления и договоренностях между ними, истинных целях создания юридического лица; обстоятельствах, связанных с действиями, предшествующими подаче документов в регистрирующий орган (а именно: кто готовил документы, где их подписывали, с кем ездили, осуществлялась ли их подделка и т.д.); обстоятельствах, связанных с событиями после создания юридического лица через подставное лицо (кто руководил, чем занимались и т.д.); мотивах и целях подставного лица, давшего согласие оформить его в качестве учредителя (участника) юридического лица либо как органа управления. Если подставное лицо отказывается давать какие-либо показания, не отрицая факт подписания документов о создании юридического лица, то его дополнительный допрос тактически правильно строить на основе полученных доказательств по результатам проведения следственных действий и мероприятий в рамках третьего и четвертого предложенных блоков.

В связи с вышеизложенным третий блок следственных действий, на наш взгляд, должен быть направлен на проверку деятельности незаконно образованного юридического лица:

– запрос в Росфинмониторинг в целях выявления операций (сделок), связанных с легализацией (отмыванием) дохо-

дов, полученных преступным путем, истребование ответа;

– выемка документов по текущей финансовой деятельности (как у проверяемого незаконно образованного юридического лица, так и у контрагентов), их осмотр и анализ, признание и приобщение к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств;

– выемка в банке юридического лица, сведений о движении денежных средств за период деятельности организации, их осмотр и анализ, признание и приобщение к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Например, Волгодонским районным судом Ростовской области вынесен обвинительный приговор в отношении подсудимого Х., не признавшего свою вину в совершении незаконного образования юридического лица*. Судом была дана критическая оценка показаниям подсудимого Х. о создании им ООО (N 1) со свидетелем У. для оказания юридических услуг ОАО, поскольку в судебном заседании установлено, что юридические услуги данному ОАО оказывались другими ООО (N 2, 3) и необходимости в создании ООО (N 1) не было. После регистрации ООО (N 1) какие-либо действия, направленные на организацию работы юридического лица, предприняты не были. Факт незаконности образования юридического лица, целью которого не было осуществление юридической деятельности, подтверждается также движением денежных средств по расчетным счетам ООО (N 1), на которые поступали деньги исключительно от ОАО, а впоследствии обналичивались и передавались Х., который ранее являлся руководителем ОАО;

– допрос сотрудника банка, принимавшего участие в открытии, обслуживании банковского счета, в рамках которого требуется выяснить вопросы по обстоятельствам обращения подставного лица для открытия счета, об используемых им контактах, с кем приходил в банк, насколько полно владел информацией по

открытию счета, компетентно ли задавал вопросы сотрудникам банка и отвечал сам на их вопросы, существовали ли какие-либо особенности в его поведении и пр.;

– установление штата сотрудников, учредителей (участников) юридического лица либо органа управления юридического лица, их детальный допрос по деятельности организации в целом и фактической работе в ней подставного лица, кем последний был рекомендован, с кем проходил собеседование, какими должностными обязанностями был наделен, как отчитывался по выполненной работе, какой заработок имел и каким образом он выплачивался, соответствовал ли занимаемой должности и пр.;

– установление контрагентов и их допрос о наличии хозяйственных операций с проверяемой фирмой с обоснованием перечисления либо получения от нее денежных средств, изъятие подтверждающей документации, выяснение вопросов о лицах из организации, созданной через подставное лицо, контакты с которыми осуществлялись в процессе взаимодействия, в том числе непосредственно о подставном лице, получение сведений о номерах их телефонов и об адресах электронной почты;

– очные ставки между подставным лицом, учредителями, штатными сотрудниками организации, контрагентами, сотрудниками налоговых органов при необходимости;

– обыск офиса по юридическому адресу незаконно образованного (созданного, реорганизованного) юридического лица, допрос арендодателя с целью выяснения того, кто именно обращался к нему за гарантийным письмом, какие его контакты сохранились, располагалась ли фирма действительно по указанному адресу, и др.

Анализ выписок о движении денежных средств и документов по текущей финансовой деятельности позволяет не только собрать доказательственную базу об отсутствии реальной деятельности организации либо осуществлении какой-либо деятельности через подставное лицо, но и выявить другие «фирмы-однодневки», аналогично занимающиеся транзитом и обналичиванием денежных средств.

* Приговор N 1-231/2018 от 29 июня 2018 г. по делу N 1-231/2018 Волгодонского районного суда Ростовской области // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru>

Нельзя не отметить также исторически сложившуюся важную роль заключений судебных экспертиз для раскрытия и расследования преступлений на основе научного подхода [4, с. 155]. При расследовании незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица предлагается проведение, помимо ранее указанной почерковедческой, финансово-экономических и компьютерно-технических судебных экспертиз [5, с. 90].

Безусловно, установлением доказательственной базы в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий по поручению следователя должны заниматься также сотрудники подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК), так как данный вид преступления – «вершина айсберга», который скрывает в себе ряд более серьезных экономических преступлений.

Также при расследовании уголовного дела целесообразно истребовать информацию о вступивших в законную силу решениях арбитражного суда в отношении проверяемой организации и использовать их и имеющие в суде документы для проведения ревизии финансово-хозяйственной деятельности или документальной проверки [6, с. 38].

В заключительный блок при расследовании уголовного дела входит сбор характеризующих сведений о подставном лице, включая информацию об улучшении его материального благополучия с момента представления документов в регистрирующий орган для незаконного образования юридического лица, а также об имеющемся образовании, окончанных курсах, чтобы проверить версию о возможности управления им организацией, ведения хозяйственной деятельности, бухгалтерского учета (при отсутствии иных сотрудников в штате). Если в результате получения ответов на запросы в банки будет получена информация об открытии счетов на имя подставного лица, то движение денежных средств по ним также требуется проверить с целью выяснения источника их пополнения и возможных фактов оплаты кредитов в период создания и деятельности организации.

Чаще всего подставными лицами выступают малообеспеченные граждане, ко-

торые за денежное вознаграждение представляют документы, удостоверяющие личность, для регистрации юридического лица. Из следственных действий представляется целесообразным проводить допрос близких родственников с выяснением вопросов о том, что известно о создании юридического лица, намерениях осуществлять в нем управление; имел ли возможность для осуществления управления, чем занимался; имел ли источник дохода, как изменилось его материальное положение за исследуемый период, осуществлял ли какие-либо покупки, приносил ли деньги; с кем общался, кто мог предложить незаконно образовать (создать, реорганизовать) юридическое лицо; предлагал ли другим лицам за денежное вознаграждение представлять свои документы для регистрации юридического лица и т.д. Чем больше подобных фактов удастся установить, тем достовернее и полнее будет доказательственная база в отношении лиц, вовлекавших подставных лиц в незаконное образование. При установлении последних также требуется в полном объеме собрать характеризующий материал.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Сбор доказательственной базы для установления причастности конкретного лица (группы лиц) к незаконному образованию (созданию, реорганизации) юридического лица должен быть в полной мере основан на принципах законности, полноты, всесторонности, объективности, творческой инициативы, в связи с этим предложен алгоритм следственных действий, направленный на изменение сложившейся практики направления в суд исключительно уголовных дел, в которых подставное лицо признало свою вину, дав признательные показания о том, что за вознаграждение от неизвестных лиц предоставило свои сведения для внесения их в ЕГРЮЛ как учредителя (участника) или органа управления юридического лица без отсутствия цели управления им. При этом установление лиц, которые вовлекли его в совершение этих действий и фактически осуществили вышеуказанное незаконное образование юридического лица, часто даже не начинается после заявления под-

ставного лица, что ему неизвестны их контактные данные, забыты приметы и пр.

2. Эффективному достижению цели установления истины по делу, в том числе изобличения всех виновных в незаконном образовании (создании, реорганизации) юридического лица, способствует взаимодействие как между следователями и оперуполномоченными ЭБиПК, так и межведомственное взаимодействие сотрудников правоохранительных органов с налоговыми органами. Примером межведомственного взаимодействия по выявлению дополнительных фактов преступной деятельности могут также являться подготавливаемые налоговыми органами аналитические справки по результатам налоговых проверок в отношении незаконно образованных юридических лиц, в которых отражаются: факты совпадения юридических адресов организаций; совмещение работы руководителя организации с иными должностями (медсестры, грузчика, сторожа-вахтера и т.д.); совпадение IP-адресов, используемых различными организациями, и т.д. В крупных городах на одно подставное лицо может быть зарегистрировано несколько десятков организаций.

3. Расследуя указанный вид преступления, нельзя ограничиваться выяснением обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках исключительно одного факта незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица. Как уже отмечалось, целью создания поддельного юридического лица наиболее часто является осуществление деятельности

по сокрытию и легализации незаконных доходов, полученных преступным путем. Кроме того, подставные лица часто начинают вовлекать в незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица круг своих знакомых, в связи с этим уже сами подлежат привлечению к уголовной ответственности по ст. 173.1 УК РФ*.

Нельзя не согласиться с мнением ученых-правоведов [7, с. 86] о том, что применение лишь уголовно-правовых мер борьбы без выяснения причин и условий возникновения теневой экономики и поиска путей для их устранения не позволит должным образом справиться с ростом преступности в данной сфере. Предложенный алгоритм не является исчерпывающим средством для изменения сложившейся ситуации. Однако каждая ветвь власти должна приложить свои усилия для эффективного развития государства, в том числе его экономической деятельности, и не последнюю роль в этом будут играть сотрудники правоохранительных органов как представители исполнительной власти, умело применяющие нормы уголовного и уголовно-процессуального права, а также научно обоснованные рекомендации частных криминалистических методик [8, с. 7] и науки криминалистики в целом.

* См., например: Приговор N 1-266/2018 от 20 июня 2018 г. по делу N 1-266/2018 Мотовилихинского районного суда г. Перми // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <https://sudact.ru>

Список литературы

1. Шахматов А.В., Родичев М.Л. Некоторые проблемы привлечения к уголовной ответственности за создание «фирм-однодневок» и возможные пути их решения // Журнал правовых и экономических исследований. 2013. N 4. С. 26-32.
2. Черепанова Л.В. Следственные действия, какими им быть? // Алтайский юридический вестник. 2019. N 1 (25). С. 128-132.
3. Малянова К.П. Общие положения криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. N 3 (86). С. 214-219.
4. Грибунов О.П. 100-летие экспертно-криминалистической службы МВД России: вехи истории // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. N 2 (89). С. 155-162.
5. Малянова К.П. Проведение судебных экспертиз в процессе расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица // Юрист-правовед. 2018. N 2 (85). С. 88-92.
6. Науменко О.А. Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконного образования юридического лица // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. N 1 (31). С. 36-40.

7. Белохребтов В.С. Противодействие преступлениям, связанным с незаконным обналичиванием денежных средств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. N 4-2. С. 82-87.

8. Варданян А.В., Кулешов Р.В. К вопросу о принципах формирования частных криминалистических методик // Российский следователь. 2015. N 22. С. 7-13.

References

1. Shahmatov A.V. Rodichev M.L. Nekotorye problemy privlecheniya k ugovnoy otvetstvennosti za sozdanie "firm-odnodneвок" i vozmozhnye puti ih resheniya [Some problems of criminalizing the creation of "one-day firms" and possible solutions]. Zhurnal pravovyh i ekonomicheskikh issledovaniy – Journal of legal and economic studies, 2013, no. 4, pp. 26-32.

2. Cherepanova L.V. Sledstvennye deystviya, kakimi im byt'? [Investigative actions, what should they be?]. Altayskiy yuridicheskiy vestnik – Altai Legal Bulletin, 2019, no. 1 (25), pp. 128-132.

3. Malyanova K.P. Obshchie polozheniya kriminalisticheskoy harakteristiki prestupleniy, svyazannyh s nezakonnym obrazovaniem (sozdaniem, reorganizatsiy) yuridicheskogo litsa [General provisions of the forensic characteristics of crimes related to the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 3 (86), pp. 214-219.

4. Gribunov O.P. 100-letie ekspertno-kriminalisticheskoy sluzhby MVD Rossii: vekhi istorii [The 100th anniversary of the forensic service of the Ministry of Internal Affairs of Russia: milestones in history]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 2 (89), pp. 155-162.

5. Malyanova K.P. Provedenie sudebnyh ekspertiz v protsesse rassledovaniya prestupleniy, svyazannyh s nezakonnym obrazovaniem (sozdaniem, reorganizatsiy) yuridicheskogo litsa [Conducting forensic examinations in the process of investigating crimes related to the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity]. Yurist"-pravoved" – Legal Lawyer, 2018, no. 2 (85), pp. 88-92.

6. Naumenko O.A. Osobennosti vzbuzhdeniya ugovnogo dela po faktu nezakonnogo obrazovaniya yuridicheskogo litsa [Features of a criminal case on the illegal formation of a legal entity]. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 1 (31), pp. 36-40.

7. BelohrebtoV.V.S. Protivodeystvie prestupleniyam, svyazannym s nezakonnym obnalichivaniem denezhnyh sredstv [Combating illegal cashing offenses]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki – News of Tula State University. Economic and legal sciences, 2017, no. 4-2, pp. 82-87.

8. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. K voprosu o principah formirovaniya chastnyh kriminalisticheskikh metodik [Counteraction to the crimes connected with illegal cash withdrawal]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2015, no. 22, pp. 7-13.

Раздел 9. Компаративистика и зарубежный опыт

ДЕСЯТОВА О.В., кандидат юридических наук, доцент, olya.desyatova.80@mail.ru Кафедра организации охраны общественного порядка; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75	DESYATOVA O.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, olya.desyatova.80@mail.ru Chair of public order maintenance; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
--	--

ИНСТИТУТ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставления уголовного законодательства Российской Федерации, Болгарии, Латвии, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Голландии, Китая, Великобритании, США, ФРГ в части регламентации такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Отмечено большое сходство соответствующих положений уголовного законодательства стран СНГ, что обусловлено единством правовой базы, сформированной в советский период. Выявлены проблемы, возникающие в связи с применением норм рассматриваемого института. Анализ правоприменительной практики показал, что не всегда оценивается субъективная сторона действий лица, осуществлявшего задержание. Это приводит к неправильной квалификации его действий как в случае заблуждения относительно обоснованности задержания, так и при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Названы критерии правомерности задержания лица, совершившего преступление, даны рекомендации по квалификации действий при реальном причинении вреда задерживаемому лицу, в том числе при наличии фактической ошибки.

Ключевые слова: задержание лица, совершившего преступление; необходимая оборона; причинение вреда; превышение мер; сравнительно-правовой анализ; квалификация действий; степень общественной опасности.

THE INSTITUTION OF CAUSING HARM DURING APPREHENDING THE PERSON WHO COMMITTED A CRIME IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FOREIGN COUNTRIES

Annotation. The article presents the results of the comparative legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, Bulgaria, Latvia, Ukraine, Belarus, Azerbaijan, the Netherlands, China, Great Britain, the USA, and the Federal Republic of Germany concerning the regulation of such circumstance excluding the criminality of the act as causing harm during apprehending the person who committed the crime. There is a great similarity of the relevant provisions of the criminal legislation of the CIS countries, determined by the unity of the legal framework formed in the Soviet period. The problems arising when applying the norms of the considered institution are revealed. The analysis of law enforcement practice showed that the subjective side of the actions of the person who carries out the apprehension is not always evaluated. This leads to incorrect qualification of his (or her) actions both in the case of the person's delusion regarding the validity of apprehending, and in case of exceeding the measures necessary to apprehend the person who committed the crime. The criteria of legality of apprehending the person who has committed the crime are presented. Recommendations on qualification of actions in case of causing harm to the apprehended person, including the actual error, are given.

Keywords: apprehending the perpetrator of crime; necessary defense; causing harm; excess of measures; comparative legal analysis; qualification of actions; degree of public danger.

Споры, которые длительное время велись в отечественной уголовно-правовой литературе, о необходимости выделения причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, из института необходимой обороны, в самостоятельный институт, и все, что с ним связано, в том числе возмещение причиняемого вреда, привели к появлению в Уголовном кодексе Российской Федерации самостоятельной нормы в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, а именно статьи 38 «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Однако появление нормы, в которой, в частности, предпринята попытка регламентации вопроса о превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, и об условиях правомерности причинения вреда, не решили накопившихся проблем, связанных с единообразным решением вопроса о правомерности причинения смерти в процессе задержания, об оценке мнимого задержания, условий правомерности задержания в части применения мер по задержанию лица, совершившего преступление. В первую очередь это связано с оценочным характером данной нормы.

Следует также обратить внимание на несоответствие регламентации задержания лица, совершившего преступление, в уголовном праве и в других отраслях права, что существенным образом затрудняет ее практическую реализацию. Например, в ст. 38 УК РФ установлены цели задержания, в ст. 91 УПК РФ содержатся основания задержания лица по подозрению в совершении преступления, ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») закрепляет лишь право полиции на задержание конкретных лиц*. Что касается статуса задерживаемого лица, то он тоже отличается: согласно уголовному законодательству это лицо, совершившее преступление; в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством – лицо, подозреваемое

в совершении преступления. В ФЗ «О полиции» содержится перечень лиц, которых в той или иной ситуации полиция имеет право задерживать. При этом выделяется только уголовно-процессуальное и административное задержание (ч. 2 ст. 14). Уголовно-правовое задержание, на наш взгляд, не нашло отражения в указанной норме.

Характеристика причиняемого при задержании вреда, условия правомерности его причинения, а также последующей ответственности на сегодняшний день составляют круг вопросов, решение которых имеет немаловажное значение. Верховный Суд Российской Федерации, обобщая судебную практику применения положения ст. 38, ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК РФ, отмечает, что, несмотря на их редкое применение, у судов возникают сложности «с выяснением наличия обстоятельства, исключающего преступность деяния при задержании преступника, и факта превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»**.

Государство предоставляет право фактически любому гражданину задерживать совершившее преступление лицо, но при этом устанавливает пределы мер, необходимые для задержания, тем самым распространяя уголовно-правовую охрану и на лицо, совершившее преступление. С одной стороны, это создает определенные гарантии освобождения от необоснованного привлечения к ответственности за такой вред, с другой – является для лица, совершившего преступление, гарантией защиты от возможного самосуда и расправы [1, с. 114].

Интересным в этом отношении представляется современный зарубежный опыт законодательного урегулирования вопроса о причинении вреда лицу, совершившему преступление. Например, в соответствии с уголовным законодательством Республики Болгария «не является общественно опасным причинение вреда лицу, совершивше-

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ; ред. от 18 июля 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; 2019. N 29. Ст. 3849.

** Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

му преступление, при его задержании для передачи органам власти и предотвращения возможности совершения им нового преступления, если задержать такое лицо иными средствами не представлялось возможным и при этом не было допущено превышение необходимых и предусмотренных мер» [2, с. 33]. В части 2 ст. 12 (а) УК Республики Болгария также указываются пределы правомерности причиняемого вреда. При этом рамки этого вреда должны соответствовать характеру и степени общественной опасности совершаемого преступления, его причинение должно обуславливаться обстоятельствами задержания. Следует также указать на то, что ответственность за превышение пределов задержания возможна лишь в случае умышленных действий задерживающего. Таким образом, уголовное законодательство Республики Болгария и уголовное законодательство Российской Федерации в части регламентации вопроса причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, совпадают.

Вред, причиняемый при задержании лица, совершившего преступление, практически всегда признается самостоятельным основанием освобождения от уголовной ответственности в ряде республик бывшего СССР. Например, в ст. 31 УК Латвийской Республики указывается, что причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании является правомерным действием, исключающим уголовную ответственность [3, с. 148]. Исключение составляют лишь случаи умышленного причинения вреда, который не был вызван обстановкой задержания, степенью «неподчинения и сопротивления» [4, с. 70-71].

Аналогичным образом сформулирована норма о причинении вреда при задержании и в УК Украины [5, с. 70]. Особенностью данной нормы, на наш взгляд, является указание на тяжесть последствий в результате превышения мер, необходимых для задержания, а также перечень статей Особенной части, по которым наступает ответственность в случае такого превышения.

Регламентация данного вопроса в Уголовном кодексе Республики Беларусь по основным признакам полностью совпадает с отечественным уголовным законодатель-

ством, а ст. 35 УК Республики Беларусь практически идентична ст. 38 УК РФ [6, с. 109].

Нормы, регулирующие вопрос о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, имеются и в УК Азербайджанской Республики, ст. 37 которого так и называется — «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление». Основными характерными признаками причинения вреда являются устанавливаемые в рамках статьи пределы допустимости этого вреда, невозможность осуществления задержания иными способами, а также умышленный характер действий при превышении пределов, необходимых для задержания [7, с. 63-64].

В целом, анализ законодательства республик бывшего СССР позволяет выявить сходство норм, регламентирующих вопросы, связанные с причинением вреда лицу, совершившему преступление. Как правило, все они совпадают по своему содержанию и основным признакам со ст. 38 УК РФ.

Однако не все уголовные кодексы зарубежных стран регламентируют вопросы причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Например, согласно уголовному законодательству Голландии и Китая институт задержания не рассматривается как самостоятельное основание, исключающее преступность деяния. Причинение вреда при задержании, а также вопросы, связанные с его возмещением в случае наличия признаков превышения мер, необходимых для задержания, полностью рассматриваются в рамках необходимой обороны, о чем свидетельствуют ст. 41 УК Голландии [8, с. 73] и ст. 20 УК Китайской Народной Республики [9, с. 22-23].

В законодательстве Великобритании отсутствует перечень всех обстоятельств, исключающих преступность деяния, однако в имеющемся их примерном перечне причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, отсутствует. В уголовном праве данного государства речь идет о необходимой обороне и предупреждении преступлений, где критерии причиняемого вреда полностью определяются по правилам о необходимой обороне [10, с. 136-137].

Аналогичная ситуация и в уголовном праве США, где институт причинения вреда при задержании лица, совершившего

преступление, рассматривается в рамках правил применения насилия для защиты других граждан. Разделение необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, зависит от того, кто и кого защищает. Если лицо защищает самого себя, свои собственные интересы, то это необходимая оборона, если защищает третьих лиц, то это применение насилия для защиты других лиц или причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление [11, с. 82-83].

В уголовном праве ФРГ институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, предусмотрен в двух обстоятельствах, исключающих противоправность деяния. Во-первых, это необходимая оборона, а во-вторых — это причинение вреда при правомерном аресте либо с целью предотвращения побега лица, законно содержащегося под стражей. Как видно, возникновение права на реализацию последнего обстоятельства возможно лишь в определенных случаях.

В уголовном законодательстве Российской Федерации в результате исторического развития формирование норм о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, как самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, произошло лишь к 1996 году. Следовательно, одной из основных тенденций его развития является постепенное выделение данного обстоятельства из необходимой обороны, формирование его в самостоятельное обстоятельство, исключающее преступность деяния, наполненное собственным содержанием, обладающее присущими только ему признаками и установленными законом пределами правомерности [12, с. 6].

Границы допустимости причинения вреда при задержании устанавливает ч. 1 ст. 38 УК РФ. При этом оценка правомерности насильственного задержания лица, совершившего преступление, должна устанавливаться с учетом всех обстоятельств дела в их совокупности.

Прежде всего, целями задержания в соответствии со ст. 38 УК РФ являются:

- доставление лица, совершившего преступление, органам власти;
- пресечение возможности совершения им новых преступлений.

Чувство обиды и оскорбленного самолюбия не может лежать в основе причиняемого совершившему преступление лицу вреда. Отступление от целей задержания, указанных в ст. 38 УК РФ (например, когда задержание совершившего преступление преследует цель расправы над ним или отмщения), влечет признание действий задерживающего неправомерными, которые в случае причинения смерти не могут быть квалифицированы по ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Например, в литературе описан такой случай: «услышав крик женщины, А. выбежал из дома и увидел, что в кустах кто-то есть. А. бросился на помощь и увидел, что двое подростков пытаются изнасиловать женщину — жену его соседа М. А. схватил подростков, привел их в дом к М. и рассказал ему о случившемся, после чего А. и М. стали жестоко избивать их, а затем избитых бросили на улице» [13, с. 20]. Такое поведение в случае наступления смерти подростков исключает квалификацию содеянного по ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Основанием возникновения права на задержание преступника, а соответственно, и на причинение ему вреда является преступление, то есть виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ). «Задержание преступника»* — понятие несколько условное в том плане, что оценку лица как преступника может дать только суд путем вынесения обвинительного приговора. О задержании преступника в буквальном смысле можно говорить лишь в случаях, когда задерживается лицо, совершившее побег после вынесения приговора суда. С позиции задач уголовного закона необходимо задерживать не только преступников, но и лиц, которые еще не признаны таковыми, но совершили общественно опасные деяния либо пытаются это сделать [14, с. 293].

В связи с этим спорным является вопрос о том, достаточно ли для правомерности задержания, чтобы посягательство было общественно опасным лишь по своим объективным чертам или оно должно быть непременно преступным [15, с. 112-115].

* Этим понятием оперировали некоторые авторы до принятия УК РФ.

Сравнение содержания ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» и ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» делает очевидным то, что необходимая оборона допускается при защите от общественно опасного посягательства, тогда как причинение вреда возможно лишь при задержании лица, совершившего преступление. Преступление – это не только объективно опасное, но и обязательно виновное действие. Следовательно, нельзя считать безразличными для задерживающего невменяемость или недостижение возраста уголовной ответственности лицом, совершившим общественно опасное деяние.

Однако такой подход, продиктованный буквой закона, сопряжен с немалыми трудностями. Во-первых, невменяемость и недостижение возраста уголовной ответственности не всегда бывают очевидными, что затрудняет правовую оценку причинения вреда лицу, которое не может быть субъектом преступления. Во-вторых, даже к лицам, которые совершили общественно опасные деяния и при этом не являлись субъектами преступления, необходимо применение соответствующих мер медицинского или воспитательного характера, реализация которых возможна лишь в случае доставления их в соответствующие учреждения. Видимо, неизбежный вред, причиненный им в процессе такого доставления, будут оценивать в рамках института крайней необходимости.

Кроме того, возникает вопрос о квалификации действий задерживающего в случае ошибки относительно обоснованности задержания. Показательными являются результаты проведенного Н. Скорилкиной и П. Коломенским опроса среди сотрудников органов внутренних дел. На вопрос о том, приходилось ли когда-либо при исполнении служебных обязанностей быть очевидцами преступного деяния, 25 % респондентов затруднились ответить [16, с. 33-35].

Такой ответ может свидетельствовать о том, что опрошенные не очень хорошо знают признаки преступления и, соответственно, не могут отличить преступное посягательство от иных видов противоправного поведения, например от административного правонарушения. Из этого следует,

что при совершении в их присутствии того или иного противоправного деяния возможно затруднение в выборе адекватных ему необходимых и достаточных мер по задержанию правонарушителя.

Еще более сложная ситуация возникает при попытках задержания вероятных преступников частными лицами. Их представления о преступности деяния лица, дающие им право на насильственное задержание, основаны на отрывочных знаниях. Не вызывает сомнений правомерность задержания лиц, совершивших убийство или посягнувших на чужое имущество. Напротив, трудно определить уголовно наказуемый характер самоуправства или экологических преступлений. Здесь возможны ошибки, а уголовный закон не гарантирует заблуждающимся безусловную защиту.

Естественно, что причинение вреда лицу, совершившему административный проступок или допустившему невинное причинение вреда, не может быть оправдано согласно ст. 38 УК РФ, а значит, причинение смерти такому лицу не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 108 УК РФ [14, с. 112].

Необходимые условия, характеризующие причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, соблюдены, если:

- задержать это лицо иными средствами было невозможно;
- необходимые для этого меры не превышены.

Вопрос о наличии или отсутствии возможности задержать лицо, совершившее преступление, иными средствами должны решать в каждом конкретном случае следственные и судебные органы, исходя из обстоятельств дела. В тех случаях, когда совершивший преступление подчиняется требованиям задерживающего лица, насиле в отношении его будет излишним. В такой ситуации допустимо лишь применение действий с целью воспрепятствования возможному побегу задержанного при доставлении его в органы власти (например, можно связать ему руки на время следования в орган власти или закрыть в помещении до прихода представителей власти и т.д.).

По приговору Зеленоградского районного суда г. Москвы от 30 марта 2015 г.

инспектор ДПС Н. был осужден по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Действия Н. при задержании лица, пытавшегося в составе группы из трех человек вскрыть банкомат, были расценены как превышение мер, необходимых для задержания. Суд первой инстанции указал, что Н., действуя умышленно, явно выходя за пределы своих полномочий, без надлежащих на то оснований применил насилие, выразившееся в нанесении ранее задержанному им и находившемуся на полу в положении лежа, не оказывающему сопротивления гражданину С. двух ударов ладонью в область затылочной части головы, от которых тот ударился лицом о пол. В результате С. были причинены физическая боль и телесные повреждения в виде закрытого перелома костей носа со смещением, повлекшие легкий вред здоровью.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, напротив, обоснованно посчитала, что при нанесении указанных ударов по затылку задержанного С., пытавшегося встать, Н. действовал с учетом создавшейся обстановки, которая давала основания полагать, что совершено преступление и промедление в применении к С. силы, с учетом поведения последнего, создает непосредственную угрозу жизни и здоровью сотрудника полиции, о чем свидетельствовали место, время, количество задерживающих и задерживаемых лиц, вооруженность последних*.

Несмотря на то, что своевременность задержания не включена законодателем в число факторов, определяющих правомерность причинения вреда при задержании преступника, ее значение нельзя не учитывать. В УК РФ не содержится ответ на вопрос о временных границах задержания лица, совершившего преступление, сопряженного с причинением ему вреда.

В связи с этим представляется актуальным вопрос о моменте возникновения права на задержание и, соответственно, на причинение вреда. М.И. Якубович на

вопрос о том, является ли основанием для задержания преступника покушение на преступление или совершение подготовительных действий к совершению преступлений, дает положительный ответ [17, с. 52]. По его мнению, основания для применения насильственных мер к задерживаемому лицу существуют на любой стадии развития его преступной деятельности.

Что касается конечного момента задержания, то, обращаясь к истории, можно назвать ст. 15 УК Украинской ССР, которая содержала указание на то, что действия, направленные на задержание лица, совершившего преступление, должны быть совершены непосредственно после общественно опасного посягательства. Думается, что такая формулировка была по меньшей мере спорной. Лицу нередко удается скрыться сразу после совершения преступления, а спустя некоторое время потерпевший или сотрудники полиции опознают его. Вряд ли есть достаточные основания не признавать в таких случаях правомерными активные меры для задержания опасного преступника. Таким образом, меры по задержанию лица могут применяться не только в момент совершения им преступления, но и через значительный промежуток времени.

Время, в течение которого допустимо задержание, определяется прежде всего наличием или отсутствием возможности осуществления целей, преследуемых актом задержания. Достижение же целей правосудия зависит от возможности или невозможности привлечения лица к уголовной ответственности, так как интересы правосудия могут быть осуществлены только в период существующих уголовно-правовых отношений [17, с. 38-40].

Своевременность предполагает задержание в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности либо исполнения обвинительного приговора. В соответствии со ст.ст. 78 и 83 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности или от отбывания наказания (если обвинительный приговор не был приведен в исполнение), если со дня совершения преступления или, соответственно, вступления приговора в законную силу истекли установленные в них сроки.

* Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г.

При этом следует иметь в виду, что течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, или осужденный уклоняются от следствия или суда, либо, соответственно, от отбывания наказания. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или явки его с повинной. А к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества (предусмотренные ст.ст. 353, 356, 357 и 358 УК РФ), сроки давности не применяются.

Основания для задержания лица отсутствуют также в случаях, когда его деяние подпадает под акт амнистии, либо уголовное дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, либо по делу был вынесен оправдательный приговор. Рассматривая вопрос о значении фактора времени в задержании лица, совершившего преступление, нельзя не затронуть длительность самой процедуры задержания. Отдельные авторы считают, что задержание должно быть кратковременным [18, с. 20]. Но вряд ли это требование применимо ко всем ситуациям задержания. Нередко при доставлении лица, совершившего преступление, сотрудникам полиции необходимо совершить длительный путь, и о кратковременности в таких случаях не может быть речи. Следовательно, более правильно говорить о необходимом и достаточном количестве времени для задержания и доставления в органы власти. Однако нарушение этого требования влияния на правовую оценку причиненного вреда оказывать не может.

Таким образом, можно сделать следующие основные выводы:

1. Анализ уголовного законодательства зарубежных стран свидетельствует, что причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, далеко не всегда рассматривается в качестве самостоятельного обстоятельства, исключаяющего преступность деяния. Регламентация данного вопроса в таких странах, как Голландия, ФРГ, Великобритания, и в других рассматривается в рамках необходимой обороны. Проблемы возмещения причиненного вреда при задержании, а также вопросы ответственности за превышение мер, необходимых для задержа-

ния, также решаются по общим правилам необходимой обороны. В то же время в уголовных законах стран СНГ содержатся нормы о причинении вреда лицом, совершившим преступление. При этом характерной особенностью данных норм является их большое сходство с аналогичными положениями УК РФ.

2. В качестве основных критериев правомерности задержания лица, совершившего преступление, следует выделить: во-первых, цель задержания — доставление в органы власти и пресечение возможности совершения новых преступлений; во-вторых, причинение вреда исключительно лицу, совершившему преступление; и, в-третьих, соразмерность причиняемого вреда степени и характеру общественной опасности преступного посягательства, а также личности преступника и обстановке его задержания. Все перечисленные критерии в совокупности составляют условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

3. Причинение вреда возможно лишь при задержании лица, совершившего преступление, которое представляет собой не только объективно опасное, но и обязательно виновное действие. Следовательно, нельзя считать безразличным для задерживающего невменяемость или недостижение возраста уголовной ответственности лицом, совершившим общественно опасное деяние. Ответственность задерживающего в таком случае должна наступать в соответствии с правилами квалификации при юридической и фактической ошибках. Если задерживающий не мог и не должен был осознавать своей ошибки, то его вина исключается. Если же он по обстоятельствам дела должен был и мог при более внимательном отношении к создавшейся ситуации не допустить ошибки, то ответственность за причиненный вред наступает как за неосторожное преступление по ст. 109 УК РФ.

4. При формулировании признаков превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, законодатель использовал оценочные категории. А это, в свою очередь, ставит применение ст. 38 УК РФ в зависимость от усмотрения правоприменителя, что нельзя признать положительным.

5. При разграничении правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, и превышения должностных полномочий необходимо исходить из умысла задерживающего лица и оценки всех обстоятельств дела, при которых происходило задержание. Если вред применялся вынужденно, а насилие применялось в целях задержания задержанного, то такие действия квалифицировать как превышение должностных полномочий нельзя.

Список литературы

1. Попов К.И. Правомерное причинение вреда для достижения общественно полезной цели // Аграрное и земельное право. 2015. N 4 (124). С. 114-117.
2. Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 298 с.
3. Сидоров Б.В., Бабичев А.Г. Особенности уголовной ответственности за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (вопросы применения и совершенствования уголовного закона) // Вестник экономики, права и социологии. 2015. N 2. С. 147-159.
4. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 313 с.
5. Уголовный кодекс Украины. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 393 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. 2-е изд., испр. и доп. Мн.: Тесей, 2001. 319 с.
7. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. 356 с.
8. Уголовный кодекс Голландии. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2000. 510 с.
9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 303 с.
10. Сичинава И.Р. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004. 182 с.
11. Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Правовое регулирование причинения вреда преступнику при его задержании в УК некоторых зарубежных государств // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 9. С. 81-90.
12. Кондрашова О.В. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2004. 22 с.
13. Марцев А.И., Царегородцев А.М. Необходимая оборона. Задержание преступника. Крайняя необходимость: учеб. пособие. Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1987. 32 с.
14. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов [и др.]; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. 484 с.
15. Актуальные проблемы уголовного права: учение о преступлении: науч.-практ. пособие / [Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Д.Ю. Краев, А.Н. Попов]; под общ. ред. А.Н. Попова. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2017. 188 с.
16. Скорилкина Н., Коломенский П. Значение уголовно-правового института задержания лица, совершившего преступление, в практической деятельности органов внутренних дел // Уголовное право. 2000. N 4. С. 33-35.
17. Савинов А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2002. 186 с.
18. Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов н/Д., 2005. 214 с.

References

1. Popov K.I. Pravomernoe prichinenie vreda dlya dostizheniya obshchestvenno-poleznoy tseli [Legitimate infliction of harm to achieve a socially useful goal]. Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agricultural and land law, 2015, no. 4 (124), pp. 114-117.
2. Ugolovniy kodeks Respubliki Bolgariya [Criminal Code of the Republic of Bulgaria]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2001. 298 p.
3. Sidorov B.V., Babichev A.G. Osobennosti ugovnoy otvetstvennosti za ubiystvo pri prevyshenii mer, neobhodimyyh dlya zaderzhaniya litsa, sovershivshogo prestuplenie (voprosy primeneniya i sovershenstvovaniya ugovnogo zakona) [Features of criminal liability for murder in excess of the measures necessary to detain the person who committed the crime (questions of application and improvement of the criminal law)]. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2015, no. 2, pp. 147-159.
4. Ugolovniy kodeks Latviyskoy Respubliki [Criminal Code of the Republic of Latvia]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2001. 313 p.
5. Ugolovniy kodeks Ukrainy [Criminal Code of Ukraine]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2001. 393 p.
6. Ugolovniy kodeks Respubliki Belarus' [The Criminal Code of the Republic of Belarus]. Minsk, Thesey Publ., 2001. 319 p.

7. Ugolovniy kodeks Azerbaydzhanskooy Respubliki [Criminal Code of the Republic of Azerbaijan]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2000. 356 p.
8. Ugolovniy kodeks Gollandii [The Criminal Code of Holland]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2000. 510 p.
9. Ugolovniy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2001. 303 p.
10. Sichinava I.R. Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestuplenie (Ugolovno-pravovye aspekty). Kand. Diss. [Causing harm during the detention of the person who committed the crime (criminal law aspects). Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2004. 182 p.
11. Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Pravovoe regulirovanie prichineniya vreda prestupniku pri ego zaderzhanii v UK nekotorykh zarubezhnykh gosudarstv [Legal regulation of harming a criminal during his detention in the criminal code of some foreign countries]. Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta – Bulletin of the Russian state University named after I. Kant, 2010, vol. 9, pp. 81-90.
12. Kondrashova O.V. Ugolovno-pravovaya otsenka prichineniya vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo obshchestvenno opasnoe posyagatel'stvo. Avtoref. Kand. Diss. [Criminal-legal assessment of harm in the detention of a person who committed a socially dangerous assault. Autoabstract Cand. Diss.]. Omsk, 2004. 22 p.
13. Martsev A.I., Tsaregorodtsev A.M. Neobhodimaya oborona. Zaderzhanie prestupnika. Kraynyaya neobhodimost' [Necessary defense. Detention of criminals. Emergency]. Omsk, Higher school of police of the USSR interior Ministry, 1987. 32 p.
14. Agapov P.V. [i dr.]. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava [Actual problems of criminal law]. Moscow, 2016. 484 p.
15. [Bezborodov D.A., Zarubin A.V., Kraev D.Yu., Popov A.N.]. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava: uchenie o prestuplenii [Actual problems of criminal law: the doctrine of a crime]. St. Petersburg, St. Petersburg. legal Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation, 2017. 188 p.
16. Skorilkina N., Kolomenskiy P. Znachenie ugolovno-pravovogo instituta zaderzhaniya litsa, sovershivshogo prestuplenie, v prakticheskoy deyatelnosti organov vnutrennih del [The value of the criminal law institute of detention of the person who committed the crime in the practice of the internal affairs bodies]. Ugolovnoe pravo – Criminal Law, 2000, no. 4, pp. 33-35.
17. Savinov A.V. Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestuplenie, kak obstoyatel'stvo, iskluchayushchee prestupnost' deyaniya. Kand. Diss. [Causing harm during the detention of a person who committed a crime, as a circumstance excluding the crime of an act. Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 186 p.
18. Yakunina S.A. Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshogo prestuplenie. Kand. Diss. [Causing harm during the detention of the person who committed the crime. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 214 p.

Раздел 10. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ГЕРБЕКОВ И.И., mila77list@yahoo.com Судебная коллегия по уголовным делам; Верховный Суд Карачаево-Черкесской Республики, 369000, г. Черкесск, ул. Маджира Гаджиева, 4	GERBEKOV I.I., mila77list@yahoo.com The judicial board on criminal cases; Supreme Court of the Karachay-Cherkess Republic, Madzhira Gadzhieva St. 4, Cherkessk, 369000, Russian Federation
--	---

ПОЛИГРАФ КАК ТЕХНИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Аннотация. Инструментальные психофизиологические исследования при помощи полиграфа – технического устройства, предназначенного для оценки достоверности полученной информации, проводятся как во многих зарубежных государствах, так и в Российской Федерации. Однако, несмотря на достаточно длительный период использования полиграфа в процедурах приема на работу и поступления на государственную и муниципальную службу в России, федеральный закон «О применении полиграфа» до сих пор не принят. В Трудовом кодексе Российской Федерации, законодательстве о государственной и муниципальной службе также отсутствуют нормы, предусматривающие прямое регулирование использования полиграфа. В статье подчеркивается, что большинство ученых придерживаются позиции, согласно которой проводимые на полиграфе исследования имеют важное значение для профилактики, выявления и пресечения коррупционных правонарушений. Данная позиция реализована на практике в некоторых субъектах Российской Федерации, закрепивших в нормативных правовых актах, регламентирующих мероприятия по реализации Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы, нормы об использовании проверок на детекторе лжи. Вместе с тем отсутствие единых правил применения полиграфа, интерпретирования его результатов порождает на практике множество проблем.

Ключевые слова: коррупция; профилактика коррупционных правонарушений; полиграф; детектор лжи; кадровая политика; инструментальное психофизиологическое исследование; служащий; закон.

POLYGRAPH AS A TECHNICAL MEANS OF PREVENTING CORRUPTION OFFENCES

Annotation. The instrumental psychophysiological examinations by using the polygraph – a technical device designed to evaluate the reliability of the information received, are carried out both in many foreign countries and in the Russian Federation. However, despite the rather long period of using the polygraph in the procedures of hiring and joining the civil and municipal service in Russia, the federal law “On the application of the polygraph” has not yet been adopted. The Labor Code of the Russian Federation, as well as the legislation on state and municipal service also do not contain the norms providing for direct regulation of the use of the polygraph. The author of the article emphasizes the fact that the majority of scientists adhere to the position that the polygraph examinations are important for the prevention, detection and suppression of corruption offences. This position has been implemented in some regions of the Russian Federation, which have enshrined the rules on the use of lie detector tests in the normative legal acts regulating the implementation of the national anti-corruption plan for 2018-2020. At the same time, the lack of the uniform rules for using the polygraph and interpreting the results of its examinations creates many problems in practice.

Keywords: corruption; prevention of corruption offences; polygraph; lie detector; personnel policy; instrumental psychophysiological research; official; law.

В настоящее время в деятельности государственных и муниципальных органов в целях профилактики коррупционных правонарушений значительное внимание уделяется проблеме подбора и расстановки кадров. Это обусловлено тем, что госу-

дарственные и муниципальные служащие, лица, замещающие государственные или муниципальные должности, а также руководители государственных и муниципальных учреждений должны быть честны и неподкупны, принципиальны и устойчивы, дисциплинированы и тактичны. Для разрешения вопроса о том, как человек поведет себя в условиях коррупционной ситуации, нередко проводятся инструментальные психофизиологические исследования при помощи технического устройства, предназначенного для оценки достоверности полученной информации, — полиграфа.

Проверки на полиграфе проводятся во многих странах мира: в США, Японии, Канаде, Китае, Франции, Южной Корее, Израиле и т.д. Более того, во многих зарубежных государствах применение данного технического средства урегулировано отдельным нормативным правовым актом. В частности, в США действует принятый в 1988 г. Конгрессом США Федеральный закон «О защите прав служащих при проверке на полиграфе», в Кыргызстане — Указ Президента Кыргызской Республики от 27 августа 2010 г. УП N 146 «О первоочередных мерах по внедрению системы тестирования на полиграфе в сфере государственной службы», в Молдове — Закон Республики Молдова от 12 декабря 2008 г. N 269-XVI «О применении тестирования на детекторе симуляции (полиграфе)» и др.

В Российской Федерации проверки на полиграфе впервые стали применяться в 1993 г. коммерческими структурами для профилактики и расследования корпоративных правонарушений. Очевидно, что спецслужбы использовали данное техническое устройство и ранее исключительно в оперативных целях, выполняя узко ведомственные задачи. Открыто полиграф стал применяться на всей территории Российской Федерации только после 1993 г., а в системе государственной и муниципальной службы — в начале XXI в. Так, в 2007 г. в Казани после первых проверок на полиграфе было уволено около 80 сотрудников городской администрации, в 2010 г. в Москве — 40 % чиновников мэрии Москвы были отстранены от работы с госзаказами [1, с. 118].

Проверка на полиграфе в отношении лиц, принимающих управленческие реше-

ния в системе государственных и муниципальных структур, используется во многих субъектах Российской Федерации, например в г. Санкт-Петербурге [2], Республике Коми [3], Ханты-Мансийском автономном округе — Югре [4], Ульяновской области [5] и других регионах.

Несмотря на достаточно длительный период использования полиграфа при трудоустройстве и приеме на государственную и муниципальную службу, Федеральный закон «О применении полиграфа» до сих пор не принят, хотя его проект, подготовку которого осуществляли специалисты более 10 федеральных ведомств, был разработан еще в 1999 г. Основной целью принятия закона является борьба с коррупцией. Но противники его принятия уверены, что законопроект в представленной редакции вряд ли решит данную проблему. Кроме того, специального федерального закона о применении отдельного технического устройства не должно быть, поскольку появление нового технического прибора неизбежно потребует принятия и нового закона.

Напротив, по мнению А. Николаева, противниками принятия такого закона выступают специалисты с низкой квалификацией [см.: 6]. В целом полиграф как техническое устройство используется для фиксации и обработки сигналов различных датчиков, помещаемых на тело человека. Результаты использования полиграфа анализируются с целью установления признаков скрываемой информации, достоверности полученных сведений. Однако это может вызвать проблему, если придавать полученным результатам полиграфа значение «истины в последней инстанции». Следовательно, проводить проверки должен не просто специалист, умеющий пользоваться полиграфом, а профессионал, хорошо знающий физиологию и психологию человека, умеющий учитывать его состояние на момент прохождения исследования. От профессионализма полиграфолога зависит многое, — то, как составлены вопросы, как проводится интервью, как интерпретируются результаты. Полиграфолог должен определить, почему прибор отреагировал на ответы человека тем или иным образом, проанализировать изменение голоса, провести послетестовую беседу,

выяснить, почему в показаниях тестируемого имеются расхождения с данными полиграфа, и другое.

В настоящее время полиграфологи не сертифицируются, лицензии на приобретение полиграфа не требуется. Соответственно, подготовку полиграфологов может осуществлять любая школа подготовки специалистов, имеющая лицензию на ведение образовательной деятельности, без аккредитации своих образовательных программ. Единственный документ, которым могла бы определяться квалификация полиграфолога, — Профессиональный стандарт «Специалист по проведению психофизиологических исследований с применением полиграфа», разработанный некоммерческим партнерством «Национальная коллегия полиграфологов». Однако он по-прежнему имеет статус проекта. В связи с этим на сегодняшний день о компетентности полиграфолога может быть ничего не известно ни представителю нанимателя (работодателю), ни гражданину, которому предстоит пройти проверку на полиграфе.

Говоря о целесообразности применения полиграфа, необходимо отметить отсутствие единого мнения по данному вопросу. Одни исследователи рассматривают полиграф в качестве «модного антикоррупционного аксессуара» в реализации кадровой политики в системе государственного и муниципального управления [1, с. 121]. Большинство авторов, напротив, придерживается позиции, согласно которой исследования на полиграфе имеют важное значение в профилактике, выявлении и пресечении коррупционных правонарушений [7, с. 22-29]. В частности, Ю.М. Буравлев отмечает: «С помощью полиграфа можно выявить уровень квалификации кандидатов и действующих сотрудников, проверить правильность расстановки персонала по должностной иерархии (рабочим местам). Применение полиграфа, на наш взгляд, — неплохая мера профилактики коррупции, проверки "чистоты" претендентов на руководящие должности. Такая процедура не является нарушением прав человека, она проводится добровольно, с согласия самого опрашиваемого» [8, с. 100].

В подтверждение данной позиции некоторые субъекты Российской Федерации закрепили нормы об использовании

проверок на детекторе лжи в региональных нормативных правовых актах, регламентирующих применение мероприятий по реализации Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 гг., утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. N 378*. Например, согласно п. 2.6 Плана мероприятий по реализации национальной плана противодействия коррупции на 2018-2020 гг., утвержденного Указом Губернатора Ульяновской области от 20 сентября 2018 г. N 97**, в целях выявления, предупреждения и пресечения коррупционных правонарушений, совершаемых при исполнении должностных обязанностей лицами, замещающими государственные должности Ульяновской области и должности государственной гражданской службы Правительства Ульяновской области и исполнительных органов государственной власти Ульяновской области, а также подведомственных им государственных организаций необходимо:

а) организовать проведение мониторинга исполнения полномочий лицами, указанными в Положении о психофизиологическом тестировании с применением полиграфа, утвержденном постановлением Губернатора Ульяновской области от 16 марта 2017 г. N 32 «О психофизиологическом тестировании с применением полиграфа», в целях выявления факторов риска в течение срока замещения соответствующей должности, согласно установленному графику психофизиологического тестирования с применением полиграфа;

* О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы: указ Президента Российской Федерации от 29 июня 2018 г. N 378. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О мерах по повышению эффективности противодействия коррупции в Ульяновской области и реализации Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы (вместе с «Планом мероприятий по реализации Национального плана противодействия коррупции на 2018-2020 годы»): указ Губернатора Ульяновской области от 20 сент. 2018 г. N 97 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

б) в срок до 1 ноября 2018 г. обеспечить внесение изменений в постановление Губернатора Ульяновской области от 16 марта 2017 г. N 32 «О психофизиологическом тестировании с применением полиграфа» в целях распространения практики психофизиологического тестирования с применением полиграфа на подведомственные исполнительным органам государственной власти Ульяновской области организации.

Несмотря на отсутствие прямого законодательного регулирования использования полиграфа в ТК РФ, законодательстве о государственной и муниципальной службе, его применение на практике не является неправомерным.

Более того, в деятельности ФТС России, ФСБ России, ФСИН России, МВД России, Росгвардии правила использования полиграфа установлены ведомственными нормативными актами. Например, на основании приказа ФТС России от 25 сентября 2007 г. N 1196 «Об утверждении Временной инструкции о порядке проведения опросов с использованием компьютерного полиграфа в таможенных органах Российской Федерации»* детектор лжи применяется при назначении на новую должность, для разрешения спорных ситуаций по итогам служебных проверок, а также при получении и подтверждении допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Согласно приказу ФСБ России от 13 апреля 2011 г. N 151 «Об утверждении Инструкции по оказанию и проведению профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности» психологический отбор является одним из видов профессионального отбора кадров, предполагающим опрос с использованием полиграфа. Активно используются специальные психофизиологические исследования с применением полиграфа и в уголовно-исполнительной системе. Подбор кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему, а так-

* Об утверждении Временной инструкции о порядке проведения опросов с использованием компьютерного полиграфа в таможенных органах Российской Федерации: приказ ФТС России от 25 сент. 2007 г. N 1196. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

же решение ряда служебных задач осуществляется, в частности, в соответствии с приказами Минюста России от 25 мая 2011 г. N 165 «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе»**, от 16 апреля 2013 г. N 51 «Об утверждении категорий должностей в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые проводится психофизиологическое исследование с применением полиграфа»***.

Психологический отбор в войска национальной гвардии Российской Федерации включает в себя психологические и психофизиологические исследования (обследования). Они проводятся с применением специализированного технического устройства, порядок использования которого урегулирован Инструкцией об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации, утвержденной приказом Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. N 357****.

Значительная работа по совершенствованию кадровых технологий и процедур проделана МВД России. В Правилах профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Рос-

** Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в уголовно-исполнительной системе: приказ Минюста России от 25 мая 2011 г. N 165 // Рос. газ. 2011. 24 июня. N 135.

*** Об утверждении категорий должностей в уголовно-исполнительной системе, при назначении на которые проводится психофизиологическое исследование с применением полиграфа: приказ Минюста России от 16 апр. 2013 г. N 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации: приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 16 нояб. 2016 г. N 357 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

сийской Федерации от 6 декабря 2012 г. N 1259, определены личные и деловые качества, которыми должен обладать кандидат на службу в органы внутренних дел, и факторы риска девиантного (общественно опасного) поведения, препятствующие поступлению на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. В пункте 4 данных Правил уточнен подход к отбору кандидатов, который предполагает комплексное рассмотрение вопроса о профессиональной психологической пригодности граждан к службе в органах внутренних дел, в том числе с применением специализированных технических устройств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде*.

Вместе с тем широкое распространение применения полиграфа на практике не способствовало выработке единой теории использования данного технического средства и правовой оценки результатов полученных сведений. Именно по этой причине в юридической науке нет единых правил применения полиграфа, интерпретирования его результатов, что порождает на практике множество проблем. Так, по окончании проведения проверки полиграфолог составляет заключение, с которым, как правило, проверяемый не знакомится, ему лишь устно сообщается: «прошел» или «не прошел».

Исключение составляет применение полиграфа при профессиональном психологическом отборе на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. Согласно п. 28 Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации кандидат имеет право на ознакомление с заключением. В соответствии с п. 32 вышеназванных Правил кандидат в случае несогласия с заключением вправе обратиться в письменной форме в центральную комиссию по психологическому отбору МВД России, а при несогласии с ее решением — в суд.

* Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 6 дек. 2012 г. N 1259 // Рос. газ. 2012. 12 дек. N 286.

Однако в большинстве случаев задача заключения по результатам прохождения полиграфа или протокола психологического отбора запрещена в нормативном порядке. Подтверждением сказанного является пункт 55 Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Кроме того, как правило, при кадровом отборе в ходе производства исследований с помощью полиграфа не ведется видеозапись процедуры интервьюирования, не проводится детализация полученной информации с помощью других методик, перепроверок. Следовательно, у проверяемого нет возможности проверить правильность осуществления производства, оценить выводы в заключении и оспорить их в административном или судебном порядке. Таким образом, процедура проверки с использованием полиграфа носит поверхностный характер. Как уже отмечалось выше, усугубляет ситуацию и то обстоятельство, что применение полиграфа при кадровом отборе нередко порождает восприятие результатов исследования как «истины в последней инстанции». Однако полиграф — это машина, которая не способна отличить правду от лжи. Данное техническое устройство лишь показывает результаты реакции организма человека на те или иные вопросы. Отсюда следует вывод о субъективности заключения полиграфолога. Небезынтересен тот факт, что в 2003 г. Национальная академия наук США опубликовала отчет «Полиграф и выявление лжи», в котором пришла к выводу о том, что большинство исследований полиграфа было «ненадежно, ненужно и предвзято». После проведения эксперимента было установлено, что проверка на полиграфе большого количества людей в отношении различных событий (например, при приеме на работу) дает результат ничем не лучше, чем случайное угадывание [9, с. 125].

Кроме того, не исключены ситуации зависимости полиграфолога от позиции руководителя в отношении того или иного кандидата, проходящего исследование посредством полиграфа. Иногда работодатель может использовать полиграфолога, чтобы не принять на работу (службу) того

или иного претендента на должность либо, напротив, закрыть вакансию при трудоустройстве. В подобных ситуациях руководитель (работодатель) может обратиться с «просьбой» ужесточить или смягчить какие-то аспекты при интерпретировании результатов исследования, а полиграфолог — «пойти руководителю навстречу», поскольку в российском законодательстве юридическая ответственность за дачу ложного заключения для полиграфолога не установлена.

Исходя из изложенного представляется целесообразным предложение А.П. Деткова, Ф.К. Свободного и И.А. Шлецер о том, чтобы на нормативном уровне закрепить «обязательную верификацию процедуры исследования с применением полиграфа при отборе кадров», а также включить в структуру заключения полиграфолога сведения о предупреждении его об юридической ответственности за дачу заведомо ложного заключения [10, с. 117]. Кроме того, в нормативных правовых актах, регулирующих порядок профессионального психологического отбора в правоохранительные органы, следует закрепить право кандидата на получение заключения полиграфолога с возможностью его оспаривания в административном и судебном порядке по аналогии с правилами приема на службу в органы внутренних дел. В развитие сказанного представляется целесообразным внедрение приведенного положения в деятельность всех государственных и муниципальных структур при замещении должностей определенного перечня.

Возвращаясь к вопросу о нормативном закреплении применения полиграфа в России, повторимся, что использование полиграфа не противоречит действующему законодательству о государственной и муниципальной службе и законодательству об охране труда. Федеральные законы о государственной гражданской службе и муниципальной службе в Российской Федерации не содержат правил использования полиграфа или запрета на его использование. Но данное положение дел не дает основания рассматривать проведение проверок государственных и муниципальных служащих с использованием полиграфа как ограничение прав и

свобод человека. Ведь таким же образом можно поставить под сомнение запрет на осуществление предпринимательской деятельности, обязанность декларировать доходы и расходы и т.д. Государственная и муниципальная служба как специфические виды человеческой деятельности предполагают наличие ряда специфических ограничений и требований, наложенных законодательством о государственной и муниципальной службе.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. N 14-П указано: «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, только если они отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо конституционного права...»*. Приведенную правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации можно применить к проведению проверок с использованием полиграфа в отношении государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные и муниципальные должности. Ограничение прав государственных и муниципальных служащих может быть сопряжено с определенными формальностями и условиями, которые необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка, в целях предотвращения преступлений и противодействия коррупции.

В этом же постановлении Конституционный Суд Российской Федерации отметил: «в силу статей 1 (часть 1), 7 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4), 55 (часть 3)

* По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. N 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 28. Ст. 4261.

и 71 (пункт "в") Конституции Российской Федерации само по себе установление для государственных служащих запретов, обусловленных прохождением государственной службы, допустимо, если оно согласуется с основными целями правового регулирования государственной службы в Российской Федерации как социальном правовом государстве, отвечает законным интересам, связанным с ее организацией и эффективным функционированием, и не выходит за рамки возможных ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина в конституционно значимых целях».

В связи с этим проведение проверок государственных и муниципальных служащих с использованием полиграфа при приеме на службу, повышении в должности ничем не отличается от иных ограничений и запретов, установленных для них. Представляется целесообразным дополнить соответствующими нормативными предписаниями о возможности применения полиграфа законодательство о государственной гражданской и муниципальной службе. В частности, предлагается по аналогии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнить Федеральный закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» статьей 21.1, в которой сохранился бы перечень документов, предоставляемых гражданином для поступления на государственную гражданскую службу. В числе таковых можно было бы указать письменное согласие на проведение мероприятий, связанных с проверкой достоверности сообщенных гражданином сведений, а также письменное согласие на обработку персональных данных гражданина в целях изучения возможности приема его на государственную гражданскую службу.

Данное положение вполне согласуется со статьей 44 Федерального закона от 27 июня 2004 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», посвященной кадровой работе государственного органа, которая

включает в себя, в частности, организацию проверки достоверности предоставляемых гражданином персональных данных и иных сведений при поступлении на государственную гражданскую службу. Аналогичным образом можно дополнить и ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 2 марта 2007 г. N 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».

Как уже отмечалось, многие коммерческие организации прибегают к проверкам с использованием полиграфа сотрудников или кандидатов на должность. Так, согласно п. 12.1 Положения о Центре по организации противодействия коррупции, утвержденного Президентом ОАО «РЖД» 24 декабря 2015 г. N 547, допускается проведение психофизиологических исследований с применением полиграфа в целях предупреждения и противодействия коррупции, обеспечения корпоративной безопасности ОАО «РЖД», проверки достоверности сообщаемой работниками ОАО «РЖД» информации, минимизации риска вовлечения ОАО «РЖД» в совершение коррупционных правонарушений*. Представляется, что это не противоречит нормам ТК РФ.

Как и в случае государственных и муниципальных служащих, частью 3 статьи 3 ТК РФ допускается ограничение прав работников ввиду особенностей, свойственных определенной трудовой деятельности. Причем такие ограничения работодатель может закрепить в локальном нормативном акте, содержащем дополнительные нормы регулирования трудовой деятельности, не противоречащие действующему трудовому законодательству и не ухудшающие положение работника по сравнению с ним, если работодатель планирует применить проверки на полиграфе на постоянной основе. Возможен и другой вариант: исследование с применением полиграфа указывать в трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему (для уже принятых на работу) в качестве существенного условия для определенного перечня должностей.

* Положение о Центре по организации противодействия коррупции: утв. ОАО «РЖД» 24 дек. 2015 г. N 547 // Российские железные дороги: официальный сайт. URL: <http://rzd.ru>

При приеме на государственную и муниципальную службу либо при устройстве на работу должна быть соблюдена добровольность прохождения процедуры. Это вытекает из положений ст. 2 и ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которым осуществление прав и свобод человека не может нарушать права и интересы других лиц.

Соответственно, проверка на полиграфе должна проводиться исключительно с письменного добровольного согласия опрашиваемого лица перед тестированием. В силу добровольности проводимой процедуры претендент на должность может отказаться от прохождения теста на полиграфе, что формально не является подтверждением его склонности к коррупционным правонарушениям и не может служить поводом для отказа в замещении должности. При этом работники не обязаны проходить тестирование на полиграфе, даже если это предусмотрено локальным актом компании. Работодатель не имеет права уволить работника по причине отказа от исследования на техническом устройстве. Однако отказ от прохождения исследования на полиграфе дает работодателю повод думать о том, что данный человек, возможно, причастен или скло-

нен к совершению коррупционных правонарушений. По этой причине проведение исследования с применением полиграфа может выглядеть как «принудительно-добровольный» акт, поскольку для отказа в приеме на работу (службу) найдется иной повод.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что полиграф можно рассматривать в качестве дополнительного, а не основного средства профилактики коррупционных правонарушений, поскольку он не выявляет ложь в прямом смысле, а только фиксирует психофизиологические реакции организма человека на те или иные вопросы. Полиграф может выделить субъективно важные для опрашиваемого темы, обратить на них внимание инициатора проверки, и только. Однако для его применения на практике необходимо дополнить законодательство о государственной и муниципальной службе предписаниями, допускающими применение полиграфа, а также раскрыть процедуру осуществления исследования и интерпретирования его результатов в отдельном ведомственном акте, регулирующем вопросы профессионального психофизиологического отбора на государственную гражданскую службу и муниципальную службу.

Список литературы

1. Патова Е.М. Антикоррупционные механизмы в реализации кадровой политики государственных органов и органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2016. N 12. С. 114-122.
2. Михайлов А.: «Мы внедряли полиграф на государственной службе целенаправленно». URL: <http://www.expertnw.ru/news/2014-01-09> (дата обращения: 29 мая 2019 г.).
3. Быковская С.В. Коми приступили к тестированию чиновников на полиграфе // Комиинформ: информационное агентство: сайт. URL: <http://www.komiinform.ru/news/114639> (дата обращения: 28 мая 2019 г.).
4. Меньшиков А. Прописан полиграф. Чиновников Югры проверят на детекторе лжи // Рос. газ. 2016. 17 окт. N 235 (7103).
5. Титов С. Чиновников отправят на полиграф // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3249474> (дата обращения: 25 мая 2019 г.).
6. Фалалеев М. Чиновник напросвет // Рос. газ. 2016. 8 авг. N 175 (7043).
7. Лепетикова И.Ю., Кобзарь Г.В. Использование полиграфа в государственном и муниципальном управлении // Ростовский научный журнал. 2018. N 3. С. 22-29.
8. Буравлев Ю.М. Коррупция в госаппарате. Правовые и организационные проблемы системного противодействия этому злу // Государство и право. 2008. N 11. С. 98-103.
9. Артемьев А.Б. Антропология коррупции: монография / под ред. С.А. Комарова. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2011. 271 с.
10. Детков А.П., Свободный Ф.К., Шлецер И.А. Проблемы производства исследований с применением полиграфа при отборе кадров в правоохранительные органы // Известия Алтайского государственного университета. 2017. N 3. С. 113-117.

References

1. Patova E.M. Antikorruptsiionnye mehanizmy v realizatsii kadrovoy politiki gosudarstvennyh organov i organov mestnogo samoupravleniya [Anti-Corruption mechanisms in the implementation of personnel policy of state and local governments]. Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian law, 2016, no. 12, pp. 114-122.
2. Mihaylov A.: "My vnedryali poligraf na gosudarstvennoy sluzhbe tselenapravlenno" ["We introduced the polygraph in the public service purposefully"]. Available at: <http://www.expertnw.ru/news/2014-01-09> (Accessed 29 May 2009).
3. Bykovskaya S.V. V Komi pristupili k testirovaniyu chinovnikov na poligrafe [In Komi officials started testing on a polygraph]. Komiinform: informatsionnoe agentstvo: sayt [Komiinform: news Agency: website]. Available at: <http://www.komiinform.ru/news/114639> (Accessed 28 May 2009).
4. Men'shikov A. Propisan poligraf. Chinovnikov Yugry proveryat na detektore lzhi [Spelled out the polygraph. Officials of Ugra will be checked on a lie detector]. Rossiyskaya gazeta – The Russian newspaper, 2016, 17 Oct., no. 235 (7103).
5. Titov S. Chinovnikov otpravlyat na poligraf [Officials will be sent to the polygraph]. Kommersant`. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3249474> (Accessed 25 May 2009).
6. Falaleev M. Chinovnik naprosvet [Official on clearance]. Rossiyskaya gazeta – The Russian newspaper, 2016, 8 Aug., no. 175 (7043).
7. Lepetikova I.Yu., Kobzar' G.V. Ispol'zovanie poligrafa v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [The use of the polygraph in state and municipal management]. Rostovskiy nauchnyy zhurnal – Rostov scientific journal, 2018, no. 3, pp. 22-29.
8. Buravlev Yu.M. Korruptsiya v gosapparate. Pravovye i organizatsionnye problemy sistemnogo protivodeystviya etomu zlu [Corruption in the state apparatus. Legal and organizational problems of systemic counteraction to this evil]. Gosudarstvo i pravo – State and law, 2008, no. 11, pp. 98-103.
9. Artem'ev A.B. Antropologiya korruptsii [Anthropology of corruption]. St. Petersburg, Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2011. 271 p.
10. Detkov A.P., Svobodnyy F.K., Shletser I.A. Problemy proizvodstva issledovaniy s primeneniem poligrafa pri otbore kadrov v pravoohranitel'nye organy [The problems of production studies with the use of polygraph in the personnel selection in law enforcement bodies]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai state University, 2017, no. 3, pp. 113-117.

ЧЕРНЯКОВА А.В.,
anna.chernyakova.1979@mail.ru
Кафедра правовой подготовки
сотрудников органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних
дел Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

CHERNYAKOVA A.V.,
anna.chernyakova.1979@mail.ru
Chair of legal training
of law enforcement officers;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации хищений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе хищений, совершаемых с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств. Проведен краткий анализ правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение указанных преступлений. Изучение судебной практики показало, что по аналогичным делам правоприменителями принимались различные решения, из чего следует вывод об отсутствии у судов единой позиции в вопросе квалификации рассматриваемых преступлений. По мнению автора статьи, одна из причин сложившейся ситуации — использование в уголовном законе специальных терминов без разъяснения их значения и, как следствие, неоднозначное их толкование при принятии решений. Кроме этого, в статье уделено внимание ужесточению уголовной ответственности за совершение хищений денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств. Недопустимым названо различие в квалификации кражи с банковского счета, а также в отношении электронных денежных средств и мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: компьютерная информация; мошенничество; кража с банковского счета; электронные денежные средства; хищение; уголовная ответственность.

ACTUAL ASPECTS OF THE CRIMINAL LIABILITY FOR THEFTS COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Annotation. The author of the article analyzes the issues concerning the qualification of thefts committed with the use of information and communication technologies, including stealing money from bank accounts, as well as electronic money stealing. A brief analysis of the legal norms establishing the criminal liability for the commission of these crimes is carried out. The study of the judicial practice showed that the law enforcers took different decisions in similar cases, which leads to the conclusion that the courts do not have a single position on the qualification of the considered crimes. According to the author of the article's opinion, one of the reasons for this situation is the use of special terms in the criminal law without clarification of their meaning and, as a result, their ambiguous interpretation when making decisions. Besides, the author pays special attention to the issues of toughening the criminal liability for stealing money from bank accounts and e-money fraud. The difference in the qualification of stealing money from bank accounts, as well as electronic money stealing and fraud committed with the use of electronic payment system, is called inadmissible. The ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: computer information; fraud; stealing money from bank account; electronic money; theft; criminal liability.

Активное использование в криминальных целях возможностей виртуального пространства побуждает общество оказывать достойное противодействие этим проявлениям, искать новые, более верные ответы на вопросы, возникающие в ходе борьбы с так называемой компьютерной

преступностью. Определяющим элементом в механизме противодействия преступности являются правовые меры. В последнее десятилетие законодательство, посвященное хищениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, стабильно рефор-

мируется. Уголовный кодекс Российской Федерации дополняется новыми нормами, вносятся изменения в его действующие статьи. Однако проблемы квалификации указанных деяний не теряют своей актуальности, судебная практика по делам о таких хищениях остается противоречивой. Если проанализировать изменения, которые последовательно вносятся в нормы о хищениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и судебную практику по делам такой категории, то можно сделать вывод о том, что предпринятые меры не позволили решить в полном объеме вопросы квалификации указанных деяний.

До введения нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации хищения с использованием информационно-коммуникационных технологий квалифицировались по совокупности норм об имущественных преступлениях и о преступлениях в сфере компьютерной информации. Совокупностью неправомерного доступа к компьютерной информации и кражи признавались действия по хищению электронных денежных средств с помощью вредоносной программы для ЭВМ*, совокупностью неправомерного доступа к компьютерной информации и мошенничества признавались действия по хищению денежных средств с банковского счета путем направления с помощью СМС-сообщения соответствующей команды**. Анализ судебных решений, вынесенных до 2012 года, свидетельствует, что неправомерным доступом к компьютерной информации признавались также действия по направлению СМС-сообщений и целенаправленное воздействие на программное обеспечение, информационные сети, нарушающее процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации***.

* Приговор Егорьевского городского суда (Московская область) от 26 окт. 2011 г. по делу N 1-395/2011 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Приговор Старооскольского городского суда (Белгородская область) от 12 мая 2011 г. // Там же.

*** Приговор Чертановского районного суда (Город Москва) от 7 сент. 2012 г. по делу N 1-486/12 1-486/2012 // Там же.

В целях снижения количества ошибок, для правильной квалификации, более четкого отграничения уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений**** Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»***** УК РФ был дополнен статьей 159.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации». Однако в научных кругах настоящие изменения вызвали полемику. Норма признавалась наихудшим вариантом, не выдерживающим ни законодательной критики, ни критики с точки зрения соответствия предусмотренного ей состава основным признакам хищения [1, с. 30]. Исследователи указывают, что применение нормы на практике привело к «стиранию грани» между деяниями, в которых компьютерная информация выступает средством обмана потерпевшего, и случаями, в которых она является лишь средством устранения препятствий совершения иной формы хищения [2, с. 49]. Было высказано мнение о том, что до внесения изменений правила квалификации по совокупности мошенничества и преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, однозначно вытекали из содержания норм, предусмотренных ст.ст. 159, 272 и 273 УК РФ; с появлением специального состава мошенничества (ст. 159.6 УК РФ) компьютерные преступления, предусмотренные главой 28 УК РФ, по смыслу одних законодательных положений дополняют (как это было ранее) данный состав, а по другим — создают конкуренцию с составом мошенничества [3, с. 73].

На практике также отсутствует единый подход. Хищение, совершаемое по

**** Паспорт проекта Федерального закона N 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

***** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ: ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 49. Ст. 6752; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

средством направления СМС-сообщения о транзакции со счета или введения необходимых сведений от имени потерпевшего в программе удаленного управления банковским счетом, признавалось и мошенничеством в сфере компьютерной информации*, и простым мошенничеством**, и кражей***. Введение в состав УК РФ нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации не разрешило вопросы квалификации. Анализ судебных решений показал, что проблемным, как и прежде, остается вопрос о том, что считать вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Суды, признавая деяние мошенничеством в сфере компьютерной информации, к такому вмешательству относили формирование и направление СМС-запроса; изменение состояния данных счета (в части уменьшения суммы денежных средств) признавали незаконной модификацией компьютерной информации информационно-телекоммуникационных сетей и, соответственно, одним из способов вмешательства в функционирование средств хранения, обработки, передачи компьютерной информации. Однако в то же время суды занимали противоположную позицию, признавая аналогичные преступления кражей.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум) в постановлении от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»**** указал, что признаком, ограничивающим мошенни-

чество в сфере компьютерной информации от других форм хищений, является использование такого способа, как вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, и что вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей – это целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации. Но, что касается формы хищения, положение осталось прежним, данные деяния квалифицируются как мошенничество, хотя учеными ранее уже обосновывалось положение, согласно которому по способу совершения хищение в сфере компьютерной информации мошенничеством не является [4, с. 5].

В дальнейшем Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. N 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»***** в статью о «компьютерном мошенничестве» были внесены изменения в части дополнения ее положением «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». Статья 158 УК РФ дополнена положением «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ)», наименование ст. 159.3 УК РФ изложено в новой редакции: «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Как следствие, в научных кругах это вызвало ряд дискуссий. В частности, под сомнение было поставлено решение при-

* Приговор Братского городского суда (Иркутская область) от 22 нояб. 2017 г. по делу N 1-492/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://sudact.ru>

** Приговор от 19 июня 2017 г. по делу N 1-107/2017 // Там же.

*** Приговор Калужского районного суда (Калужская область) от 7 авг. 2017 г. по делу N 1-616/2017 // Там же.

**** О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. N 48. URL: <http://www.garant.ru>

***** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 апр. 2018 г. N 111-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 18. Ст. 2581.

знать хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, тяжким по категории преступлением, независимо от суммы похищенного.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона отмечен значительный рост хищений со счетов клиентов банков в условиях повсеместного применения безналичных расчетов*. Подвергая критике такой подход, некоторые исследователи отметили, что сам по себе рост указанных преступлений не может служить веским основанием для принятого решения, форма денежных средств – наличная, безналичная, электронная – не может существенно влиять на характер общественной опасности, а с объективной стороны хищение безналичных денежных средств не имеет существенных отличий от хищения наличных денежных средств. В связи с этим ситуация, сложившаяся в результате внесения в УК РФ изменений, представляется недопустимой, нарушающей принцип справедливости, поскольку наказание за совершение хищений с банковских счетов и в отношении электронных денежных средств не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления [5, с. 5].

В постановлении Пленума от 22 декабря 2015 г. N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»** указано, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, в первую очередь, направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные цен-

ности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность).

Таким образом, характер общественной опасности прежде всего определяется объектом преступного посягательства, остальные же признаки – субъект, объективная и субъективная стороны при определении характера общественной опасности имеют дополнительное значение. При этом необходимо учитывать, что объект преступления обладает и факультативными признаками, такими как предмет, потерпевший. Следовательно, если факультативные признаки объекта преступления являются конструктивными признаками его состава, то это должно также влиять и на характер общественной опасности [6, с. 155]. Как уже было отмечено, внесенными в уголовное законодательство изменениями в части хищений с банковских счетов и в отношении электронных денежных средств законодатель, устанавливая уголовную ответственность за совершение преступлений, объектом которых выступают отношения собственности, конкретизирует предмет таких преступлений – безналичные денежные средства, указывая тем самым на большую их ценность и значимость с точки зрения уголовно-правовой охраны. Учитывая это обстоятельство, установление повышенной уголовной ответственности за их совершение является обоснованным. Однако возникает вопрос о том, почему именно за хищение с банковских счетов и в отношении электронных денежных средств.

В современных условиях денежные средства преимущественно хранятся в безналичной форме, повсеместно используются безналичные формы расчетов. Дистанционное банковское обслуживание, переводя систему денежного оборота в виртуальное пространство, получило глобальное распространение. Иначе говоря, на сегодняшний день основная форма де-

* Паспорт проекта Федерального закона N 186266-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств)». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. N 58; ред. от 18 дек. 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нежных средств — безналичная и основным местом их хранения стали банковские счета и виртуальное пространство. Данное обстоятельство спровоцировало уязвимость и незащищенность безналичных денежных средств, раскрыло их «привлекательность» для преступников, поскольку такое место хранения стало общеизвестным. Из года в год количество таких хищений стабильно растет. Безналичные денежные средства являются предметом не только хакерских атак, преступниками активно используются методы социальной инженерии [7, с. 48]. В уголовном законе в объекте преступлений против собственности отдельно в качестве предмета оправданно были выделены безналичные денежные средства, поскольку такие хищения приняли иной характер общественной опасности, нежели хищения наличных денежных средств.

Согласно постановлению Пленума от 22 декабря 2015 г. N 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» степень общественной опасности устанавливается, в частности, исходя из объективной стороны преступления. Способ хищения безналичных денежных средств отличается от хищения наличных денежных средств, осуществляемого путем свободного доступа. Потерпевший, который хранит свои денежные средства на банковском счете или в электронном виде, уверен в том, что принял достаточные меры к их сохранности, точно так же, если бы они находились в его жилище или ином помещении. Безналичные денежные средства не находятся в свободном для хищения доступе, их невозможно случайно оставить, например, на прилавке в магазине. Посредством свободного доступа незаконно можно завладеть банковской картой, мобильным телефоном с установленным банковским приложением, но не безналичными денежными средствами.

Таким образом, нельзя согласиться с мнением авторов, полагающих, что необоснованно ужесточена уголовная ответственность за хищения, совершаемые с банковских счетов, а равно в отношении электронных денежных средств.

Однако интерес вызывает следующее. До внесения изменений в уголовное

законодательство в части ужесточения уголовной ответственности за совершение хищений рассматриваемой категории Пленумом в постановлении от 30 ноября 2017 г. N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» было дано разъяснение о том, что хищение безналичных денежных средств, совершенное с использованием необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информации держателя платежной карты (например, персональные данные владельца, данные платежной карты, контрольная информация, пароли), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, признается кражей, а в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой, то такие действия лица следует квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ.

Таким образом, если виновный, завладев чужой платежной картой с лимитом 2000 рублей, переводит со счета ее владельца на свой счет 2000 рублей, то он подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком до 6 лет. Если он приобретает на указанную сумму товар и производит расчет в магазине похищенной картой, то его действия должны быть квалифицированы как мелкое хищение, поскольку в них формально присутствуют признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, — мошенничество с использованием электронных средств платежа, но сумма похищенного составляет менее 2500 рублей. В случае, если сумма, на которую лицо производит расчет с использованием похищенной карты, превысит 2500 рублей, то максимальное наказание составит до 3 лет лишения свободы, в отличие от наказания, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, — 6 лет. Полагаем, что указанная ситуация требует разрешения.

Еще одним вопросом, заслуживающим внимания, является то, что при изучении судебной практики с момента введения в УК РФ ст. 159.6 не выявлено ни одного примера «компьютерного мошенничества», совершенного не в отношении электронных денежных средств или не с банковского счета. На основании этого следует констатировать, что на практике «традиционным» для хищения в сфере компьютерной информации является хищение денежных средств именно с банковского счета или электронных денежных средств.

Таким образом, развитие информационно-коммуникационных технологий, их внедрение в финансово-экономическую сферу повлекло за собой смену формы денежного обращения — из наличной в безналичную, которая стала привлекательной и удобной не только для расчетов и хранения денежных средств, но и для преступных посягательств на них, число которых из года в год стабильно растет.

Общественная опасность хищений безналичных денежных средств значительно выше общественной опасности хи-

щений наличных денежных средств, что потребовало ужесточения уголовной ответственности за их совершение. Однако решения, принятые в этом направлении, являются недостаточно действенными, поскольку при одинаково высокой общественной опасности хищений безналичных денежных средств остается необоснованной разница в квалификации таких деяний и, соответственно, наказания (между статьями 158 и 159.3). Кроме того, законодателем не учтено, что хищения с использованием компьютерной информации совершаются лишь в отношении безналичных денежных средств и что по способу совершения такие хищения не являются мошенничеством.

Возможным решением обозначенных проблем может быть норма, объединяющая в своем содержании уголовную ответственность за совершение хищения с использованием компьютерной информации и за совершение хищений с банковских счетов и электронных денежных средств. Однако это предложение требует проведения дополнительного исследования.

Список литературы

1. Гладких В. Компьютерное мошенничество: а были ли основания его криминализации? // Российский следователь. 2014. N 22. С. 25-31.
2. Шергин Р. Уголовная ответственность за компьютерное мошенничество: новое не всегда лучшее // Законность. 2017. N 5. С. 47-49.
3. Третьяк М. Правила квалификации компьютерного мошенничества и преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ // Уголовное право. 2014. N 4. С. 69-74.
4. Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации новых видов мошенничества // Проблемы квалификации и расследования преступлений, подследственных органам дознания: материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 3-5.
5. Архипов А.В. Ответственность за хищение безналичных и электронных денежных средств: новеллы законодательства // Уголовное право. 2018. N 3. С. 4-9.
6. Антонов А.Г., Агильдин В.В., Витовская Е.С. К вопросу о характере общественной опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Всероссийский криминологический журнал. 2017. N 1. С. 154-161.
7. Иванов И.С., Рязанцева С.В. Современный подход к определению мер уголовной ответственности за хищение денежных средств, находящихся на банковском счете, и электронных денежных средств // Российский следователь. 2018. N 8. С. 46-50.

References

1. Gladkih V. Komp'yuternoe moshennichestvo: a byli li osnovaniya ego kriminalizatsii? [Computer fraud: were there any grounds for its criminalization?]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator, 2014, no. 22, pp. 25-31.
2. Shergin R. Ugolovnaya otvetstvennost' za komp'yuternoe moshennichestvo: novoe ne vseгда luchshee [Criminal liability for computer fraud: the new is not always the best]. Zakonnost' – Legality, 2017, no. 5, pp. 47-49.
3. Tret'yak M. Pravila kvalifikatsii komp'yuternogo moshennichestva i prestupleniy, predusmotrennyh gl. 28 UK RF [Rules for the qualification of computer fraud and crimes under Ch. 28 of the Criminal Code]. Ugolovnoe pravo – Criminal law, 2014, no. 4, pp. 69-74.

4. Sharapov R.D. Aktual'nye voprosy kvalifikatsii novyh vidov moshennichestva [Actual issues of qualification of new types of fraud]. Problemy kvalifikatsii i rassledovaniya prestupleniy, podsledstvennyh organam doznaniya – Problems of qualification and investigation of crimes under investigation by the bodies of inquiry. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. Pp. 3-5.

5. Arhipov A.V. Otvetstvennost' za hishchenie beznalichnyh i elektronnyh denezhnyh sredstv: novelly zakonodatel'stva [Responsibility for the theft of non-cash and electronic money: legislative novels]. Ugolovnoe parvo – Criminal Law, 2018, no. 3, pp. 4-9.

6. Antonov A.G., Agil'din V.V., Vitovskaya E.S. K voprosu o haraktere obshchestvennoy opasnosti prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih analogov [To the question of the nature of the public danger of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues]. Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – All-Russian Criminological Journal, 2017, no. 1, pp. 154-161.

7. Ivanov I.S., Ryazantseva S.V. Sovremenniy podhod k opredeleniyu mer ugolovnoy otvetstvennosti za hishchenie denezhnyh sredstv, nahodyashchih'sya na bankovskom schete, i elektronnyh denezhnyh sredstv [A modern approach to the determination of criminal liability for the theft of funds in a bank account and electronic funds]. Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator, 2018, no. 8, pp. 46-50.

Раздел 11. Обзоры, рецензии, критика

ЛАПШИН В.Ф., LAPSHIN V.F.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,
kapitan-44@yandex.ru associate professor,
Кафедра уголовного права kapitan-44@yandex.ru
и уголовного процесса; Chair of criminal law and criminal procedure;
Югорский государственный университет, Ugra State University,
628012, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, Chekhova St. 16,
Khanty-Mansiysk, 628012,
Russian Federation

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ З.Ф. ЗАЙНУЛЛИНОЙ «УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОНТРАБАНДЕ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ, АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ»*

Аннотация. В отзыве отражены основные положения диссертационного исследования, посвященного вопросам научного обоснования установления ответственности за контрабанду наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий. В нем рассмотрен ряд сформулированных диссертантом выводов и предложений, научное обоснование и практическая значимость которых не вызывает сомнений. Отдельное внимание уделено вопросам разграничения с исследованием Н.Е. Панфиловой, проведенным по аналогичной тематике. В частности, в диссертации З.Ф. Зайнуллиной содержится решение вопросов применения норм об ответственности за контрабанду, которые не входили в предмет исследования Н.Е. Панфиловой. Скрупулезный анализ полученных двумя соискателями результатов позволил сделать вывод о принципиально различных научных исследованиях. При этом каждое из них вносит существенный вклад в уголовно-правовую науку. Несмотря на наличие в диссертации некоторых положений и выводов, имеющих дискуссионный характер, сделан вывод о том, что автор исследования, З.Ф. Зайнуллина, заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Ключевые слова: уголовное право; уголовно-правовое противодействие; контрабанда; уголовная ответственность; объект уголовно-правовой охраны; Евразийский экономический союз.

REVIEW OF THE THESIS BY Z.F. ZAYNULLINA "CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO SMUGGLING OF CASH, MONETARY INSTRUMENTS, ALCOHOLIC BEVERAGES AND TOBACCO PRODUCTS"

Annotation. The review reflects the main provisions of the dissertation research devoted to the issues concerning the scientific substantiation of establishing liability for smuggling of cash, monetary instruments, alcohol and tobacco products. The author of the review considers a number of conclusions and proposals formulated by the author of the thesis, the scientific basis and practical significance of which is beyond doubt. Special attention is paid to the differentiation of the considered research with the research conducted by N.E. Panfilova on a similar topic. In particular, Z.F. Zaynullina's dissertation contains the solution of the issues concerning the application of rules on liability for smuggling, which were not the subject of research of N.E. Panfilova. A thorough analysis of the results obtained by two applicants allowed to come to the conclusion that these are two fundamentally different scientific studies. At the same time, each of them makes a significant contribution to criminal law science. Despite the fact that the thesis contains some provisions and conclusions of a controversial nature, it is concluded that the author of the research Z.F. Zaynullina deserves the awarding of the required scientific degree.

Keywords: criminal law; criminal law counteraction; smuggling; criminal liability; object of protection under criminal law; Eurasian Economic Union.

* Зайнуллина З.Ф. Уголовно-правовое противодействие контрабанде наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2018. 165 с.

Диссертационное исследование З.Ф. Зайнуллиной выполнено на весьма актуальную тему, представляющую и научный, и практический интерес в области уголовно-правовой регламентации контрабанды наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий. В современных условиях уголовное законодательство об ответственности за совершение контрабанды, как и практика его применения, нуждаются в глубоком научном осмыслении. Это вызвано, во-первых, принятием решения об исключении ст. 188 из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК), что в действительности не повлекло декриминализацию контрабанды отдельных видов товаров, предметов или средств, оборот которых ограничен или запрещен на территории Российской Федерации (Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. N 420-ФЗ).

Во-вторых, создание межгосударственного объединения – Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС или Союз), включающего в себя ряд государств – участников СНГ, в целях обеспечения экономической безопасности и национальных интересов в области экспорта и импорта товаров, работ и услуг, требует пересмотра и унификации положений национального уголовного законодательства всех стран Союза.

Наличие перечисленных обстоятельств указывает на необходимость всестороннего научного анализа положений уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану общественных отношений в области перемещения товаров (работ, услуг) через таможенную границу государств – участников ЕАЭС.

Объект и предмет диссертационного исследования (с. 6) определены вполне удачно, что обеспечивает достижение заявленной цели исследования: разработка научно обоснованных положений, раскрывающих особенности уголовной ответственности за контрабанду наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий, дающих системное толкование признаков соответствующих составов преступлений, а также определяющих правила применения уголовно-правовых норм

об ответственности за контрабанду этих предметов (с. 6-7).

Используемая методология соответствует особенностям объекта и предмета исследования. Автором использованы разнообразные методы научного познания (с. 7-8), что обеспечило всесторонность, полноту и качество представленной работы.

Большинство сформулированных выводов и предложений являются достоверными и обоснованными. Данный результат был обеспечен правильной постановкой целей и задач исследования, значительным количеством фундаментальных научных работ в области экономических, в том числе таможенных, преступлений, обширной нормативной базой, включающей в себя, помимо источников национального законодательства, международные нормативные акты ЕАЭС, уголовное законодательство государств – участников ЕАЭС, а также стран дальнего зарубежья в части установления ответственности за контрабандные действия. Всего при проведении исследования было изучено 242 источника, 37 из которых являются нормативными актами национального, международного и зарубежного права (с. 139-143).

Отдельного одобрения заслуживает сформированная автором эмпирическая база диссертации (с. 8), включающая в себя:

- материалы 87 уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 200.1 и 200.2 УК и рассмотренных в период 2014-2018 гг. судами, осуществляющими деятельность в 12 регионах России;

- постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и СССР по вопросам квалификации некоторых экономических преступлений;

- обобщенные данные опроса 126 сотрудников следственных подразделений МВД России, Следственного комитета Российской Федерации, прокуратуры, судов, таможенных органов (опрос проводился в период 2016-2018 гг. на территории г. Москвы и Республики Башкортостан).

Достаточная степень апробации результатов диссертационного исследования подтверждается опубликованными семью научными работами по теме диссертации (общим объемом 3 печатных листа), четыре из которых содержатся в рецензи-

руемых юридических научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования России для публикации основных положений диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата или доктора наук. Кроме того, некоторые положения диссертации были предметом докладов и обсуждений на двух международных научно-практических конференциях (с. 13).

Достоверность большинства результатов научного исследования подтверждается прежде всего значительной эмпирической и доктринальной базой, на основе которой проведено исследование.

По формальным признакам научная новизна представленного З.Ф. Зайнуллиной исследования может быть поставлена под сомнение. Причиной этого является защита Н.Е. Панфиловой диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право по теме: «Уголовно-правовое и криминологическое противодействие контрабанде денежных средств и (или) денежных инструментов, алкогольной продукции и (или) табачных изделий». Защита данного исследования состоялась 16 ноября 2018 г. на заседании диссертационного совета Д 212.081.32, созданного на базе ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Сопоставительный анализ установочных положений диссертаций Н.Е. Панфиловой и З.Ф. Зайнуллиной указывает на их схожесть. В частности, имеют место некоторые совпадения:

- в названиях диссертаций;
- предмете диссертационного исследования: ст.ст. 200.1 и 200.2 УК, нормы зарубежного и международного права об ответственности за контрабанду, следственно-судебная практика их применения;
- целях проведения исследований, фактически предполагающих формулирование предложений об изменении и дополнении действующего УК в части установления ответственности за контрабанду наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий;

— отдельных задачах исследований: изучение объективных и субъективных признаков основного и квалифицированного составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 200.1 и 200.2 УК, исследование материалов следственно-судебной практики по уголовным делам о контрабанде.

Однако, несмотря на указанные совпадения в установочной части диссертации, работа, представленная З.Ф. Зайнуллиной, является самостоятельным научным исследованием, содержащим авторские выводы и предложения, подавляющее большинство которых не корреспондируют выводам и предложениям, сформулированным и обоснованным в диссертации Н.Е. Панфиловой.

Принципиальное отличие диссертации З.Ф. Зайнуллиной заключается прежде всего в скрупулезном исследовании законодательства об уголовной ответственности за контрабанду, применяемого в государствах — участниках ЕАЭС, а также в Италии, ФРГ, Швейцарии, Китая и других государствах, тогда как диссертация Н.Е. Панфиловой направлена на изучение исторических тенденций развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за контрабанду, а также различных криминологических аспектов противодействия преступности в сфере незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС денежных средств и (или) денежных инструментов, алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Подробный анализ положений зарубежного уголовного законодательства об ответственности за контрабанду, представленный в диссертации З.Ф. Зайнуллиной, а также сформулированные выводы, бесспорно, обладают научной новизной и представляют интерес как для последующих компаративных исследований в области уголовной ответственности за таможенные преступления, так и для возможной рецепции при совершенствовании норм УК о контрабанде.

Кроме этого, диссертация З.Ф. Зайнуллиной содержит решение вопросов применения норм об ответственности за контрабанду, которые не были включены в предмет исследования, проведенного Н.Е. Панфиловой, а именно:

— определены особенности привлечения к ответственности должностных лиц таможенных органов любого союзного государства, на территории которого совершается контрабанда, с учетом принципов действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц (с. 12, 110-111);

— сформулированы предложения по унификации уголовного законодательства государств — участников ЕАЭС в части определения оснований и условий ответственности за контрабанду (с. 12, 129);

— указаны юридические особенности добровольного отказа от совершения контрабанды, специфика квалификации контрабанды при наличии совокупности соответствующих уголовно наказуемых деяний, а также при недоведении преступления до конца по не зависящим от лица обстоятельствам (с. 111-130).

Несомненной новизной отличаются и научно обоснованные выводы, сформулированные З.Ф. Зайнуллиной относительно правового содержания подавляющего большинства объективных и субъективных признаков составов контрабанды, предусмотренных ст.ст. 200.1 и 200.2 УК. Автор небезосновательно указывает на ошибочность официально определяемого родового объекта данных преступлений и доказывает, что в действительности вред при совершении контрабанды наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий причиняется общественным отношениям, сложившимся в области государственного контроля за перемещением этих предметов через таможенную границу ЕАЭС, то есть отношениям в области порядка управления, охраняемым нормами гл. 32 УК (с. 9-10, 85-86).

В свою очередь, Н.Е. Панфилова, не отрицая справедливости отнесения контрабанды указанных предметов к разновидности преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК), высказала небесспорную идею о наличии в составах контрабанды дополнительного объекта в виде отношений общественной безопасности.

Относительно признаков объективной стороны составов исследуемых видов контрабанды З.Ф. Зайнуллина делает вывод о необходимости уголовно-правового

закрепления перечня способов совершения контрабанды, а также, в отличие от Н.Е. Панфиловой, предлагает пересмотреть правовое содержание места юридического совершения контрабанды и перенести момент окончания преступления на более раннюю стадию — подачу декларации в таможенные органы, после которой лицо теряет контроль над развитием причинно-следственной связи (с. 11, 84-86).

Наконец, З.Ф. Зайнуллина при анализе субъективной стороны состава контрабанды обращает внимание на необходимость расширенного толкования категории «прямой умысел», справедливо указывая, что при привлечении лица к уголовной ответственности за совершение контрабанды необходимо установить не только факт осознания общественной опасности совершаемого перемещения, но и его противоправности, то есть знаний о наличии специальных нормативных требований, запрещающих подобное перемещение через таможенную границу ЕАЭС (с. 96-101). В то же время Н.Е. Панфилова склоняется к прерогативе установления в процессе квалификации объективных критериев контрабанды.

Полное совпадение мнений присутствует только в части необходимости признания юридического лица субъектом уголовной ответственности, причем З.Ф. Зайнуллина обозначает данный вывод в качестве одного из положений, выносимых на защиту (с. 11). Данное обстоятельство, как представляется, нисколько не влияет на самостоятельность представленного З.Ф. Зайнуллиной исследования, поскольку сама идея привлечения организации к уголовной ответственности уже давно является предметом широкой научной дискуссии, материализованной в нескольких законопроектах об изменении и дополнении российского уголовного закона.

Учитывая данные обстоятельства, можно утверждать, что диссертационное исследование З.Ф. Зайнуллиной является самостоятельным научным трудом, полностью исключая наличие технического и содержательного плагиата.

Представляется, что наиболее удачными, аргументированными и заслуживающими поддержки являются следующие авторские выводы:

– определение специфики общественных отношений, которым действительно причиняется вред в результате совершения контрабанды – управленческая сфера государственной деятельности;

– обоснование необходимости признания момента юридического окончания контрабанды до фактического перемещения через таможенную границу предмета преступления. Думается, что данный вывод имеет существенное практическое значение, а его реализация обеспечит надлежащую уголовно-правовую охрану таможенных отношений, возникающих в процессе экспорта товаров;

– указание на условия, при которых возможна уголовная ответственность должностных лиц таможенных органов иных государств – участников ЕАЭС и др.

В целом, высоко оценивая качество результатов диссертационного исследования, необходимо обратить внимание автора на некоторые положения и выводы, которые имеют дискуссионный характер, и поэтому нуждаются в дополнительном обосновании и (или) содержательном уточнении.

Во-первых, положение N 2, выносимое на защиту, носит сугубо описательный характер (с. 10). По этой причине автору следует в процессе устной защиты диссертации указать, какой вывод сделан в результате анализа уголовного законодательства отдельных стран СНГ в части объекта контрабанды и каково его значение для уголовно-правовой науки и (или) законотворческой деятельности.

Во-вторых, предложение о признании юридического лица субъектом уголовной ответственности в настоящее время вряд ли может претендовать на научную новизну. Данная идея подвергалась научному анализу и, как представляется, справедливой критике еще в советской уголовно-правовой науке. К настоящему времени данный вопрос неоднократно обсуждался на уровне Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, однако положительного решения не получил. Представленные соискателем аргументы о необходимости данного нововведения (с. 88-89) не отличаются обстоятельностью исследования и носят поверхностный характер, и в связи с этим нуждаются в дополнительном обосновании.

В этой части необходимо обратить внимание автора на допущенную непоследовательность при определении субъективных признаков состава контрабанды. С одной стороны, З.Ф. Зайнуллиной справедливо указывается на необходимость всестороннего и полного анализа интеллектуального и волевого моментов прямого умысла на совершение контрабанды, с другой – предлагается признать субъектом контрабанды юридическое лицо, которое не способно осуществлять сознательную и волевою деятельность. Исходя из этого, привлечение юридического лица к уголовной ответственности приведет к узаконению объективного вменения и исключению принципа вины из действующего уголовного закона России.

В-третьих, нельзя согласиться с предложением о необходимости перечисления в соответствующих уголовно-правовых нормах всевозможных способов совершения контрабанды. Подобная казуистика неизбежно повлечет за собой существенное увеличение объема уголовного закона, что является нарушением правил юридической техники о лаконичности и ясности нормативных предписаний. Кроме этого, способ перемещения предмета контрабанды через таможенную границу не имеет юридического значения для квалификации, поскольку общественную опасность контрабанды формирует факт незаконного перемещения – нарушение запрета, установленного таможенным законодательством, а не способ совершения такого перемещения. Поэтому данный признак объективной стороны целесообразно рассмотреть в качестве средства индивидуализации уголовной ответственности, учитываемого при назначении наказания.

Тем не менее без дискуссионных положений немыслима ни одна научная работа. Полемика присуща любому исследованию, что подчеркивает его высокую степень актуальности и важности предложений по разрешению затронутых проблем. Таким образом, высказанные замечания ничуть не влияют на общее положительное впечатление от работы З.С. Зайнуллиной и могут рассматриваться в качестве рекомендаций для учета в последующих научных исследованиях.

Логически выверенный план, правильное использование методов научного поиска, оригинальность и обоснованность большинства результатов, полученных в ходе исследования, позволяют сделать вывод об их бесспорной теоретической и практической значимости.

Ценность рассматриваемого исследования заключается в получении новых научных знаний не только в сфере теории юридической ответственности за контрабанду наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий, но и в области законотворческой деятельности. Диссертация З.Ф. Зайнуллиной содержит в себе решение задачи, имеющей значение для развития уголовно-правовой доктрины, прежде всего тех ее разделов, которые затрагивают вопросы научного обоснования специфики установления ответственности за совершение преступлений и иных правонарушений, сопряженных с контрабандой наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий.

На основании изучения текста диссертации, автореферата и списка научных работ, опубликованных соискателем в процессе проведения исследования, можно заключить, что диссертация З.Ф. Зайнуллиной: 1) написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, по-

ложения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в гуманитарную (юридическую) науку; 2) содержит сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов и рекомендации по использованию научных выводов; 3) прошла необходимую апробацию в научных публикациях.

Таким образом, диссертация З.Ф. Зайнуллиной является научно-квалификационной работой, в которой представлено решение задачи, имеющей значение для развития отечественной юридической науки.

Диссертационное исследование, выполненное по теме «Уголовно-правовое противодействие контрабанде наличных денежных средств, денежных инструментов, алкогольной продукции и табачных изделий», в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, которые предусмотрены в пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842 «О порядке присуждения ученых степеней». Автор диссертации Зульфия Фазрахмановна Зайнуллина заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.